

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

*International Journal of Humanities and
Natural Sciences*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 5-6 (92)

2024

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ *гуманитарных и естественных наук*

№ 5-6 (92), май 2024 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Тогусаков О.А. – д-р филос. наук, профессор, академик НАН (Киргизия)

Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, профессор РАО (Россия)

Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)

Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)

Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)

Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)

Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)

Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)

Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)

Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)

Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)

Ниценко В.С. – д-р экон. наук, доцент (Украина)

Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Датий А.В. – д-р мед. наук (Россия)

Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)

В Международном журнале гуманитарных и естественных наук публикуются результаты научных исследований фундаментального и прикладного характера в области физики, химии, биологии, экономики, философии, финансов, управления и других наук. К публикации принимаются статьи как уже состоявшихся ученых, так и начинающих (аспирантов, магистров, студентов).

Рабочий язык журнала русский и английский.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Редакция оставляет за собой право отклонить поданные на публикацию материалы научных исследований без объяснения причин.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Асанбекова Э.Ж., Абдыкадырова С.Р. Этноментальная и когнитивно-языковая сущность концепта «обычай/адат» в русской и кыргызской лингвокультурах _____	6
Аспердиева Ч.М., Капарова К.М., Мадаминова Д.Б. Методология исследования концепта _____	11
Белавинцева Д.А. Использование искусственного интеллекта в переводе художественных текстов _____	15
Бреусов В.К. Языковые особенности языка правовой формы Legalese _____	18
Буряк Н.Ю. Игровой сленг как новая форма коммуникации в современном мире ____	21
Ерзенкина М.В. Роль и место невербальных компонентов в англоязычном медийном дискурсе _____	24
Кондратова Т.И., Салтанова Н.Ю., Мельников А.И. Прием остранения и его функции в романах «Страна вина» Мо Яня и «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро ____	28
Налбандян Л.А. Об интерпретации одиночества в пространстве художественного текста (на примере рассказов Дж. Арчера и М. Боуэн) _____	34
Суслова В.Г. Особенности построения номинативного поля художественного концепта «Средневековая Англия» (на основе англоязычной прозы) _____	39
Тарасова А.А. Аллюзия как объект перевода в аудиовизуальном переводе _____	43
Хань Кэсинь, Геддис Е.В. Особенности метафоры при изучении лирики А.С. Пушкина на занятиях русского языка как иностранного _____	46
Ян Цзы Этимологический анализ как метод сопоставительного анализа концепта ____	51

Философские науки

Лестев Е.С., Положенкова Е.Ю. Антисциентизм: экзистенциальная интерпретация научного знания _____	54
Максимов М.А. Проблемы «открытого» цифрового общества: социально-философский анализ _____	58
Мешков И.М. «Аксиологическая предметность» в системе ценностных ориентаций немецкого и русского неокантианства _____	62
Мешков И.М. «Аксиологическая предметность» культуры в системе ценностных ориентаций русского неокантианства и феноменологии _____	68
Осинкина И.А. Философский аспект развития личности человека через конфликт естественного и социального _____	74
Петракова А.С. Мораль как регулятор общественного поведения в религиозном и философском понимании _____	77

Положенкова Е.Ю., Чернокужников К.М., Соловьёв Н.В. Трансгуманизм как форма гедонизма современной культуры: история, сущность, последствия _____ 82

Исторические науки

Гаврилова Э.Д. Историческое просвещение – новое направление деятельности современного Российского государства _____ 86

Жук Е.М. Специфическая и градообразующая привокзальная площадь станции «Обь» (Ново-Николаевск) как характерный пример нового сибирского градостроительства _____ 89

Зурабян А.А. Банковское дело во Флоренции XV-XVI вв. _____ 95

Зурабян А.А. Формирование идеологических взглядов Д. Савонаролы _____ 98

Тельминов В.Г., Баранкова А.В. Публично-частный континуум: к вопросу об индикаторах трансформации принципата _____ 101

Упоров И.В. Правовой нигилизм и правовой позитивизм российского общества в историческом контексте _____ 117

Упоров И.В. Советская пенитенциария послевоенного периода _____ 122

Искусствоведение

Лю Сюаньцзы Эмоциональное выражение в музыке: роль песни в выражении и формировании эмоций _____ 127

Чжан Цзяньфан Голоса культуры: исследование эмоциональной экспрессии в музыкальном искусстве _____ 131

Культурология

Гу Тяньчи Традиционная праздничная культура: понятие и сущность _____ 135

Психологические науки

Осинкина И.А. Микрогруппы в образовательном коллективе и их влияние на общую сплоченность и результативность _____ 138

Социологические науки

Гаврилова Э.Д. Правовая политика России в сфере развития традиционных семейных ценностей _____ 141

Корнильцева Е.Г. Интернет-зависимость россиян _____ 144

Осинкина И.А. Социальные последствия школьного буллинга _____ 147

Реснянская А.А. Гендерные стереотипы студенческой молодёжи в сфере семьи и быта _____ 150

Самокаева В.В. Проблемы ресоциализации осужденных, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и пути их устранения _____ 153

Сельскохозяйственные науки

Горбунова С.В. Рост сеянцев ели с закрытой корневой системой на различных субстратах в питомнике Архангельской области _____	156
Жаркова С.В. Формирование структуры урожая чеснока озимого в условиях юга западной Сибири _____	160
Пугач Д.А. Дайкон как фитомелиорант почвы _____	163
Пугач Д.А. Одновидовые и поливидовые посевы полевых культур _____	167
Шабанова С.А., Богиева О.Р., Слюсарев В.Н. Характеристика свойств черноземов, выщелоченных центральной экспериментальной базы ФНЦ ВНИИМК города Краснодара _____	171

ЭТНОМЕНТАЛЬНАЯ И КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА «ОБЫЧАЙ/АДАТ» В РУССКОЙ И КЫРГЫЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Э.Ж. Асанбекова¹, преподаватель

С.Р. Абдыкадырова², доцент

¹Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

²Ошский государственный университет

¹(Кыргызстан, г. Бишкек)

²(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-6-10

Аннотация. Данное исследование посвящается раскрытию этноментальной и когнитивно-языковой сущности концепта «обычай/адат» на материале паремиологических единиц языка. Авторы рассматривают паремиологические единицы русского и кыргызского языков и подобные им слова с точки зрения когнитивного языкознания, лингвоэтнокультурологии и сопоставительной лингвистики.

Ключевые слова: концепт, культура, язык, лингвистика, пословицы и поговорки.

Обычай и традиция – близкие, взаимно дополняющие понятия. Нередко они употребляются как синонимы. Многоаспектность этих понятий особо подчеркивает И.В. Суханов в книге «Обычаи, традиции и преемственность поколений». Он пишет: «Традиции – это не регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации, сложившихся в жизни данного общества идеологических, политических, нравственных, религиозных, эстетических отношений» [1, с. 61]. Следовательно, концепт «*обычай/адат*» является многоплановым и многослойным предметом лингвоэтнокультурологического исследования.

В лингвистике далеко не все лексические единицы, объединяемые концептом «*обычай/адат*», получили семасиологическое освещение, их общее лингвоэтнокультурное содержание раскрыто поверхностно и изучается от случая к случаю, непоследовательно и несистемно. Билингвальное изучение содержания рассматриваемого концепта важно для сопоставительной лингвокультурологии.

В русском языке слово *обычай* рассматривается в целом ряде семасиологических и концептологических исследований в связи со словами *обыкновение, ритуал, традиция, норма, мода* и др. и затрагиваются

нюансы совпадения и различия этих слов [Веснина Г.Ю. 2012. с. 87-89.; Глебкин В.В. 1998, с. 3-168; Ефанова Л.Г. 2006, с. 53-59; Кравченко А.В. 2009, с. 51-66; Федяева Н.Д. 2010, с. 14.; Шацкая Ж.Ю. 2011, с. 10-105; Леонтьева Т.В. 2014, с. 14-39 и др.]. Кыргызское слово *адат* никем из языковедов еще специально не изучалось.

В КРС К.К. Юдахина, правда, читаем: *адат* араб. 1) обычай, привычка; обыкновение, традиция; 2) обычное право, совокупность норм обычного права [2, с. 22], где отмечается происхождение этого слова, его общеупотребительное и историко-правовое значение.

Наша задача – изложить основную этноментальную и когнитивно-языковую сущность концепта «*обычай/адат*», опираясь на лексико-фразеологические единицы языка, необходимые для исследования данного концепта в русской и кыргызской лингвокультурах.

Понятие «обычай» раскрывается в энциклопедических, философских, социологических, этнографических, географических, исторических и других словарях и трудах. Понятие «обычай» раскрывается в энциклопедических, философских, социологических, этнографических, географических, исторических и других словарях и трудах. В «Советском энциклопедическом словаре» мы читаем: *обычай* – это «стереотипный способ поведения, который

воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов. Устаревшие обычаи сменяются в процессе исторического развития новыми, способствующими становлению новых, прогрессивных общественных отношений» [3, с. 911]. Ключевое слово в этом определении **поведение**, потому что без денотатов, без тех реальных действий, которые являются проявлениями поведения, не может быть речи об обычаях. Но поведение само по себе не является предметом или признаком обычая. Поэтому особо подчеркиваются **стереотипность, привычность и воспроизводимость поведения** в определенных типах общества и социальных групп, а также **сменяемость** устаревших, изживших себя **стереотипов и привычек** новыми, прогрессивными [4, с. 95].

В паремиологическом фонде кыргызского и русского языков немало пословично-поговорочных изречений, содержащих в себе, номинанты концепта «обычай/адат». Пословичный фонд русского народа включает в себя много наименований, выступающих в качестве репрезентативов концепта «обычай»: *закон, устав, вера, нрав, обыкновение* и т.д. Мы приведем и прокомментируем только такие, в которых употреблен основной номинант концепта – слово *обычай* вместе с его кыргызскими эквивалентами.

Кырг. *Адат – адат эмес, жөн – адат* – **Обычай** – не **обычай**, повод – **обычай**. Слово *жөн* многозначно. Оно участвует в передаче сем 1) «правильный, верный, нормальный, дельный»; 2) мирный, спокойный»; 3) «мотив, причина, происхождение»; 4) «направление, налаживание, наставление, правильный путь»; 5) «простой, пустячный, так себе»; 6) «отношение», 7) значения предлогов «о, по поводу, про» и т.д. [2, с. 264].

В пословице признается ценность обычая, но отмечается, что любой обычай должен иметь мотив, причину, цель, направление. Он должен подчиняться условиям и обстоятельствам жизни людей. Обычай важен не сам по себе. Его соблюдение должно определяться согласованно, взвешенно и способствовать налаживанию

отношений между людьми. В ней подчеркивается позитивность обычая в регулировании межличностных и, возможно, межэтнических отношений в обществе. Близкая идея содержится в пословице *Салт менен кылмышты айра билген жакшы* – Важно различать **обычай** и **преступление**. Здесь обычай и преступление противопоставлены друг другу и представлены как проявления добра и зла, положительного и отрицательного. Соблюдение общепринятых установок и правил противопоставляются совершению антигуманных, противоправных, уголовно наказуемых деяний (воровство, убийство и т. д.).

Несовпадение взглядов на вещи и события нередко приводят к разногласиям, вражде и противостоянию, вызывает недоумение у тех, кто является свидетелем «столкновения» противоположных мнений и норм поведения. Ср. в связи с этим русскую пословицу. *У Сидора обычай, у Карпа свой*. – Сидордун өз адаты бар, Карптын өз адаты бар. Русскую рифму [ъй-ой] мы компенсируем полным параллелизмом частей предложения. Русская пословица имеет эллиптическое строение. Она, может быть, трансформирована путем вставки в предложения связки *есть* перед существительным в именительном падеже, вставки слова *свой* в первую часть пословичной фразы по аналогии со второй частью и повтора слова *обычай* во второй части фразы. В этом случае исчезают обрзанность и локаничность изречения. Ср.: *У Сидора есть свой обычай, у Карпа есть свой обычай*. Этот восстановленный «вариант», конечно, понятен любому носителю русского языка и соответствует нашему переводу, а буквальный перевод в виде *Сидордо салт, Карпта өзүнүкү/Сидордун салты, Карптын өзүнүкү* сохраняет облик русской пословицы, но не соответствует нормам кыргызского синтаксиса, кыргызского менталитета и пословичной структуры. Русское возвратно-притяжательное местоимение *свой*, субстантивируясь, вобрало в свою семантику значение существительного *обычай* в первой части фразы и выступает как лексическая единица с плотным содержанием, состоящим из сем: 1) «притяжательный, принадлежащий»,

2) «принадлежащий существительному – субъекту обладания в родительном падеже с предлогом *у*, имеющим притяжательное значение» и 3) «обычай». Это говорит о том, что русское местоимение *свой* в пословичном контексте приобрело качество многозначности и семантической многокомпонентности, обеспечивая лаконичность, содержательность и смысловую обремененность текста.

В русских пословицах и поговорках слово *обычай* передает разные значения. В качестве специфических черт обычаев их выделяют:

1. Устойчивость и постоянство обычая: *Обычай не клетка: скоро не переставишь*. – *Салт тор эмес: тез өзгөртө албайсың. Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить*. – *Сыйынганга барба, бирок салтты өзгөртпө//Сыйынууга барбасаң да, салтты алмаштырба*. Устойчивость обычая подчеркивается словами *не переставишь – өзгөртө албайсың, не переменить – өзгөртпө/алмаштырба*. В паремиях подчеркивается постоянство обычая, в отличие от клетки, которую легко переставить, и от обедни, которую можно запросто переменить или перенести.

2. Привычность поведения представителей тех или иных социальных групп в различных ситуациях жизни:

а) *Казаки обычаем, что собаки* (Снегирев). – Казактар (орус казактары) иттер сыяктуу *адаты/салты* менен айырмаланат.

Русская пословица имеет глубоко национально-культурный смысл. Здесь эллиптическое образование. Между первым и вторым словами можно вставить слова *отличаются*, а союз *что*, имеющий сравнительное значение, можем заменить сочетанием *каки*. Пословицу, следовательно, можно трансформировать в виде *Казаки отличаются обычаями, как и собаки/ Казаки, как и собаки, отличаются обычаем*.

Для кыргызского этнического сознания значение русского слова *казак* чуждо. Только образованная часть кыргызов четко представляет этническую принадлежность казаков. Кыргызское мышление часто путает объекты двух этнонимов, представленных в словах *казак* и *казах*, кото-

рые соответствуют двум разным русским словам: *казак* – название представителя сословия среди русских и *казах* – название представителя тюркоязычного народа. Слова *казак* и *казах*, вероятно, имеют этимологическую связь. Кыргызское языковое сознание нередко смешивает эти два разных знака. Поэтому выше мы использовали поясняющий оборот *орус казактары* для передачи отличия сословной принадлежности от национальной. Контекст пословицы допускает использование в переводе наряду со словом *адат* и слова *салт*;

б) *Женской обычай – слезами беде не помогать*. (Снегирев). – Аялдын *адаты* ый менен балакетке жардам берет/ Ый менен балакетке жардамдашуу – аялдын *адаты*.

Два варианта перевода, предложенных нами, имеют некоторые мотивы. Слово *слезами* можно перевести сочетанием *жашы менен*. В этом случае однозначность понимания смысла фразы нарушается. Слова *жаш* «слеза» омонимично слову *жаш* «молодой, год, возраст» и вызывает ассоциацию с возрастом и молодостью женщины. Поэтому мы использовали слова *ый* «плач».

3. Социокультурная, этноментальная и ареальная ограниченность обычая. Данный пословичный тип значения слова *обычай* носит пассивный характер, подчеркивает принадлежность правил определенной группе общества или их распространенность в определенных местах обитания людей. Ср. некоторые примеры: *Что край, то обычай, что народ, то и вера*. – Ар жердин өз *салты* бар, ар элдин өз дини бар / Ар жактын өз *салты* бар, ар элдин өз ишеними бар / Жер бар – *салт* бар, эл бар – дин бар и т.д. Кыргызские эквиваленты могут быть продолжены в разных других вариантах, поскольку слово *край* может быть заменено словами *чөлкөм* «местность, край, область», *аймак* «территория, край», *өлкө* «страна, край», слово *народ* – словами *калк* «народ» *улут* «нация, национальность».

По такой же модели построена пословица: *Что ни город, то нором, что ни село, то обычай, что ни старец, то ставец*. В такой трехчастной форме пословица упо-

требуется реже, чем ее более краткие варианты. Например, в «Русско-кыргызском словаре» приводится только первая часть: *Что город, то норы в переводе Ар элдин салты ар башка* (РКС 1965, с. 440).

4. Привычная среда обитания, являющаяся элементом концепта «обычай», также обобщенно представляется с помощью одноименной лексемы.

В словаре В.И. Даля [5, с. 637] мы находим пословицу *Волку зима за **обычай***, в которой содержится мысль о том, что зима и холод для волка, в отличие от людей и домашних животных, не вызывают особых трудностей и неудобств и, наоборот, мороз и глубокий снег служат для него условиями успешной охоты. Смысл пословицы передается по-кыргызски при помощи образного выражения, имеющего в своем составе три анафоры: *Карышкырга кыш **көнүк***. Все слова начинаются со звука *к*, что и обеспечивает звуковую гармонию паремий. Кыргызское прилагательное *көнүк* «привычный, обычный» как бы свертывает русское сочетание *за **обычай***, сокращая объем афористического знака.

Русско-кыргызская аналогия в приведенных примерах находит полное соответствие в пословице: *Жуку навоз за **обычай***. – *Коңузга кык **көнүк***. Русские паремии имеют структуру: **сущ.** (одуш., ед. ч., муж.

р., дат. п., косв. дополн. и т.д.) + **сущ.** (неод., ед. ч., им. п., подлежащ. и т.д.) + **предлог за** + **слово *обычай***. Кыргызские пословицы обладают строением: **сущ.** (одуш., ед. ч., дат. п., косв. дополн. и т.д.) + **сущ.** (ед. ч., им. п., подл.) + **прил. *көнүк***. Русские фразы состоят из **четырёх слов**, кыргызские – **из трех**. Кыргызское изречение и во втором случае насыщено анафорой, которая обеспечивает его благозвучие и экспрессивность. Специфика кыргызского языка в том, что он легко принимает и образно оформляет русские пословицы, проявляя динамичность и гибкость. В переводе русские пословицы «не ведут» себя как инородные образования и **свободно калькируются языковым сознанием кыргыза**.

Как видим, в пословицах обобщенно передаются представления этноса об обычае. Пословичный дискурс маркирует и моделирует общие суждения, отражающие наблюдения народа за жизненными процессами и событиями. Он в той или иной форме и с разных позиций раскрывает дифференциальные признаки семантики слова *обычай*.

Кратко охарактеризовав русско-кыргызские представления об обычае, отметим, что понятие *обычай* в менталитете двух этносов имеет в целом общие черты.

Библиографический список

1. Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. – Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского, 1996. – 61 с.
2. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь: В 2 томах. – Бишкек, 1985.
3. Большая советская энциклопедия (гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М., 1974. – 12 том. Статья «Обычай». 266 с.
4. Мадаминова Д.Б. Абдуалиева Э.А. О понятийном и оценочном содержании концепта «обычай/салт» в русском и кыргызском языках. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 3. – С. 94-97.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 1957. – 991 с.

**ETHNOMENTAL AND COGNITIVE-LINGUISTIC ESSENCE OF THE CONCEPT
“CUSTOM/ADAT” IN RUSSIAN
AND KYRGYZ LINGUOCULTURES**

Э.Ж. Асанбекова¹, *Senior Lecturer*

С.Р. Абдыкadyрова², *Associate Professor*

¹Kyrgyz State University named after I. Arabaev

²Osh State University

¹(Kyrgyzstan, Bishkek)

²(Kyrgyzstan, Osh)

***Abstract.** This study is devoted to the disclosure of ethnomental and cognitive-linguistic essence of the concept “custom/adat” on the material of paremiological units of language. The authors consider paremiological units of Russian and Kyrgyz languages and similar words from the point of view of cognitive linguistics, linguo-ethnoculturalology and comparative linguistics.*

***Keywords:** concept, culture, language, linguistics, proverbs and sayings.*

METHODOLOGY OF CONCEPT INVESTIGATION

Ch.M. Asperdieva¹, *Senior Lecturer*

K.M. Kaparova², *Associate Professor*

D.B. Madaminova¹, *Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer*

¹**Osh State University**

²**Osh Technological University**

(Kyrgyzstan, Osh)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-11-14

Abstract. *Having considered the concept from the positions of linguocognitive, linguocultural and integrative approaches and having defined its working formulation, let us proceed to the study of the methodology of research and description of concepts. The article describes the most common methods and approaches to the description of concepts. Such research methods as conceptual analysis, method of linguocultural analysis, method of association, etc. are described.*

Keywords: *concept, language, core, periphery, analysis, conceptual analysis, linguoculture, cognitive linguistics.*

Improving the methods of linguistic research is one of the perennial problems in the field of linguistics. The methodology of linguistic research has only recently become the subject of special attention, despite the fact that most textbooks on linguistics deal with this problem. Only since the 1990s have the first textbooks on linguistic research methods appeared [1]. According to many researchers, one of the problems of the methodology of linguistic research is the disorder of the basic concepts that are used. Linguistic methods are not one set of principles and methods for researching and describing language entities.

Instead, they are a "menu" of complementary and/or mutually exclusive methods, used in various combinations and in varying degrees in the study of language. Furthermore, this set is not permanent. It is constantly being enriched, and there are also changes in the attitudes towards certain methods. The same method may be dominant in linguistic practice or, on the contrary, scientifically discredited in different historical periods and in different schools of thought.

The existence of a considerable number of research methods makes it necessary, firstly, to clarify the concept of "linguistic method" and, secondly, to consider how to classify these methods. These two issues have not yet been resolved by modern linguistics and are closely related. It has been pointed out that the term "method" is ambiguous. It is a de-

scription of an aspect of study, a methodology, a technique, a method of description, etc. Naturally, it is difficult to create a scientific classification of linguistic methods with such an undifferentiated approach to the definition of methods [2].

For this reason, even the best works on the methodology of linguistics limit themselves to the description of more or less uncontroversial methods and list them in a row without indicating a hierarchy of classification. Since in the empirical sciences, of which linguistics is one, classification is a way of gaining new knowledge about the relationship between the phenomena and objects studied, any attempt to clarify the concept of method and to present a consistent classification seems to be useful for linguistics. The degree of development of research methods largely determines the effectiveness of research. From the very first approach to an object, every scientist is faced with questions about how to study the linguistic material, where to start research, what stages of analysis to go through, how much material is needed, what aspects, properties and characteristics of the object need to be analysed, and others. For this reason, the methodology of linguistic research is a traditional branch of linguistics and can be found in almost all known textbooks on introductory linguistics and general linguistics. It can be particularly difficult for beginners to understand the methodology of

the science due to the abundance of terms, the variety of their interpretations, modifications and classification principles. As a result, it is the definition of methodology and methods that is most lacking in textbooks.

The subject of linguocultural studies and the basis of its categorical apparatus is the concept as a component of the national conceptosphere, the basic unit of mentality, worldview in the categories and forms of the mother tongue. Traditionally, linguistic methods include all analytical methods, operations and procedures employed to analyse language-cultural relations. These methods can be categorised as linguistic, cultural and sociological. These include: content analysis, frame analysis, narration analysis, methods of fieldwork (describing, classifying, the method of traces), open interviews used in psychology and sociology, the method of language reconstruction of culture, traditional methods of ethnography, methods of experimental cognitive linguistics (the main source of information is the native speaker/informant), psycho-sociocultural experimentation, and language-cultural analysis of text, the real custodian of culture.

It should be noted that in the study of concepts, the researchers start from the fact that the concept is objectified by different units of the language. The most complete picture of a concept is obtained through the analysis of the paradigmatic relations of the most important lexemes that name the concept, the particularities of their use and the study of the stable combinations that interpret the content of the concept.

A term may "disperse" in the content of lexical items, in the body of phrases, in the paremiological fund and in the system of stable comparatives. Thus, the meanings of different linguistic units representing the concept, their dictionary interpretations and linguistic contexts are most often used to study the concept. Describing the structure of a concept in terms of core and periphery is the most common way of doing this. This is the case when a concept is grouped around a certain "strong" point of consciousness. Associative vectors start from this point [3]. The associations relevant to the mother tongue form the core, those of lesser

importance form the periphery. The concept does not have a clear boundary; as one moves away from the core, the associations begin to fade away. The linguistic or linguistic unit which helps to actualise the "centre" of the concept is called the concept name. The components of the core of one system may be the periphery of another system. It is through the periphery that each system of conceptual features intersects with and transcends the other systems. It therefore forms an unbroken, coherent conceptual network. For example: if the core concept is "teacher", its periphery includes *strict, authority, fear, lesson, educator, pupil, pointer, motivator*, etc. The core of the concept is best reflected by the semantics of the key lexeme naming the concept. Analysing the definitions of synonyms of the key word enriches the concept by providing additional distinguishing features.

The so-called method of conceptual analysis, which refers to all the researcher's actions aimed in one way or another at studying a concept with reference to linguistic data, was one of the first methods of linguoculturalology. One type of conceptual analysis is to analyse the semantic structure and pragmatics of an individual term as a cultural phenomenon in a specific historical context. Conceptual analysis should be distinguished from the semantic analysis of a word, despite the fact that a concept can be studied mainly through the lexical means of its expression. In spite of the outward proximity of their substantive tasks and aims, they are in a certain sense opposed to each other, while conceptual analysis proceeds from meaning to its linguistic manifestations [4]. In general, the aim of this method is not only in necessity to describe the history of a word's use and interpretation in order to create a cultural-linguistic portrait of it. The comparison of the etymological, semantic and pragmatic significance of a word should reveal the deep processes taking place within the word; on the other hand, the comparison of the "revealed" mechanism of word formation with the real significance of the word allows us to trace the particularities of thought, of the view of the world of a person, of a people, of the formation and development of culture. Conceptual analysis involves structuring,

schematising the concept and culturally describing its components. Defining the author's vision of the concept is part of the method of conceptual analysis in relation to the learning process. By classifying the lexemes corresponding to an emotional concept, the students study the ways of verbalising it.

The methodology of studying concepts, called conceptual analysis, which refers to research where the object of analysis is a concept, began to develop in parallel with the existence of the term "concept" in the apparatus of modern linguistics. "Conceptual analysis is concerned with tracing the path of discovering the meaning of a concept and recording the result in a formalised semantic language. It is worth noting that concept analysis does not represent a specific method or technique for explaining concepts, but a set of different research methods.

As a method of conceptual research, the analysis of the dictionary definitions of certain words is actively used as an objectification of a certain cultural concept. From the point of view of cultural studies, lexicographic definitions often contain important characteristics of the concept and their study provides important information for the researcher [5].

Experimental psycholinguistic methods have also become widely used. The free association experiment is one such psycholinguistic method. In essence, the subject is given a word stimulus and is asked to respond with the first words or phrases he or she can associate. The associative field of words and word combinations obtained in the course of the experiment for a given word stimulus can be considered as a special form of revealing the meaning that exists in the consciousness of a native speaker of a given language. Associative experiments make it possible to reveal "national specifics of the people's language consciousness - connections of words in the consciousness, their semantic and hierarchical subordination, brightness of

these or other components of the meaning of the word stimulus, their weight in the society [6].

In addition, a questionnaire receptive experiment, in which subjects are asked to give a subjective definition of the concept name, proves effective in conceptual studies. This technique makes it possible to obtain a great deal of information about how the concept under study is perceived and interpreted by the mind. The results obtained are generalised, similar to the results of association tests, and the scientist obtains a set of conceptual characteristics ordered according to the liveliness and consciousness of the speakers of this or that language.

Another method of conceptual analysis is linguocognitive research. It is one of the most productive methods of studying the national conceptsphere in modern humanitarian science, in which the cognitive interpretation of the results of the study of the linguistic picture of the world is used to describe the primary, cognitive picture of the world. The purpose of linguistic-cognitive research is to study the meaning of all words and phrases that objectify this or that concept in the national language, and to systematise, that is, to describe the system, to present in an ordered form the part of the language system that represents this concept.

Studying the basic concepts will help students to see the connection between language and culture, to understand emotional and evaluative information, and will help to develop emotional intelligence. We can confidently say that in the coming decades much attention will be paid to the study and description of various concepts, their place and role in the national conceptsphere, taking into account the extraordinary interest in the modern world in the problems of national mentality and cultural identity of society. Therefore, one of the most urgent research tasks at present is the development of a unified scientific methodology.

References

1. Kade T.Kh. Scientific methods of linguistic research: A Study Guide. – Krasnodar: Publishing house Kuban state unta, 1998. – 137 p.
2. Zulpukarova A.K. Information technologies in linguistics, International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – Vol. 4-1 (91).

3. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. – М.: Izd-vo of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. Т. 1. – 411 с.
4. Vezhbitskaya A. Understanding Cultures through Key Words / Translated from English by A.D. Shmelev. – М.: Languages of Slavic Culture, 2001. – 288 p.
5. Gofman O.V. On the question of the method of conceptual analysis // World Picture: models, methods, concepts. – Tomsk: Izd. TSU, 2001. P. 213-217.
6. Arnold I.V. Basics of scientific research in linguistics. – М.: Higher School, 1991. – 139 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА

Ч.М. Аспердиева¹, старший преподаватель

К.М. Капарова², доцент

Д.Б. Мадаминова¹, канд. филол. наук, старший преподаватель

¹Ошский государственный университет

²Ошский технологический университет

(Кыргызстан, г. Ош)

***Аннотация.** Рассмотрев концепт с позиций лингвокогнитивного, лингвокультурного и интегративного подходов и определив его рабочую формулировку, перейдем к изучению методологии исследования и описания концептов. В статье описаны наиболее распространенные методы и подходы к описанию концептов. Описаны такие методы исследования, как концептуальный анализ, метод лингвокультурологического анализа, метод ассоциаций и др.*

***Ключевые слова:** концепт, язык, ядро, периферия, анализ, концептуальный анализ, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Д.А. Белавинцева, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-15-17

Аннотация. В данной статье рассматривается технология применения возможностей искусственного интеллекта при переводе художественных текстов (на материале романа Джорджа Р.Р. Мартина «Битва Королей» из цикла «Песнь льда и огня»). Причиной для исследования послужила актуальность темы и внедрение технологий искусственного интеллекта в жизнь современного человека. Проводится сравнительный анализ перевода фрагментов романа, выполненного при помощи машинного переводчика (DeepL) и официального перевода на русский язык, выполненного Н.И. Виленской.

Ключевые слова: искусственный интеллект, художественный перевод, машинный перевод, DeepL, нейросеть.

Мы живем в эпоху развивающихся технологий. Неуклонное желание современного человека автоматизировать как можно больше трудоемких процессов с целью экономии времени и средств привело к формированию в лингвистике такого явления, как «машинный перевод». Но могут ли нейросети составить конкуренцию настоящим переводчикам?

Ю.Н. Марчук дает следующее определение понятию «машинный перевод» (МП): «это процесс перевода письменных текстов с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы» [1]. Несомненно, использование таких инструментов значительно упрощает задачу, например, если речь идет о переводе большого количества текста. Однако даже человек, который далек от лингвистики и не является переводчиком по образованию, сможет распознать текст, который был переведен с помощью онлайн переводчика и не подвергался последующей редакции. В большинстве своем в текстах, переведенных подобным образом, присутствуют смысловые ошибки, наличие которых сразу становится заметным. Это также может негативно повлиять на восприятие текста, сделать его бессвязным.

Стоит отметить, что исследование проблемы машинного перевода представляется актуальным в силу его неуклонного

развития. Ведь сегодня онлайн переводчики справляются со своей задачей намного лучше, чем пять лет назад. Возможно, через несколько лет искусственному интеллекту действительно удастся вытеснить переводчиков с рынка труда.

В рамках исследования будут переведены отрывки из романа Джорджа Р.Р. Мартина «Битва Королей» («Clash of Kings») посредством МП (онлайн переводчик DeepL) и также будет проведено сравнение полученных результатов с официальным переводом издательства «АСТ».

Оригинал:

«The maester stood on the windswept balcony outside his chambers. It was here the ravens came, after long flight. Their droppings speckled the gargoyles that rose twelve feet tall on either side of him, a hellhound and a wyvern, two of the thousand that brooded over the walls of the ancient fortress. When first he came to Dragonstone, the army of stone grotesques had made him uneasy, but as the years passed he had grown used to them. Now he thought of them as old friends. The three of them watched the sky together with foreboding.» [2].

МП:

«Мейстер стоял на продуваемом всеми ветрами балконе перед своими покоями. Именно сюда прилетали вороны после долгого перелета. Их помет усеивал горгулий, возвышавшихся по обе стороны от

него на двенадцать футов, – адского пса и виверну, двух из тысячи, что витали над стенами древней крепости. Когда он только приехал на Драконий камень, армия каменных гротесков вызвала у него тревогу, но с годами он привык к ним. Теперь он воспринимал их как старых друзей. Они втроем с предчувствием наблюдали за небом.»

Перевод издательства «АСТ»:

«Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий адского пса и двуногого дракона, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрым предчувствием.» [3].

В переводе от DeepL практически отсутствуют переводческие трансформации, перевод местами является прямым («the army of stone grotesques» – «армия каменных гротесков», «wyvern» – «виверна»). Также был неправильно переведен глагол «brooded». DeepL перевел его как «витали», что не представляется возможным, поскольку речь идет о горгульях, каменных статуях, которые не могут передвигаться, а тем более витать в воздухе.

В переводе издательства АСТ присутствуют переводческие трансформации: генерализация («wyvern» – «двуногого дракона»); добавление («two of the thousand» – «двух из тысячи изваяний»); объединение предложений («<...> but as the years passed he had grown used to them. Now he thought of them as old friends» – «<...> но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях»).

Оригинал:

«Her head felt lumpy when she touched it. When Yoren had dragged her into that alley she'd thought he meant to kill her, but the sour old man had only held her tight, sawing through her mats and tangles with his dagger. She remembered how the breeze sent the fist-

fuls of dirty brown hair skittering across the paving stones, toward the sept where her father had died. "I'm taking men and boys from the city," Yoren growled as the sharp steel scraped at her head. "Now you hold still, boy." By the time he had finished, her scalp was nothing but tufts and stubble.» [2].

МП:

«Когда она прикоснулась к голове, та загудела. Когда Йорен притащил ее в тот переулок, она подумала, что он хочет ее убить, однако кислый старик лишь крепко держал ее, распиливая своим кинжалом циновки и путаницу. Она вспомнила, как ветерок посылал пучки грязных каштановых волос по брусчатке в сторону склепа, где умер ее отец. "Я забираю из города мужчин и мальчиков", - прорычал Йорен, когда острая сталь заскрежетала по ее голове. "А теперь не дергайся, мальчик". К тому времени как он закончил, от ее головы остались лишь клочья и щетина.»

Перевод издательства «АСТ»:

«Трогая свою голову, она сознавала, что это имя ей дали не напрасно. Когда Йорен уволок ее в переулок, она подумала, что он хочет ее убить, но старик только зажал ее, как в тисках, и обрезал все ее лохмы своим кинжалом. Ветерок раскидал по булыжнику клочья грязных каштановых волос, унося их к септе, где умер ее отец. «Я увожу из города кучу мужчин и мальчишек, - проворчал Йорен, царапая ей голову острой сталью. - Стой смирно, мальчик». Когда он закончил, немногие волосы, оставшиеся у нее на голове, торчали во все стороны.» [3].

Данный пример демонстрирует важность контекста при переводе. DeepL некорректно перевел самое первое предложение («Когда она прикоснулась к голове, та загудела»). Не зная контекста можно подумать, что героиня, Арья, ранее получила травму и теперь чувствует ее последствия. Однако, на самом деле автор оригинального произведения использует глагол «lumpy» («комок») для описания состояния прически девочки – после принудительной стрижки на её голове остались лишь неаккуратные комки волос. Также теряется игра слов – в абзаце, предшествующем этому, упоминалось, что ранее

у Арьи было обидное прозвище «lumpyhead». У онлайн переводчика не было доступа к этой информации, следовательно, ему не удалось корректно перевести этот фрагмент.

Машинный переводчик не справился с переводом отдельных слов – существительное «sept», которым во вселенной «Песнь льда и пламени» обозначают храм веры в Семерых, было переведено машинным переводчиком как «склеп»; существительное «mats», что в контексте переводится как «колтун», было переведено как «циновка».

В данном случае перевод отдельных фраз, выполненный посредством использования искусственного интеллекта, является несуразным и может сбить читателя с толку. Фраза «от ее головы остались лишь клочья и щетина» звучит неподобающе художественному тексту, и даже немного пугающе.

Перевод, выполненный специалистом из издательства «АСТ», намного более гармоничен. Грамотный подбор переводческих трансформаций («<...> her scalp was nothing but tufts and stubble» – «<...> немногие волосы, оставшиеся у нее на голове, торчали во все стороны») и наличие фоновых знаний о произведении и контексте той или иной ситуации («Her head felt lumpy when she touched it» – «Трогая свою голову, она сознавала, что это имя ей дали не напрасно») являются гарантией качественного перевода.

Подводя итог можно отметить, что даже несмотря на продвинутость и стремительное развитие современных инструментов машинного перевода, искусственному интеллекту все равно еще далеко до уровня профессиональных, живых переводчиков. Недостаточно просто переводить текст, необходимо его еще и понимать. А искусственный интеллект пока не в состоянии это сделать.

Библиографический список

1. Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. – М.: Наука, 1983. – 201 с.
2. Martin George R.R. A Clash of Kings. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://liteka.ru/english/library/4192-a-clash-of-kings#1> (дата обращения 25.04.2024).
3. Мартин, Джордж Р.Р. Битва королей: из цикла «Песнь льда и огня»: [фантастический роман] / Джордж Р.Р. Марти; [пер. с англ. Н.И. Виленской]. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 800 с.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS

D.A. Belavintseva, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This research is dedicated to technology of applying the capabilities of artificial intelligence in the translation of literary texts (based on George R.R. Martin's novel «The Battle of the Kings» from the series «A Song of Ice and Fire»). The research is carried out due to the relevance of the topic and the implementation of artificial intelligence technologies in the life of modern man. The comparative analysis of translation of fragments of the novel made with the help of machine translator (DeepL) and official translation into Russian made by N.I. Vilenskaya is conducted.*

Keywords: *artificial intelligence, literary translation, machine translation, DeepL, neural network.*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВОВОЙ ФОРМЫ LEGALESE

В.К. Бреусов, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-18-20

Аннотация. В данной статье рассматриваются синтаксические и лексические особенности языка *legalese* и его роль в современной правовой системе. Исследование показывает, какие архаизмы, латинизмы, специализированная терминология и юридический жаргон являются наиболее частотными. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию юридического языка, а также подчеркивают важность баланса между точностью и доступностью правовых текстов. Данное исследование предназначено для юристов, лингвистов, студентов юридических факультетов и всех, кто интересуется языком и правом.

Ключевые слова: лингвистика, юридический язык, языковые особенности, латинизмы, жаргонизмы, синтаксис.

Legalese – это специализированный язык, используемый в юридических документах и правовых текстах. Его основная задача заключается в обеспечении точности, однозначности и последовательности правовых норм и формулировок. В отличие от быденного языка, *legalese* характеризуется сложной структурой предложений, специфической лексикой и стиливыми особенностями, которые могут затруднить его понимание для «непрофессионалов». Понимание природы и функций *legalese* важно для тех, кто работает с правовыми текстами или стремится к улучшению юридической грамотности.

Legalese играет важную роль в правовой системе, обеспечивая точность и предсказуемость правовых норм. Однако он часто подвергается критике за свою сложность и непонятность для широкой публики. Одной из главных проблем является то, что сложные и запутанные формулировки могут привести к недопониманию и ошибкам, особенно среди тех, кто не обладает специальными юридическими знаниями. Это создает барьеры для доступа к правосудию и может потребовать привлечения профессиональных юристов для интерпретации правовых документов, что увеличивает затраты и время.

Синтаксис языка правовой формы характеризуется специфическими структурными особенностями, которые обеспечи-

вают точность и однозначность правовых документов. Эти особенности включают в себя использование сложных предложений, многочисленных подчиненных клауз, архаизмов и пассивных конструкций.

Одной из ключевых особенностей *legalese* является использование длинных и сложных предложений. Такие предложения могут содержать множество условий, исключений и оговорок, что обеспечивает подробное и всестороннее изложение правовых норм, например: «*Настоящим удостоверяется, что сторона А, за исключением случаев, предусмотренных в разделе 4, обязуется выполнять свои обязательства по настоящему договору, если сторона Б, соблюдая условия, указанные в подразделе 3.2, не заявит о расторжении договора в письменной форме за 30 дней до предполагаемой даты расторжения*». Подобные конструкции усложняют восприятие текста, но позволяют избежать неоднозначности и уточнить все возможные сценарии.

Подчиненные клаузулы (или придаточные предложения) используются для добавления деталей и уточнений к основному предложению. Это помогает включить все необходимые условия и исключения в одном предложении, например: «Если сторона А, в соответствии с условиями, изложенными в разделе 5, выполнит все свои обязательства, то сторона Б обязуется, за

исключением случаев, указанных в разделе 7, выплатить компенсацию в размере, установленном в договоре». Использование подчиненных клаузул позволяет точно определить условия и обстоятельства, при которых действуют те или иные правовые нормы.

Использование пассивных конструкций – еще одна характерная черта синтаксиса *legalese*. Пассивный залог помогает сосредоточиться на действии или состоянии, а не на субъекте действия, что способствует объективности и формальности текста: «Сторона А должна быть уведомлена о любых изменениях в договоре за 30 дней до их вступления в силу», «Платеж должен быть произведен в течение 30 дней с момента получения счета». Пассивный залог позволяет избежать указания конкретного субъекта действия, что может быть полезно в правовых текстах для обобщения и нейтральности.

Язык *legalese* имеет ряд лексических особенностей, которые обеспечивают точность и однозначность правовых документов. Эти особенности включают в себя использование архаизмов, латинских выражений, специализированной терминологии, юридических жаргонов и часто дублирующихся формулировок.

Архаизмы — это устаревшие слова и выражения, которые продолжают использоваться в правовых документах для поддержания традиций и преемственности правовой системы. Применение архаизмов в *legalese* позволяет сохранить стабильность и предсказуемость правовых норм. Например: «Herein»; «Thereof»; «Heretofore».

Использование архаизмов помогает избежать изменений в правовых формулировках, что может быть важно для поддержания юридической преемственности.

Латинские выражения играют ключевую роль в *legalese*, так как латинский язык был основным языком права в течение многих веков. Эти выражения позволяют кратко и точно выражать сложные правовые концепции, например: «Habeas corpus» – правовая процедура для проверки законности задержания; «Bona fide» – термин, означающий честность и отсут-

ствие намерения обмануть; «De jure» – означает юридическое признание. Латинские термины помогают правовым профессионалам точно и лаконично выражать сложные правовые идеи.

Legalese также характеризуется использованием специализированной терминологии, которая имеет конкретные значения в правовом контексте. Эти термины часто недоступны или имеют иное значение в повседневной речи: «Plaintiff» (истец) – сторона, подающая иск в суд; «Defendant» (ответчик) – сторона, против которой подан иск; «Consideration» (встречное удовлетворение) – что-то ценное, передаваемое в обмен на выполнение обязательств по договору; «Motion» (ходатайство) – официальное письменное обращение к суду с просьбой о вынесении решения или совершении действия.

Дублирование формулировок или дублиеты в *legalese* используется для усиления значимости и обеспечения точности. Это помогает избежать возможных разночтений и неверных интерпретаций. Например: «Null and void» (недействительный) – двойное отрицание для подчеркивания юридической недействительности. Дублирование формулировок повышает ясность и точность правовых текстов.

Лексические особенности *legalese* направлены на создание точных и однозначных правовых текстов, что помогает избежать разночтений и юридических споров. Использование архаизмов, латинских выражений, специализированной терминологии, юридических жаргонов и дублирующихся формулировок способствует созданию формального и объективного языка, который обеспечивает предсказуемость и стабильность правовых норм.

Язык правовой формы или *legalese*, является неотъемлемой частью юридической системы и играет важную роль в обеспечении точности, однозначности и стабильности правовых документов. Несмотря на его сложности и критику за трудность восприятия непрофессионалами, *legalese* выполняет важную функцию в правовом контексте, так как обеспечивает высокий уровень точности и однозначности, что необходимо для минимизации рисков раз-

ночтений и юридических споров. Основная задача современной юридической практики заключается в нахождении баланса между точностью и доступностью правовых текстов. С одной стороны, необходимо сохранять высокий уровень точности и однозначности, чтобы избежать пра-

вовых споров и ошибок, а с другой стороны, правовые документы должны быть понятны и доступны для широкой публики, что способствует повышению юридической грамотности и облегчению доступа к правосудию.

Библиографический список

1. Амутбаева, Э.А. тонкости юридического английского языка / Э.А. Амутбаева // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, Казань, 12 марта 2021 года. – Казань: ЮрЭксПрактик, 2021. – С. 10-13.
2. Борисова, Л.А. Терминология в британских законах / Л.А. Борисова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 90-92.
3. Правикова, Л. В. Структурно-синтаксические свойства легализа (на материале английского языка) / Л.В. Правикова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 200-202.
4. Хитрова, И.В. Знание особенностей legalese как основа перевода юридических текстов / И.В. Хитрова // Вопросы гуманитарных наук. – 2008. – № 6 (39). – С. 111-115.

LINGUISTIC FEATURES OF THE LEGALESE LANGUAGE

V.K. Breusov, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** This article deals with the syntactic and lexical features of the legalese language and its role in the modern legal system. The study shows which archaisms, Latinisms, specialized terminology and legal jargon are the most frequent. The results contribute to understanding of the legal language and emphasize the importance of a balance between accuracy and accessibility of legal texts. The study is intended for lawyers, linguists, law students and anyone interested in language and law.*

***Keywords:** linguistics, legalese, language features, Latinism, jargonisms, syntax.*

ИГРОВОЙ СЛЕНГ КАК НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н.Ю. Буряк, доцент

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-21-23

Аннотация. Данная статья посвящена изучению игрового сленга как новой формы коммуникации в современном мире. В ней рассматриваются основные термины и выражения, которые используются игроками для общения в онлайн играх и социальных сетях. В статье также рассматривается использование игрового сленга в повседневной жизни и показано его влияние на современную культуру и язык. Игровой сленг становится все более распространенным и важным явлением в современном обществе, а также одной из форм межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: сленг, компьютерный сленг, иностранный язык, неологизмы, англицизмы, игровая индустрия, игровая культура.

В связи с широким распространением информационных технологий, повсеместного распространения компьютеров и технологий, в сленг молодежи начали проникать профессионализмы IT-специалистов, на которых построена вся игровая индустрия [1].

Следует отметить, что игровая индустрия становится все более популярной в современном мире, привлекая миллионы людей различных возрастов и национальностей. Одним из важных аспектов игровой культуры является использование игрового сленга, который стал неотъемлемой частью общения геймеров в онлайн играх [6]. Игровой сленг включает в себя специальные термины, фразы и выражения, которые часто используются внутри игрового сообщества. Он может быть как специфичным для конкретной игры, так и универсальным и распространенным среди игроков всех жанров и платформ. В этой статье мы рассмотрим значение и эволюцию игрового сленга в современном мире.

Игровой сленг представляет собой набор терминов и выражений, которые используются игроками для описания игровых ситуаций, тактик, персонажей и прочих аспектов игрового процесса [5]. Приведем некоторые из самых популярных терминов. «Gank» – способ активного перемещения по карте, целью которого является внезапное нападение на ничего не по-

дозревающего вражеского героя, «Boost» – повышать, ускорять, часто данный термин используется в онлайн-играх, подразумевая повышение параметров, уровней, достижений и так далее, проще говоря, буст – это ускорение, получение чего-то, «Noob» – от английского «Newbies» сленговое название новичков в определённой игре или же в играх в целом; также существуют 2 производных термина: «новичок» (англ. Newb) – начинающий игрок, но готовый учиться и «нуб» (англ. Noob) – унижительное прозвище неопытного пользователя видеоигр, «Sweat» – игрок, который старается выиграть любой ценой, «Camp» – термин означает игровую тактику, заключающуюся в том, что игрок скрывается в определенном месте (кемперит) и подстерегает других игроков. «AFK» – сокращение от «Away From Keyboard», что означает, что игрок временно отсутствует за клавиатурой и не участвует в игре, отошел на время. «Farming» – термин означает сбор ресурсов или опыта в игре, особенно в онлайн-играх с элементами RPG. «RPG» – сокращение от «Role-Playing Game» «ролевая игра» – разновидность компьютерных игр, основанных на классических настольных играх. «OP» – сокращение от «Overpowered», используется для обозначения персонажа, предмета или способности в игре, которые являются слишком сильными и несбалансирован-

ными, имеет схожесть с термином «имба» исходит из слова «Imbalanced» – несбалансированный. «PVP» – сокращение от "Player versus Player", термин означает игровой режим, в котором игроки соревнуются друг с другом, а не с искусственным интеллектом. «Buff/Debuff» – термины, обозначающие положительное или отрицательное воздействие на персонажа в виде усиления или ослабления навыков и характеристик. «Respawn» – термин означает возрождение персонажа после его смерти в игре. «GGWP» – сокращение от «Good Game, Well Played», используется для поздравления соперника с хорошей игрой после завершения матча.

«Tilt» – Эмоциональное состояние игрока, вызванное сильными эмоциями от выигрышей или проигрышей, при котором он играет в несвойственном ему стиле, начинает терять контроль над своей игрой и допускать много ошибок в игре. «Fix» – чинить или исправлять, «пофикси» когда что-то сломалось или произошел «баг» в игре, вам говорят «пофикси» это. «Bug» – это ошибка в коде или в работе программы. Разработчики описывают этим сленговым словом ситуацию, когда что-то работает неправильно, выдает неверный или непредсказуемый результат.

Игровой сленг не только упрощает общение между игроками, но и создает своего рода общность и единство внутри сообщества. Он также позволяет новичкам быстрее адаптироваться и вливаться в игровую культуру [3]. Однако, нужно помнить, что использование игрового сленга за пределами игрового мира может вызвать недопонимание и негативные реакции, поэтому важно быть осторожным и адекватным при использовании этого сленга, несмотря на то, что все больше людей понимают эту культуру и используют слова из игрового сленга в повседневном общении.

В современном мире игровой сленг становится все более распространенным и

влияет на различные аспекты жизни, включая общение, культуру и даже образование. Он является неотъемлемой частью игровой культуры и продолжает развиваться и преобразовываться с появлением новых игр и технологий. Новые игры вносят вклад в общий словарь геймеров, добавляя новые термины и выражения.

Кроме того, игровой сленг также влияет на обычный язык, придавая новые значения уже существующим словам или создавая собственные термины, которые затем переходят в повседневное общение [4]. Вот несколько примеров использования игрового сленга в повседневной жизни: сдав экзамен ваш друг говорит «изи» «EZ» с английского «easy» – это было легко, или, когда что-то сломалось, выглядит не должным образом – вам говорят «пофикси» это, с английского «fix» чинить/исправлять. «Тильт» – состояние игрока, вызванное негативными эмоциями (например, проигранный бой), при котором он начинает допускать множество ошибок. В повседневной жизни используется для описания состояния человека, совершающего несвойственные ему негативные поступки, часто люди произносят – «я в тильте». Это лишь небольшой набор игровых терминов, которые часто можно услышать не только в различных играх и обсуждениях среди игроков, но и в реальной жизни. В игровой сленг входит еще множество других специфических терминов, которые помогают игрокам эффективнее общаться и взаимодействовать в игровом мире, среди этих терминов есть как сложные, так и довольно простые в понимании людям, которые хорошо знают английский язык.

Таким образом, следует подчеркнуть, что большую роль в процессе обучения иностранному языку играют онлайн-платформы, позволяющие разнообразить уроки, сделать их более яркими, интересными, запоминающимися [2].

Библиографический список

1. Буряк Н.Ю. Сленг IT-специалистов в культуре современного общества // Вестник ИМСИТ. – 2020. – № 1 (81). – С. 34-36.
2. Буряк Н.Ю. Иностранный язык в эпоху цифровизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 10-1 (73). – С. 133-135.

3. Королёв Д. А. Игровой сленг и его применение в повседневной жизни у молодежи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://na-journal.ru/6-2022-pedagogika/3901-igrovoi-sleng-i-egoprimenenie-v-povsednevnoi-zhizni-u-molodezh> (дата обращения 11.05.2024).

4. Комаров В.А., Шушарина И.А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – №1 (52).

5. Словарь компьютерных терминов и Интернет-сленга. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proacton.ru/about-internet/terms-glossary> (дата обращения 11.05.2024).

6. Форум по Dead by Daylight. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forums.bhvr.com/dead-by-daylight> (дата обращения 11.05.2024).

GAMING SLANG AS A NEW FORM OF COMMUNICATION IN THE MODERN WORLD

N.Y. Buryak, *Associate Professor*

Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT

(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** This article is devoted to the study of gaming slang as a new form of communication in the modern world. It examines the basic terms and expressions that players use to communicate in online games and social networks. The article also examines the use of gaming slang in everyday life and its impact on modern culture and language. Gaming slang is becoming an increasingly common and important phenomenon in modern society, as well as a form of intercultural communication.*

***Keywords:** slang, computer slang, foreign language, neologisms, anglicisms, gaming industry, gaming culture.*

РОЛЬ И МЕСТО НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Ерзенкина, старший преподаватель
Смоленский государственный университет
(Россия, г. Смоленск)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-24-27

Аннотация. Невербальные компоненты играют важную роль в англоязычном медийном дискурсе, влияя на восприятие информации и эмоциональное воздействие на аудиторию. Жесты, мимика, интонация, паузы и другие элементы невербальной коммуникации могут усилить или ослабить значение сообщаемого контента. Их использование позволяет создать атмосферу доверия, убедить слушателей в правдивости изложенной информации и вызвать эмоциональный отклик. Правильное сочетание вербальных и невербальных средств может сделать медийный контент более запоминающимся, привлекательным и эффективным.

Ключевые слова: невербальные компоненты, англоязычный медийный дискурс, информация, аудитория.

В эпоху господства медиа невербальные компоненты общения приобретают особую значимость. В англоязычном дискурсе они играют ключевую роль, дополняя и усиливая вербальную информацию, помогая передавать эмоции, отношения и подтексты без использования речевых структур.

Невербальные компоненты можно разделить на следующие группы:

1) Явные:

- Жесты и мимика человека: Улыбки, кивки, зрительный контакт, положение тела рассказывают о настроении и отношении участников коммуникации;

2) Неявные или скрытые:

- Оформление студий: Дизайн, цвет, освещение и расположение мебели создают атмосферу и задают тон дискуссии;

- Монтаж: Последовательность и продолжительность кадров влияют на восприятие информации и ход мысли;

- Звуковое сопровождение: Музыка, звуковые эффекты и тишина усиливают эмоции и помогают создать нужную атмосферу;

3) Специальные:

- Оформление сайтов: Цвета, шрифты и заголовки основных разделов сайта, анимации, которые привлекают или отвлекают внимание;

- Создание рекламы: Музыка, звуковые эффекты, дизайн, одежда актеров и их же-

сты, которые акцентируют внимание зрителей на отдельных аспектах продукта [1].

Добавим, что невербальные компоненты повышают эффективность медийных сообщений:

- Передача эмоций и подтекстов: они позволяют выразить эмоции и намерения, которые сложно или невозможно передать словами.

- Усиление восприятия: Невербальные сигналы привлекают внимание и помогают зрителям лучше усваивать информацию.

- Создание атмосферы: Невербальные компоненты создают определенную атмосферу, которая влияет на отношение аудитории к сообщениям.

Невербальный язык – это способ общения без слов, использующий жесты, мимику и другие несловесные средства. Он развивался, чтобы помочь людям общаться в ситуациях, когда вербальный язык недоступен или не подходит. Невербальный язык точен, когда требуется точность, и размыт, когда ситуация требует гибкости и почти каждый владеет невербальным языком неявно, а умение использовать его определяет, насколько хорошо мы умеем общаться [2].

Что такое невербальный язык, и какие особенности у него есть?

Невербальный язык – это разнообразный и порой противоречивый способ об-

щения, который отражает его эволюцию в качестве средства коммуникации. Одной из ключевых характеристик невербального языка является его способность помогать людям общаться, даже если у них нет общего языка. Некоторые невербальные средства связаны с общими корнями в различных культурах и имеют одинаковое значение и форму. Хотя такое общение имеет свои ограничения, оно становится незаменимым при необходимости решить коммуникативную задачу.

Невербальное поведение человека также отражает социальные и культурные ценности его общества, включая обычаи, традиции и верования, что приводит к появлению невербальных образцов, которые специфичны для различных культур и требуют от людей, из других культур, дополнительных усилий для их понимания. Например, в разных культурах могут существовать разные правила использования невербальных жестов, и нарушение этих правил может негативно отразиться на взаимопонимании.

Для американской культуры характерна большая открытость в коммуникативном поведении [3], чем для поведения британцев, которая по обыкновению характеризуется как *"stiff, cold, reserved and full of self-composure manners"*. Но их вербальное и невербальное поведение довольно нейтрально по сравнению, например, с экспрессивным, эмоционально окрашенным, почти театральным поведением итальянцев:

The transparency of Italian faces. Conversations can be followed at a distance by merely watching the changing expressions of those taking part in them. Italian gestures are also justly famous. Indeed, Italians use them more abundantly, efficiently and imaginatively than other people. They employ them to emphasize or clarify whatever is said, to suggest words and meanings it is not prudent to express with words, sometimes simply to convey a message at great distance, where the voice could not carry... Italian gestures and facial expressions are "overdone" for the purposes of self-expression, of theatrical display, and of dramatic effect [4].

Также стоит учитывать, что один и тот же жест может иметь разное значение в разных культурах. Например, жест "показать язык" может означать гнев в одной культуре, угрозу в другой, а в третьей - символ мудрости. Иногда невербальные сигналы играют важную роль в решении деловых задач, как это показывает пример из Ирландии:

She didn't like the system in Ireland at all. You couldn't just walk up to the owner and ask him what he wanted for his animal. No, that was too easy. The minute there was any interest, one of the traders jumped in to name a price that was way out of line, one end or another, and then badger buyer and seller into an agreement in the end. She'd learned the hard way about some of their tricks. They'd grab your hand and slap down on it so sharp it hurt, and that meant you might have bought yourself a horse [4].

Когда мы воспринимаем информацию через невербальный канал, важно не поддаваться стереотипам и не упускать индивидуальные особенности каждого человека. В процессе общения мы обычно придерживаемся общепринятых норм, но с опытом мы начинаем добавлять свою индивидуальность в нашу невербальную коммуникацию, делая ее более сложной или простой, тем самым обогащая наше общение. Таким образом, невербальная коммуникация состоит из трех уровней, отражающие ее универсальные, этноспецифические и индивидуальные аспекты.

Универсальные невербальные компоненты составляют основной уровень. Эти компоненты имеют одинаковый смысл и форму в любой культуре и являются основным способом коммуникации, когда нет общего языка. Примерами таких компонентов могут быть указательные, имитативные и экспрессивные жесты, а также мимика, которые позволяют выразить различные эмоции и модальности с учетом контекста.

На этноспецифическом уровне отражаются особенности коммуникации в конкретной культуре. Люди воспринимают и используют невербальные сигналы в соответствии с традициями и правилами своего общества. Например, жесты или интона-

ции могут иметь разное значение в разных культурах.

Также важным аспектом является индивидуальный уровень, который отражает уникальные коммуникативные способности каждого человека. Личностные особенности могут проявляться в изменении или создании новых невербальных выражений, которые могут быть поняты только близким людям или коллегам.

Все эти уровни взаимодействуют друг с другом, делая невербальную коммуникацию многофункциональной и мультимодальной. Невербальные сигналы могут выражать разные смыслы, иногда противоречащие друг другу, что делает их интерпретацию сложной и многогранной.

В структуре диалогического дискурса невербальные компоненты коммуникации взаимодействуют с вербальными компонентами на двух уровнях:

а) Самостоятельное взаимодействие невербальных компонентов: Невербальные элементы могут формировать реплики в диалоге самостоятельно, без поддержки вербальных высказываний и эти элементы могут выступать как стимулы для реплики (например, мимика или жесты, которые вызывают ответную реакцию) или как часть молчаливого диалога, где обмен информацией происходит исключительно через невербальные сигналы. Пример: 1) *I gave an ambiguous nod which might have served merely for recognition, a rather chilly and discouraging recognition, or for a signal to follow me out of the hall where we could talk. He took the latter interpretation and followed me* [4].

Пример (1) демонстрирует двойной потенциал невербального коммуникативного компонента к автономному выражению смыслов, когда один из говорящих или да-

же оба говорящие используют или предоставляют друг другу возможность трактовать невербально представленную реплику с наиболее приемлемой для себя коммуникативной выгодой, таким образом обеспечивая гибкость и связность диалогического дискурса. Т.е. кивок головой в зависимости от коммуникативных нужд и ситуации общения возможно было трактовать как ПРА приветствия и как ПРА директива.

б) Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в рамках одной реплики: В данном случае реплика содержит как вербальные, так и невербальные составляющие, которые взаимодействуют друг с другом и такое взаимодействие может происходить по трем принципам: координации, субординации и контрадикции.

Принцип координации: Вербальные и невербальные компоненты передают одну и ту же информацию, обогащая ее и делая коммуникацию более интенсивной. Обе компоненты могут существовать относительно независимо друг от друга, но их объединение увеличивает коммуникативную значимость реплики.

Принцип субординации: Информация в реплике распределяется между вербальным и невербальным каналами, причем один из компонентов является более важным или информативным. Опущение одной из составляющих может нарушить коммуникативную целостность реплики.

Принцип контрадикции: Вербальные и невербальные компоненты передают противоположную информацию, при этом невербальная информация считается более достоверной. Этот принцип может использоваться, чтобы скрыть истинные намерения или подчеркнуть их эмоциональную окраску [5].

Библиографический список

1. Горошко Е.И. Особенности использования невербальных средств в англоязычной политической интернет-коммуникации / Е.И. Горошко, Л.В. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2.
2. Степанов Ю.С. Язык и метод // Язык и Метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.
4. *Advances in personal relationships*. Ed. By Warren H. Jones, Daniel Perlman. Vol. 1. – London, 1987.

5. Kendon, A. *Gesture: Visible action as utterance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

THE ROLE AND PLACE OF NON-VERBAL COMPONENTS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

M.V. Erzenkina, *Senior Lecturer*
Smolensk State University
(Russia, Smolensk)

***Abstract.** Non-verbal components play an important role in English-language media discourse, influencing the perception of information and emotional impact on the audience. Gestures, facial expressions, intonation, pauses and other elements of non-verbal communication can strengthen or weaken the meaning of the reported content. Their use can create an atmosphere of trust, convince listeners of the truthfulness of the information presented and evoke an emotional response. The right combination of verbal and non-verbal means can make media content more memorable, attractive and effective.*

***Keywords:** nonverbal components, English-language media discourse, information, audience.*

ПРИЕМ ОСТРАНЕНИЯ И ЕГО ФУНКЦИИ В РОМАНАХ «СТРАНА ВИНА» МО ЯНЯ И «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ» КАДЗУО ИСИГУРО

Т.И. Кондратова¹, канд. филол. наук, доцент

Н.Ю. Салтанова², канд. филол. наук, доцент

А.И. Мельников¹, бакалавр

¹Московский городской педагогический университет

²Университет китайской культуры

¹(Россия, г. Москва)

²(Тайвань, г Тайбэй)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-28-33

Аннотация. В работе исследуются функции приема остранения в романах двух лауреатов Нобелевской премии: это «Страна вина» Мо Яня и «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро. Научная новизна работы заключается в компаративном анализе произведений двух писателей, принадлежащих разным национальным литературам, под особым углом зрения: через призму использования приема остранения. Произведения китайского автора и британского писателя японского происхождения затрагивают общечеловеческие проблемы, связанные с расчеловечиванием общества в процессе непрерывного научно-технического прогресса. Писатели-гуманисты ставят под сомнение закономерность экспериментов, при которых человек превращается в элементарное средство для достижения целей общества. Прием остранения позволяет увидеть, что судьбы молодого поколения часто зависят от серьезных социальных, политических моментов, которые дают возможность системе, власти использовать новое поколение как средство выживания поколения старшего.

Ключевые слова: прием остранения, Мо Янь, «Страна вина», Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня», проблемы дегуманизации общества.

Современная мировая литература, поднимая как вечные, так и остросовременные, актуальные для сегодняшнего дня, проблемы, пользуется арсеналом средств, известных с древности. Одним из них является прием остранения, тесно связанный с поэтикой абсурда, дающей возможность читателям взглянуть на обыденную, привычную жизнь с новой, доселе, кажется, неизвестной им точки зрения. Исследование функции приема остранения в таком случае является своеобразным ключом к поиску смысла произведения, пониманию его порою замаскированной сути.

Сущность поэтики остранения исследована давно и отражена в трудах отечественных и зарубежных литературоведов: М.М. Бахтин говорил о ней в «Вопросах литературы и эстетики», В.Б. Шкловский – в книге «Тетива. О несходстве сходного», М.Л. Новикова – в исследовании «Онтология искусства поэтического слова и остранение» и др. Она заключается в раз-

рушении инерции традиционного восприятия тех или иных привычных человеку явлений. Этот процесс «разузнавания» предмета, который неожиданно открывается читателю в необычном, часто ужасном виде, может вызвать самые неожиданные реакции: от удивления, изумления до отвращения и ужаса. Но цель использования приема будет достигнута: представленное в странном виде запомнится в любом случае и даст возможность увидеть привычную картину мира с неожиданной стороны, а значит, понять то, что срывается за ее обыденностью.

Цель нашей работы заключается в анализе функции приема остранения в романах двух лауреатов Нобелевской премии: «Страна вина» Мо Яня (2012 год) и «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро (2017 год). Произведения китайского автора и британского писателя японского происхождения при своем появлении вызвали бурные дискуссии литературоведов, куль-

турологов, социологов, поскольку каждое из них затрагивает общечеловеческие проблемы, связанные с расчеловечиванием общества в процессе непрерывного научно-технического прогресса.

В романе «Страна вина», полижанровом по своей структуре (см. подробно об этом [3]), сочетающем черты детектива, эпистолярной формы, включающей целый ряд остросюжетных новелл различной тематики, в центре размышления писателя оказываются проблемы нравственного, этического, эстетического, даже политического характера. Их анализу в последнее время посвящены многочисленные исследования синологов: Декань К.Ю., Юй Л., Щептева В.Е., Анашкина А.А., Мельников А.И.

Прием остранения в романе Мо Яня «Страна вина» дает возможность показать запрещенные в Китае для обсуждения результаты проведения политики одного ребенка. Писатель заостряет внимание на этической стороне вопроса: дети, рожденные вопреки запретам в семьях, не имеющих возможности заплатить государству штраф, по сути не являются членами общества. В романе такая ситуация доводится до абсурда: младенцы превращаются в товар, который становится предметом закупок Кулинарной Академии в городе Цзюго. Роман изобилует сценами, которые свидетельствуют о потере обществом в целом и отдельными людьми нормальных нравственных ориентиров, связанных с представлениями о ценности каждой человеческой жизни. Родители откармливают детей, подобно домашним животным, чтобы отдел закупок присвоил им высшую категорию. Само название товара – «мясные дети» – свидетельствует о полном отсутствии гуманного взгляда на человека, его неповторимую личность, ведь каждый появляется на свет ребенком.

Писатель создает ужасающие картины поедания «мясных детей» партийными руководителями Цзюго через призму взгляда следователя Дин Гуэра, которого направляют из столицы в провинцию для выяснения обстоятельств поступившей жалобы. Изображенные события кажутся то правдой, то клеветой на чиновников Цзюго. «Читатель не получает ответа на во-

прос: это заживо сваренный младенец или же искусно приготовленное блюдо? В финале романа «Страна вина» следователь терпит поражение» [4, с. 342]: Дин Гуэр не выполнил задания, его следствие заходит в тупик, а значит, оптимистических прогнозов на изменение отношения к проблеме не следует ожидать.

Общество, поедающее своих детей, – это образ, восходящий к древней, античной мифологии (греческие боги Уран, Кронос, библейский Ирод, убивающий младенцев), здесь имеет зловещую символику [5, с. 43]. Это общество, лишаящее людей будущего, приносящее грядущее в жертву прошлому и настоящему.

О дегуманизации современного мира пишет в своем романе «Не отпускай меня» английский писатель Кадзуо Исигуро: вопросы поколенческих отношений здесь предстают в виде философской притчи о влиянии науки, ее экспериментов на развитие человеческого общества, на завтрашний день, в котором клонирование может стать повсеместной практикой, избавив людей от страха смертельных болезней. Впрочем, на проблему жанра в произведении существуют разные точки зрения: в нем видят антиутопию (именно так определяет жанр романа Е.Н. Белова в своей кандидатской диссертации «Поэтика романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»: к проблеме художественного мультикультурализма» и Э.А. Шурмиль в статье «Роман Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня: к проблеме антиутопии»), и жанр альтернативной истории (Яковлева О.Д. в статье «Жанровое и стилистическое своеобразие романа Кадзуо Исигуро “Never let me go”»), и роман-предупреждение (Сорокина-Азина Е.Д. в работе «Человек и мир в произведении Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»»), и форму женского автобиографического письма (Кучукова З.А., Берберова Л.Б. в статье «За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»»). Эти работы направлены на выявление особенностей поэтики романа. Другие исследователи ставят в центр внимания философские вопросы (Болдырев Н.Н. и Жумагулова Б.С. Курманбаева Д.Т. в статье

«Когнитивные основы реализации жанровых признаков романа (на примере произведения Кадзуо Исигуро “Never let me go”»); Файзуллина Р.А. в работе «Интерпретация романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» в контексте», социальные проблемы (Радионова С.А. в статье «Раскрытие проблемы клонирования в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»», Минина В.Г. в работе «Тема детства в творчестве Кадзуо Исигуро»). Существуют исследования компаративного характера у Беловой Е.Н., Смирновой О.М., Сименченко Е.И., Бондаренко Л.В., однако сопоставление романа «Не оставляй меня» Кадзуо Исигуро с написанным десятилетием ранее романом «Страна вина» китайского прозаика Мо Яня до настоящего времени произведено не было.

Роман написан от лица тридцатилетней выпускницы привилегированного английского интерната, Хейлшема, Кэти Ш., которая вспоминает свое детство, юность, пору взросления в стенах этого заведения и по его окончании. Женский тип нарратива создает ощущение полной искренности, исповедальности. Героиня одиннадцать лет работает помощницей доноров, у нее есть машина, собственная квартира, по своей службе она много разъезжает по стране. Воспоминания Кэти охватывают почти два десятка лет, то отодвигаясь от момента рассказывания, то приближаясь к нему. В этом заключается особенность нарратива произведения: иногда возникает эффект двойной призмы воспоминаний, потому что в момент рассказывания Кэти часто фиксирует факты еще более глубокого прошлого. Иногда рассказчица сама обозначает эту особенность двойной ретроспекции: «Кое-что я увидела сама, но про большую часть эпизодов услышала» [2, с. 25]. Такая призма взгляда на прошлое дает возможность героине-рассказчице не только вспомнить о странных событиях, происходивших в Хейлшеме, но и о попытках осмыслить эти события в более позднее, но не настоящее время, а потом сравнить их с нынешними взглядами на эти необычные ситуации. В ней живет «потребность разложить по полочкам воспоминания давних лет» [2, с. 54] Процесс разгадывания странностей,

как говорит сама героиня, развивался, пока не стал «главенствовать» в ее жизни и жизни ее друзей – тоже воспитанников Хейлшема – Томми и Рут.

Чем же странна жизнь этого привилегированного английского заведения 90-х годов прошлого века? На первый взгляд, здесь собраны исключительно умные, творчески одаренные личности, обладающие высоким интеллектом: они прекрасно рисуют, лепят, пишут стихи, играют в шахматы, собирают коллекции. Все герои очень начитанны: дискурс романа включает разнообразные литературные аллюзии: «Одиссея», «Тысяча и одна ночь», Шекспир, Лев Толстой, Джэймс Джойс, Кафка, Томас Гарди, Джорж Элиот, Эдна О Брайен, Маргарет Дреббл. Показателем успешности воспитанников является количество прочитанных ими книг. А мечтают юные герои об обычных профессиях: служить в офисе, магазине, на почте, стать артистами, уехать в Америку. И развлечения у них обычные: мальчишки играют в футбол, девочки создают тайное общество по охране любимой воспитательницы от якобы существующих врагов. Юные обитатели Хейлшема ценят друг друга за творческий потенциал, но при этом ужасно жестоки к тем, кто не желает или не может его обнаружить. По этой причине Томми на длительное время становится практически изгоем, которого травят всеми доступными детям способами. Образ этого героя - один из главных в повествовании: Кэт уже в детстве пыталась понять, почему он не похож на других, почему его не тянет к лидерству, но главное: является ли это нормальным.

И все же мир, в котором живут герои, очень иллюзорен: никто не знает, что находится за воротами учебного заведения. Легенды о темном лесе, отделяющем его пространство от остального мира, вызывают у молодых людей мистический ужас: все, кто покидает Хейлшем, находит страшную смерть.

Воспоминания Кэти о годах в Хейлшеме, которые кажутся ей потом «золотым временем», изобилуют странностями, которые постепенно складываются в единую картину. Тайнственным является образ Галереи, куда, по мнению воспитанников от-

правляются их лучшие работы, но которой никто не видел. Еще более загадочен образ Мадам, увозящей из Хейлшема эти детские работы: ее фигура вызывает у всех не просто страх, скорее ужас. Женщина, которую считают хозяйкой Хейлшема, никогда не разговаривает с воспитанниками, приезжает на час-два. Эксперимент, который проводят девочки, приблизившись к Мадам, становится для них отрезвляющим моментом: дети понимают, что эта женщина боится их, «как другие боятся пауков» [2, с. 52], и они чувствуют себя пауками, впервые понимая, что все они отличаются «от людей вне Хейлшема» [2, с. 52]. Странен и тот факт, что эта самая женщина, Мадам, плачет, когда ее никто не видит – эти слезы, подсмотренные Кэти, будут поддерживать тайну образа почти до самого конца повествования. Воспитанники подмечают, что обычные в своем поведении на уроках преподаватели наедине с собой ведут себя «как безумные» [2, с. 65].

Странность воспитанников Хейлшема проявляется в отсутствии в их воспоминаниях памяти о прошлом, которое было до попадания в школу-интернат, о семьях, родителях, то есть о всем том, что является основой формирования личности любого человека. Кэти фиксирует лишь необычные события: пропажу музыкальной кассеты с песней «Не отпускай меня», под которую она танцевала, прижимая к груди подушку, как младенца. Эта сцена имеет несколько смысловых планов, указывая на внутреннее стремление воспитанницы Хейлшема к семье, материнству, а также на понимание руководством опасности таких стремлений. И отнюдь не случайно, что Кэти выбирает тему выпускного сочинения по викторианским романам, в которых главной всегда является тема семьи.

Странности присутствуют как в воспоминаниях Кэти о прошлой жизни, так в самом нарративе – процессе рассказывания о прошлом. Она употребляет странные выражения: *выемка, больной завершил прошлой ночью, первая выемка, четвертая выемка, завершить после третьей выемки* – речь здесь идет о завершении жизненного пути людей, доноров, помощницей которых и является героиня. Рассказчица

всегда использует форму «они», говоря о своем руководстве: «они довольны моей работой» – за ней стоят не конкретные люди с именами и внешностью, а некая безликая система, принимающая решения и отдающая приказания.

Присутствие приема остранения в романе ощущается не сразу: нагнетание деталей, создающих ощущение страшной тайны, споры о возможной правдивости легенд, окружающих учебное заведение, ощущение воспитанниками очевидной разницы между миром Хейлшема и большим миром, мечты героев о будущей жизни – все это выглядит обычным для закрытых учебных заведений. Страшная суть всего происходящего будет объяснена одной из воспитательниц, мисс Люси – причины такой откровенности с воспитанниками читателю тоже будут непонятны до последней главы повествования. Ее слова обнажают чудовищную жестокость мира, который, используя все сверхсовременные открытия науки, дошел в экспериментах до отрицания всех основ человечности: «Вы повзрослеете, но до того, как состаритесь, даже до того, как достигнете среднего возраста, у вас начнут брать внутренние органы для пересадки. Ради этих донорских выемок вы и появились на свет. <...> Вас растят для определенной цели, и ваша судьба известна заранее. <...> Если вы хотите прожить достойную жизнь, вы должны знать, кто вы такие и что вас ожидает, всех без исключения» [2, с. 110-111].

С помощью приема остранения автор создает страшную футурологическую картину, хотя время действия фиксировано 90-ыми годами XX века, – это не просто эксперимент, а поставленное на поток производство, результаты экспериментов, внедренные в повседневную жизнь, поставленные на поток: клонированные ученики Хейлшема, воспитанные на великой литературе, искусстве, должны ощущать себя средством для продления жизней своих «возможных я», с которых они были скопированы. И если для педагогов кажется возможным наличие в воспитанниках души, что они и пытаются подкрепить их творческими работами, то для самих молодых людей этот факт не требует доказательства. И Кэти, и ее близкие друзья ста-

раются понять, для чего их учили, поощряли к творчеству, если в итоге они остаются «материалом для медицины» [2, с. 345]. И история закрытия Хейлшема, о которой в финальной части книги говорят разные герои, – это не прекращение клонирования людей, но лишь прекращение их духовного развития и воспитания. Причину этого объясняет одна из бывших воспитательниц, мисс Эмили: людей испугало, что искусственные дети превзойдут интеллект детей естественных, займут лучшие места в обществе.

Роман создает представление о масштабности подобной системы заведений на территории страны, при этом привилегированным является лишь Хейлшем, противопоставленный другим интернатам по бытовым условиям содержания воспитанников, по самой системе образования: даже упоминание донора о Хейлшеме вызывает в других зависть.

Одна из важных сюжетных линий романа связана с любовным треугольником героев: Кэти, Томми, Рут. В нем двое (Кэти и Томми) отличаются способностью к нестандартным реакциям, пытаются думать, а не подстраиваться под общее правило, копируя образцы. Но это не делает их обоих более решительными: оба они уступают желаниям Рут, которая играет роль лидера, а значит, часто навязывает всем свои решения и лишь в самом конце своей жизни признается, что «делала все, чтобы помешать Кэт и Томми быть вместе» [2, с. 308]. Но этот поступок Рут доказывает, что у нее, как и у Кэт, и у Томми, есть душа, есть чувства.

Объектом рефлексии Кэт становятся и вопросы секса, ведь преподаватели Хейлшема настраивали их на половую жизнь, потому что без этого «они не смогут стать полноценными донорами» [2, с. 129], им говорили о «сексе на будущее» [2, с. 130], объясняя при этом, что они не смогут иметь детей. Кэти рассказывает, что по окончании Хейлшема воспитанники имели «функциональный секс» [2, с. 168]. Однако в противовес этому утилитарному отношению к половой жизни, герои испыты-

вают глубоко духовные человеческие привязанности. Пытаясь найти возможный путь к отсрочке от донорства, Кэти и Томми верят, что, если между молодыми людьми существует истинное чувство, чувство любви, то выемки органов могут отложить. Писатель наградил таким счастьем, пусть и коротким, своих героев. Это счастье – настоящая любовь, близость физическая и духовная одновременно. Кэти и Томми понимают, что любили друг друга всю жизнь. Однако еще одна иллюзия героев найти путь к освобождению от своей участи будет разрушена. Все они принимают свою судьбу со смирением: Кэт, помогая завершить жизни и Рут, и какое-то время Томми, знает, что скоро сама станет таким же, как они, донором.

Таким образом, прием остранения помог Кадзуо Исигуро в очередной раз поставить под сомнение закономерность экспериментов, при которых человек превращается в элементарное средство для достижения целей общества. Клонирование людей для последующей выемки у них органов – эта страшная цель изображена в романе Кадзуо Исигуро как свершившаяся реальность целой государственной, а может быть, и мировой системы, в которой люди не замечают проблем клонированных «недочеловеков», являющихся на самом деле людьми высокой духовной организации. И эта художественная реальность воспринимается как сигнал опасности для тех, кто противопоставил науку и нравственные законы.

Китайский и английский романы близки в подходе к одной из главных этических проблем современности: судьбы молодого поколения часто зависят от серьезных социальных, политических моментов, которые дают возможность системе, власти использовать новое поколение как средство выживания поколения старшего. Именно прием остранения в романах «Страна вина» Мо Яня и «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро обнажает опасность возвращения к ситуации античной трагедии, когда Кронос из-за страха за свою жизнь начинает пожирать своих детей.

Библиографический список

1. Мо Янь. Страна вина: [роман] / Мо Янь; [пер. с кит., примеч. И.А. Егорова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2012. – 446 с.
2. Исигуро К. Не отпускай меня. – М.: Эксмо, 2019. – 384 с.
3. Кондратова Т.И. Полижанровая природа романа Мо Яня «Страна вина» / Теория жанра и метод в зарубежной литературе: история и современность // Сборник научных трудов по литературоведению. Материалы участников международного литературного коллоквиума. – Москва, 2023. – С. 37-45.
4. Игнатенко А.В., Кондратова Т.И. Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней. Учебник. – М.: ВКН, 2022. – 448 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

DEFAMILIARIZATION AND ITS FUNCTIONS IN NOVELS "THE REPUBLIC OF WINE" BY MO YAN AND "NEVER LET ME GO" BY KAZUO ISHIGURO

T.I. Kondratova¹, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*

N.Yu. Saltanova², *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*

A.I. Melnikov¹, *Bachelor*

¹**Moscow City University**

²**Chinese Culture University**

¹**(Russia, Moscow)**

²**(Taiwan, Taipei)**

***Abstract.** The article examines the functions of the device of defamiliarization in the novels of two Nobel Prize winners: "Wine Country" by Mo Yan and "Never Let Me Go" by Kazuo Ishiguro. The scientific novelty of the work lies in the comparative analysis of the works of two writers belonging to different national literatures, from a special angle: through the prism of using the technique of defamiliarization. The works of the Chinese author and the British writer of Japanese origin touch upon universal human problems associated with the dehumanization of society in the process of continuous scientific and technological progress.*

Humanist writers question the pattern of experiments in which a person turns into an elementary means to achieve the goals of society. The technique of defamiliarization allows us to see that the fate of the younger generation often depends on serious social and political issues that enable the system and the authorities to use the new generation as a means of survival for the older generation.

***Keywords:** defamiliarization, Mo Yan, «The republic of wine», Kazuo Ishiguro «Never Let Me Go», problems of dehumanization of society.*

ON INTERPRETATION OF LONELINESS IN THE FICTIONAL SPACE (BASED ON SHORT STORIES BY J. ARCHER AND M. BOWEN)

L.A. Nalbandian, *master, tutor*

Online school "Tetrika"

(Russia, Rostov-on-Don)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-34-38

Abstract. *This paper examines the phenomenon of loneliness from the perspective of the range of interpretation approaches which can be implemented by a reader to decode the essence of loneliness as the special psycho-emotional and physical state that is described in two stories – M. Bowen "The Accident" and J. Archer "An Eye for an Eye".*

Keywords: *psycho-emotional loneliness, physical loneliness, individual style, explicitness, implicitness, stylistic devices.*

The problem of loneliness is the subject of study in various anthropocentric sciences. For instance, this topic becomes central within the frameworks of philosophy, theology, psychology, psychiatry, as well as within humanities disciplines such as philology, literary theory, and pedagogy. Despite its general disciplinary nature, each of these fields focuses on a particular aspect within the semantic diversity of this phenomenon. From an artistic and theoretical perspective, this issue traces its origins back to ancient traditions reflected in the texts of the Bible, myths and legends of peoples, theological treatises, and many other ancient manuscripts that confirm the relevance of interpreting loneliness by the representatives of different eras. The phenomenon of loneliness has not lost its relevance in the current stage of scientific thought development.

This phenomenon is multifaceted, incorporating various forms of manifestation, each of which is individually interpreted by every member of the human community. Consequently, scientific analysis of the problem under study is quite complex and requires consideration of different interpretative approaches. It is confirmed by "cultural-historical and psychologically conditioned forms of loneliness, as well as the ways of relating to it and experiencing it" [1, p. 1].

It is important to note the differences in approaches that have developed in Western and Eastern cultures. The first is characterized by the orientation on the individual success. A person must cope with loneliness inde-

pendently, and it is crucial that his unnerved state was not evident to others: those around should not realize that the individual is struggling with loneliness. In the Eastern tradition, norms and duty are the guiding principles. "The foundation of society consists of small social groups (clans and families), and a person is an integral part of the community, group and must protect its interests and follow its rules. His Individual achievements and successes matter only to the extent which they benefit the community which the he belongs to" [1, p. 2].

Furthermore, the state of loneliness is commonly associated "either with an internal reflective discord of the personality or with a rupture or lack of certain social connections, or with both simultaneously" [2, p. 97]. Thus, this state is considered from two different viewpoints: from the perspective of the inner world of a lonely person and from the perspective of the social environment of a person experiencing loneliness.

Considering the first variant, inevitably the question arises: "What is it within this person that allows him to feel lonely?" To answer it, mental attitudes, behavior patterns, habits, and self-esteem of the person are analyzed and studied – all he aspects that are formed during the development of an individual. When considering the second variant, another question raises: "What must the surrounding be like for an individual or group of people to experience a sense of loneliness?" Here, it is important to investigate social processes that lead to negative consequences [2, p. 97].

The present study focuses on the interpretation of the theme of loneliness in the paradigm of modern English artistic discourse, which confirms its relevance not only within the study of the individual style of concrete authors – J. Archer and M. Bowen, but also serves as a proof of the enduring nature of this theme for humanity's reflections on such an important topic. For example, in Russian literature, it is thoroughly examined by N.V. Gogol, M.Yu. Lermontov, I.A. Goncharov, and many other foreign writers – F.S. Fitzgerald, J. London, G.G. Marquez, indicating the wide range of sub-themes that are discovered within the broader one – the theme of loneliness. Regarding contemporary English literature, special attention is to be drawn to the literary works by J. Archer and M. Bowen as being particularly marked in terms of individual style and the range of linguistic means which actualize the examined theme. The problem of loneliness in the interpretation of these authors is revealed through the prism of various interconnected psycho-emotional and physical factors that become particularly clear within such stories as “The Accident” by M. Bowen [3] and “An Eye for an Eye” by J. Archer [4].

The problem of verbalization continues to occupy one of the central places in the anthropocentric paradigm of linguistic doctrines. Lately, attention has been increasingly focused on the study of concepts relating to psycho-emotional and sensuous sphere of a person. For instance, English lexicographic sources represent a considerable number of conventional forms for loneliness, encompassing various parts of speech. Among the nouns listed in Multitran dictionary, the dominant form is “solitude”, on a par with the other possible variants such as: “loneliness”, “oneness”, “singleness”, “solitariness”, “forlornness”, “aleness”, “privacy”, “seclusion”, “ensomhet”, “ownsomeness”, “owny-o”, “onliness”, “desolation”, “abandonment”, “closeness”, “dereliction”, “helplessness”, “recess”, “retirement”, “solitary existence”, “isolation”, “loneness”, “lonesomeness”, “retiredness”, “singletonitis”, “alienation”, “mokus”, “singledom”, “life as a single”, “singlehood”, “single life” and “soleness” [5].

For a detailed consideration of possible ways of wording loneliness by means of adjectives, we selected the following sources: “Dictionary of Synonyms and Antonyms” by A. Spooner [6] and “Oxford Learner's Thesaurus” by D. Lee [7]. The dominant term is “solitary”, among the possible synonymic sequence one finds “alone”, “antisocial”, “cloistered”, “companionless”, “friendless”, “isolated”, “lonely”, “lonesome”, “reclusive”, “unsociable”, “withdrawn”, “individual”, “one”, “only”, “single”, “sole”, “desolate”, “distant”, “hidden”, “inaccessible”, “isolated”, “out-of-the-way”, “private”, “remote”, “secluded”, “sequestered”, “unfrequented”, “unknown” [6]. Whereas such alternatives are possible as “lonely”, along with its synonym “alone”, “isolated”, “homesick”, “forlorn”, “bereft”, “desolate” [7]. Therefore, it is important to note the differences in the variety of entries represented above.

As we had already mentioned, loneliness is powerfully reflected among the world's literary works and can be presented by authors both explicitly and implicitly.

Basing on the story “The Accident” by M. Bowen, it is worth noting that the theme of psycho-emotional and physical loneliness prevails throughout the story and is revealed by the narrator both through the direct description and indirect one. So, to depict the secluded area which the protagonists found themselves in, being in a very sticky situation, Mrs. Bowen resorts to the direct method of nomination by means of the sequence of such epithets as: “amazed”, “escaped”, “flaming car”, “lonely road”, functioning within the word “common” represented in the utterance “Murchison was amazed at the speed with which he escaped from the flaming car, across the common, for he could now see the red blaze on the lonely road in the distance” [3, p. 7]. This fragment of narration creates image of the whole arduous picture and we can't but feel how lonely and helpless the characters were at that very moment.

Whereas, to convey the relationships between Murchison and Bargrave on a par with their inner ongoing unnerved state caused by their row, the author resorts to the indirect method of characterization. For instance, the antithesis “the fright had seared his memory;

but he certainly knew he loathed Bargrave” [3, p. 7] draws the attention to the fact that Murchison was a kind of a grudge-holding person who was unable to let everything go and forgive the good-for-nothing incident, being even in such ordeal circumstances without any support and help.

Furthermore, his inability to stop thinking about his aversion towards Bargrave suggests that the conflict between them should not have been a single one, as the feeling of hatred invaded the man even when all the other emotions were blocked. The rhetorical question “Do you think that you're alive?” jeered the ghost of Bargrave [3, p. 7] denotes his pet peeve towards Murchison. We can't but state that even the coming death does not serve as the reason to unite and forget about their quarrel. So, we can presuppose that the detachment “an attenuated, grey wisp of a Bargrave, within the metaphor “blown thin by the forlorn breeze” [3, p. 7] pinpoints a jolly intricate phenomenon when both the quality of our life and the number of years we trot this globe and even further reincarnation have direct interdependence with the positive or negative thoughts we have. It also depends on our ability and tendency to build up amicable or evil relationships with other people. Even our conduct can impact the final resolution the Almighty can make at our terminal minutes of life that was designed for us not by a chance. Our life is granted to us to be taught this or that thing, to explore the essence of it and become wiser and stronger. The simile “the landscape was oddly dim, like the dimness of an eclipse” [3, p. 7] symbolizes their continuous nameless misery that is waiting for them in heaven because of their scurvy action and deeds while being on earth.

While considering the story “An Eye for Eye” by J. Archer, one can't but mention that within this literary work the theme of psycho-emotional loneliness predominates over the narration that is conveyed by the author through the implicit style of characterization by means of festering relationships in the wedlock, where the husband is portrayed as an unbelievably cruel person.

First of all, we would like to underline both the distinctive features and the similarities within the abovementioned works.

Though, in the literary work by Archer, Mrs. Banks is represented as a married woman, one can't but state that she was no less lonely than compared to Murchison and Bargrave from the previous story because she was regularly abused by her extremely violent husband, named Bruce Banks. The following extract lets us learn about her late husband long history of violence that is interlaced with the cruel treatment of his wife, the damage severity which can be assessed through the gradation “Your client was regularly seen in the local village either bruised, or with a black eye, sometimes bleeding from cuts around the head – once even nursing a broken arm” [4, p. 300]. The very climax drives us at idea that their marriage was just a formality where the poor wife of his had to endure continuously her husband's quirks. It is important to note that the social aspect was crucial to Mrs. Banks. As we had already mentioned there is a type of loneliness in which it is necessary for a person not to let others understand that they are actually lonely. Mrs. Banks' situation can be defined as one of these. The uttered represented speech “She has always stated that those injuries were sustained when working on the farm where her husband was the manager” [4, p. 300] signifies that she was ready to protect her family's reputation by all means possible not to allow others to learn anything about the home truth that she had to put up with. So, we can note how vital it was for Mrs. Banks to pretend all the time and create the illusion of their “happy” wedlock for the society. The very factor distinguishes the type of loneliness from the previous text as Mrs. Bowen refrains from providing us any data whether Murchison along with Bargrave cared about the external aspect of their loneliness or not, but highlights their internal focus. Murchison's and Bargrave's inner unnerved state can be marked by means of various stylistic devices, whereas we learn very little about Mrs. Bank's feelings. The only thing that she was preoccupied of was the people's awareness and their positive view about her private life that is why she was always trying to be as secretive with any people she as she could be. Another uttered represented speech “The only person known to have visited the farm regu-

larly was the postman. Apparently, everyone else in the village refused to venture beyond the front gate” [4, p. 300] points out the high degree of aloofness of the family, despite living in a small village. We can conclude that she might be less frightened of becoming lonely in fact, since she just the kind of person who got used to living suffering lacerations, but creating an image of a luxurious and mundane life for the society.

So, based on the analyzed stories we can come to a conclusion that the problem of loneliness is revealed in two different ways. In the first text, loneliness centers around the protagonists’ own feelings. In the second story the attention is shifted to the external side, as loneliness in it is demonstrated through the protagonist’s tribulations about what society will think about her relationships with her husband, but not what she believes herself. A common feature can be identified within the both literary works – that is the motive of loneliness and loss. Murchison loses his friend Bargrave and Mrs. Banks loses her husband. The interconnections between the protagonists both in the first and in the second works cannot be called good. That is noted due to the quarrel between Bargrave and Murchison, as well as the ongoing conflict within the Banks family.

So, we can drive a conclusion that despite the common theme of loneliness in both stories, it is revealed differently in the literary works of Archer and Bowen. The reason is that every author has his own unique individ-

ual style which influences both the choice of words and stylistic devices, as well as the certain form of portraying the characters emotions and motives laid down in the concrete literary work.

As for the language design and the choice of expressive means, one should pay attention to the fact that M. Bowen preferred to reveal the theme of loneliness both explicitly and implicitly. For a direct description, she selected a number of epithets, periphrases, and metaphors which helped to convey the idea of isolation both physical and moral. Therefore, to describe the relationships between the protagonists, the author used indirect characterization with the help of numerous stylistic devices: the epithets, antithesis, rhetorical questions, detachments, metaphors, and similes. J. Archer conveyed the same theme resorting to the descriptive method thanks to the introduction into the narration of a set made up of gradation, climax, and uttered represented speech.

So, the short stories under consideration are the vivid examples of the way the individual style influences the process of nomination and objectivization of the idea of loneliness in the present date original fictional texts. The latter are obvious to be stylistically marked due to not only the introduction of a set of codified lexemes with the semantics of “loneliness” but also a set of the expressive means that make the analyzed texts stand out in terms colorful and emotive conveying the idea of loneliness.

References

1. Shagivaleeva G R. Cultural and psychological understanding of the phenomenon of loneliness // Scientific electronic journal “Concept”. – 2013. – №1.
2. Yudich E.A. The problem of loneliness in the context of philosophy // Tomsk Polytechnic University. – 2011. – №6.
3. Bowen M. The Accident / Mignani A. The Splintering Frame. – Genoa: Black Cat. 1998. – P. 7-8.
4. Jeffrey A. An Eye for an Eye / Twelve Red Herrings. Fiction short stories. – New York: HarperCollins, 1998. – P. 295-310.
5. Loneliness / Multitran. Electronic dictionary. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.multitran.com/dictionary/russian-english/одиночество>.
6. Dictionary of Synonyms & Antonyms / ed. by Alan Spooner. – Oxford University Press, 1999. – 576 p. – ISBN 978-0-19-860286-6.
7. Oxford Learner's Thesaurus: A Dictionary of Synonyms / ed. by Diana Lea, Jennifer Bradbery, Richard Poole, Helen Warren. – Oxford University Press, 2008. – 1024 p. – ISBN 978-0-19-475200-8.

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДИНОЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ ДЖ. АРЧЕРА И М. БОУЭН)**

Л.А. Налбандян, магистр, преподаватель
Онлайн школа «Тетрика»
(Россия, г. Ростов-на-Дону)

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен одиночества с точки зрения спектра интерпретационных подходов, которые могут быть имплементированы читателем для декодирования сущности одиночества как особого психоэмоционального и физического состояния на примере двух рассказов – М. Боуэн “The Accident” и Дж. Арчера “An Eye for an Eye”.*

***Ключевые слова:** психоэмоциональное одиночество, физическое одиночество, идиоматика, эксплицитность, имплицитность, стилистические средства.*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ» (НА ОСНОВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

В.Г. Сусллова, ассистент
Севастопольский государственный университет
(Россия, г. Севастополь)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-39-42

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности построения номинативного поля концепта на основе концептосферы художественного текста, представленной в виде ядерно-периферийной структуры культурных элементов. Исследуется архитектура концепта «Средневековая Англия», интерпретируемого в художественной англоязычной прозе Элизабет Чедвик. Проведен когнитивно-герменевтический анализ ее контекстов и составлены номинативного поля субконцептов, входящих в полевою структуру художественного концепта «Средневековая Англия».*

***Ключевые слова:** концептосфера, текст, номинативное поле, архитектура, концепт, субконцепт, интерпретативный формат.*

Текст того или иного произведения может быть представлен в виде концептосферы. Академик Д. Лихачев утверждал, что, «чем богаче культура отдельно взятого народа – его литература, наука, изобразительное искусство – тем богаче его концептосфера» [1]. Концептосфера соотносится с «накопленным историческим опытом и религиозными представлениями народа. Ученый также отметил, что концептосфера образована всеми потенциями концептов носителей языка» [1].

Примечательно, что И.А. Стернин и З.Д. Попова понимают под концептосферой «упорядоченную совокупность концептов народа, информационную базу мышления» [2]. Они также отмечают, что данное понятие – «сущность ментальная (мыслительная), ненаблюдаемая и что концептосфера человека является информационной базой когнитивной картины мира, обеспечивает ее упорядоченность, структурированность и системность, обеспечивает во многом понимание воспринимаемой человеком действительности, но не исчерпывает когнитивную картину мира, которая предполагает, кроме системы ментальных единиц-опор еще и динамические механизмы познания, когнитивные стереотипы восприятия и др.» [2].

Существуют речевая и языковая репрезентации художественного концепта. И.А. Тарасова разделяет следующие типы художественного концепта: «концепты-гештальты, топологические концепты, эмоциональные концепты и т.д.» [3]. Также И.А. Тарасова предлагает выделять концептуальные слои при изучении особенностей отдельных художественных концептов.

Известно, что концепт состоит из ядерно-периферийной структуры, иначе говоря, он наделен полевым описанием, так как при его описании исследователи руководствуются терминами ядра и периферии. Ядро концепта составляют номинанты с наиболее ярко окрашенными образами с наибольшей частотностью, а периферию – абстрактные образы. Номинанты, располагающиеся в периферийной зоне ядра, важны не менее, чем номинанты, которые располагаются в приядерной зоне. Они позволяют дать более точную оценку определенному концепту и наиболее подробно репрезентировать его.

За основу исследования взят роман Э. Чедвик «Сокровища короля», а на рисунке 1 можно увидеть составленное номинативное поле субконцептов, входящих в полевою структуру художественного концепта «Средневековая Англия».

Рис. 1. «Номинативное поля концепта «Средневековая Англия»

Для экспликации взаимосвязи номинативного поля концепта с особенностями архитектуры художественного произведения нам предстоит использовать когнитивно-герменевтический анализ художественного текста. Данный анализ позволит дать объективную характеристику смысловой направленности произведения. Ха-

актер и способы репрезентации художественного концепта позволят определить особенности концептосферы текста, написанного тем или иным автором.

В качестве примера мы взяли контекст субконцепта «быт Средневековой Англии», когнитивно-герменевтический анализ которого представлен на рисунке 2.

НОМИНАНТ	ЯДРО	ПРИЯДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ
wooden bread-cupboard / деревянный буфет	bread-cupboard / буфет	wooden / деревянный
the burnished cauldron suspended over the hearth / <u>над очагом висел</u> <u>начищенный до блеска котелок</u>	cauldron / котелок	1. burnished / начищенный до блеска 2. suspended / подвесной
the kindling laid ready together with a <u>hod</u> of dry timber / рядом в ведерке лежали сухие дрова	timber / дрова	dry / сухие
candles in the holders / свечи в подсвечниках	candles / свечи	in the holders / в подсвечниках
walls of wattle and daub gleamed with new lime-wash, of which there was a strong aroma / на обмазанных глиной стенах сияла свежая побелка, запах которой еще не выветрился	the walls / стены	1. wattle and daub / <u>глина,</u> <u>мазанка</u> 2. lime-wash / побелка 3. <u>strong aroma</u> / запах, который еще не выветрился
the main room with its central hearth / <u>комната с очагом в</u> <u>центре</u>	room / комната	1. main / главная 2. with its central hearth / с <u>очагом в центре</u>
<u>the heavy oak door</u> / тяжелая дубовая дверь	the door / дверь	1. heavy / тяжелая 2. oak / дубовая

Рис. 2. Когнитивно-герменевтический анализ субконцепта «Быт Средневековой Англии»

Так как каждая из моделей-реконструкций, выделенных нами субконцептов представляет собой различные контексты, наполненные лингвокультуремами, по подобию анализа контекста субконцепта «быт Средневековой Англии» с

помощью когнитивно-герменевтического анализа были исследованы контексты оставшихся 4х субконцептов. А при помощи структурно-компонентного анализа – выявленные в них номинанты.

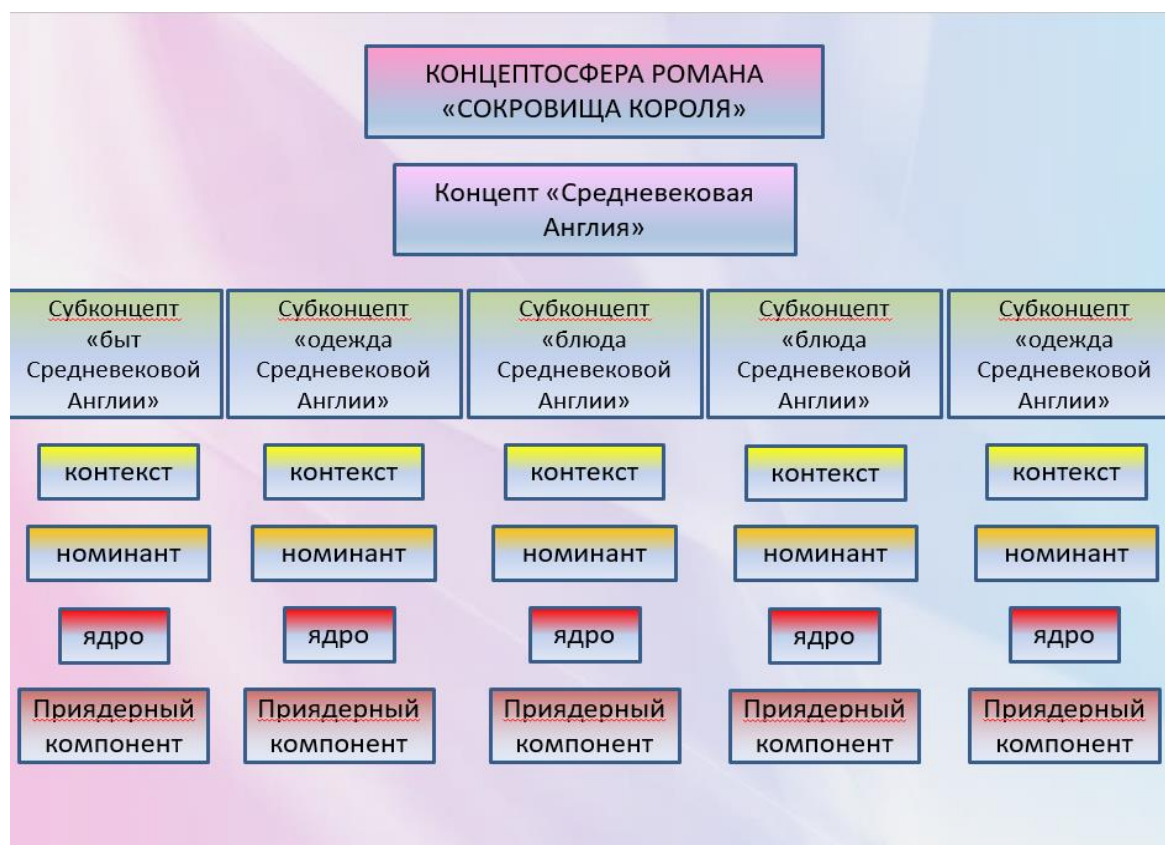

Рис. 3. Структурно-компонентный анализ художественного концепта «Средневековая Англия»

Номинативное поле концепта, как утверждают исследователи, представляет собой «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализирующих, репрезентирующих) концепт в определенный период развития общества» [4]. Структура номинативного поля неоднородна. Она может содержать как прямые номинанты концепта, то есть номинанты, составляющие ядро концепта, так и номинанты его отдельных признаков, находящиеся в периферийной зоне номинативного поля.

Таким образом, совокупность компонентов смысла составляет концепт-элемент. Единство концептов-элементов образуют субконцепт. Совокупность суб-

концептов представляет собой концепт и составляет его номинативное поле. Единство номинативных полей художественных концептов текста – это концептосфера художественного произведения.

Моделирование концептосферы художественного текста основывается на исследовании языка текста моделируемой концептосферы, в то время, как моделирование номинативного поля художественного концепта как одного из элементов концептосферы художественного текста базируется на результатах анализа отдельно взятых фрагментов этнокультурной концептосферы, отображенной в художественном тексте.

Библиографический список

1. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Вопросы когнитивной лингвистики: науч.-теор. журн. – 1993. – № 1. – С. 3-9.
2. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: «Истоки», 2002. – 191 с.
3. Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И.А. Тарасова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 4. – С. 759-762.
4. Стернин И.А. Константы и лакуны / И.А. Стернин, Г.В. Быков // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Наука, 1997. – С. 55-67.

**CONSTRUCTION FEATURES OF THE NOMINATIVE FIELD OF THE LITERARY
CONCEPT "MEDIEVAL ENGLAND"
(BASED ON ENGLISH LANGUAGE PROSE)**

V.G. Suslova, *Assistant*
Sevastopol State University
(Russia, Sevastopol)

***Abstract.** This article examines the features of constructing the nominative field of a concept based on the conceptual sphere of a literary text, presented in the form of a nuclear-peripheral structure of cultural elements. The article examines the architectonics of the concept of "Medieval England", interpreted in the artistic English-language prose by Elizabeth Chadwick. A cognitive-hermeneutic analysis of its contexts has been carried out and a nominative field of sub-concepts included in the field structure of the artistic concept "Medieval England" has been compiled.*

***Keywords:** conceptosphere, text, nominative field, architectonics, concept, subconcept, interpretive format.*

АЛЛЮЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

А.А. Тарасова, магистрант
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-43-45

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос передачи аллюзий в аудиовизуальном переводе. Особое внимание уделяется основным особенностям передачи аллюзий в переводе. Обозначена специфика перевода стилистических средств в аудиовизуальном переводе. На основе анализа оригинальной (немецкоязычной) и переводной (русскоязычной) версий документального фильма «Russland von oben» \ «Полет над Россией» были определены способы приема перевода аллюзий в аудиовизуальном переводе.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, аллюзия, стилистический прием, стилистика, адаптация.

В современных реалиях переводческие индустрии все больше и больше прибегают к использованию аудиовизуального перевода (АВП), поскольку данный вид перевода стремительно развивается и считается популярным. Под аудиовизуальным переводом принято понимать процесс адаптации различного медиа контента, к которому относятся фильмы, телесериалы, новостные программы, ток-шоу, документальные фильмы, видеоигры. Перед переводчиком стоит задача адаптировать контент для зрителей другой страны или культуры. К АВП относят перевод диалогов героев, субтитров, музыкального сопровождения и закадрового текста. Адаптация текста крайне важна для доступа к иностранной культуре, передачи культурного наследия и международного обмена. Аудиовизуальный перевод развивается в современном мире поскольку АВП играет важную роль в глобализованном обществе. Аудиовизуальный перевод позволяет охватить широкую аудиторию, адаптируя контент к разным культурам и языкам. Это способствует максимизации влияния контента и обеспечению его доступности для зрителей по всему миру.

Согласно, профессору и переводчику аудиовизуальных текстов Х. Диазу Синтасу аудиовизуальный перевод можно определить, как перевод вербальных элементов аудиовизуального текста [1]. Во время работы с текстами различных жанров переводчику необходимо учитывать опреде-

ленные требования, которые позволяют сделать адекватный перевод. К таким требованиям обычно относят: предпереводческий анализ текста, умение правильно понять контекст, найти и определить ключевую информацию в тексте, подобрать эквиваленты, соответствующие оригиналу, применить наиболее подходящий и успешный прием перевода и многое другое. В качестве примера рассмотрим особенности перевода стилистических средств в аудиовизуальном переводе. Стилистика – это ветвь лингвистики, которая изучает различные функциональные стили речи, а также различные экспрессивные средства и приёмы языка [2].

Сложность перевода стилистических средств в аудиовизуальных текстах заключается в необходимости сохранения исходной прагматики текста и стилистических особенностей, которые придают тексту экспрессивность, образность и выразительность. К стилистическим средствам, которые могут встретиться, как в аудиовизуальном переводе, так и в переводе текстов различных жанров относят метафоры, метонимии, эпитеты, аллюзии и другие стилистические приемы, средства и тропы. Перевод стилистических средств должен соответствовать определённым требованиям: смысловое соответствие, грамотность, лексическое и стилистическое соответствие, а также учёт особенностей языка перевода. В данной статье особое внимание уделяется анализу перевода аллюзий в

аудиовизуальном переводе. Согласно словарю литературоведческих терминов С.П. Белокурова, аллюзия (от фр. *allusion* – намек) – художественный прием: сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение [3]. Сущность вышеуказанного определения, сводится к тому, что аллюзия представляет собой стилистическую фигуру, которая содержит в себе намек на какой-нибудь предмет, явление, событие и т.д.

Аллюзии свойственна культурная обусловленность. Каждый человек обладает своей уникальной картиной мира, которая является идентичной и не имеет сходств в других языках. Все культуры обладают своими уникальными особенностями и характеристиками, которые не имеют аналогов и не совместимы с культурами других стран. На основе вышесказанного в переводческой деятельности возникает определенный ряд трудностей при работе над переводом такого стилистического приема, как аллюзия. К основным способам перевода аллюзий относят:

1. Подбор эквивалента.

В данном случае переводчик выбирает наиболее подходящий эквивалент, имеющийся в ПЯ. Подобранный эквивалент не зависит от контекста и относится к одному источнику, а также и совпадает с оригиналом.

2. Импликация или имплицитный перевод.

В данном случае перевод осуществляется с помощью подбора функционального аналога.

3. Экспликация или эксплицитный перевод.

Под экспликацией принято понимать передачу аллюзии другими стилистическими средствами. Главными факторами в данном случае выступают экспрессивность, передача замысла автора, добавление в текст перевода указания на источник и другие. Основным требованием к переводу аллюзии является ее нахождение и распознавание в тексте.

Рассмотрим примеры передачи аллюзий на основе анализа оригинальной (немецко-

язычной) и переводной (русскоязычной) версий документального фильма «*Russland von oben*» \ «Полет над Россией» [4].

1) *«In Disneyland wären sie neidisch auf diese Kulisse»* \ *Таким декорациям позавидовали бы и в Диснейленде.*

В ИТ и ПТ стилистическая особенность заключается в использовании стилистической фигуры – аллюзии, которая подразумевает под собой отсылку к известному художественному тексту, какому-либо общественному, культурному, историческому явлению или к какой-либо известной личности. В фильме происходит отсылка на всем известный в мире парк развлечений Диснейленд. В данном случае аллюзия переведена при помощи подбора эквивалента.

2) *«Das hell erleuchtete Hotel Ukraina, eine Flussbiegung weiter, gehört zur alten Generation von Hochhäusern, die über 50 Jahre Moskaus Skyline ausmachten - als Hammer und Sichel noch die Zukunft waren»* \ *Чуть далее по Москве реке ярко освещенный отель «Украина» – одно из высотных зданий предшествующего поколения, доминант московского пейзажа более 50 лет, когда будущее еще олицетворяли серп и молот.*

В ИТ и ПТ используется аллюзия. Стилистическая особенность достигается за счет отсылки к прошлому, когда серп и молот являлся символом в СССР, олицетворяющий единство рабочих и крестьян. Он являлся главной государственной эмблемой Советского Союза, а также одним из основных символов коммунистического движения.

Проведя анализ примеров перевода аллюзии в документальном сериале «*Russland von oben*», можно сделать вывод о том, что перевод стилистических приемов относят к трудоемкому процессу в переводческой деятельности. В приведенных примерах перевод достигается в полной мере и соответствует оригиналу. Перевод аллюзий требует тщательного подхода со стороны переводчика, чтобы сохранить все нюансы, стиль и образность оригинала, а также при переводе аллюзии важно передать присущую ей культурную обусловленность.

Библиографический список

1. Cintas, J.D. Introduction: the didactics of audiovisual translation / J.D. Cintas // The Didactics of Audiovisual Translation. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – 263 p.
2. Банина Н.В., Мельничук М.В., Осипова В.М. Основы теории и практики стилистики английского языка: учебник. – М.: Финансовый университет, 2017. – 136 с.
3. Белокурова С.П., словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
4. Russland von oben: Russlands Süden Doku. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/5-Zt5nINdZc> (дата обращения 23.05.2024).
5. Козуляев А.В. Интегративная методика обучения аудиовизуальному переводу в высшей школе как ответ на вызовы четвертой когнитивной революции: монография. – Чебоксары : Среда, 2023. – 96 с.
6. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

ALLUSION AS AN OBJECT OF TRANSLATION IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

A.A. Tarasova, *Graduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** This article raises the issue of the transmission of allusions in audiovisual translation. Special attention is paid to the main features of the transmission of allusions in translation. The specifics of the translation of stylistic peculiarities in audiovisual translation are indicated. Based on the analysis of the original (German-language) and translated (Russian-language) versions of the documentary "Russland von oben" \ "Russia from Above", the translation methods of allusions in audiovisual translation were determined.*

***Keywords:** audiovisual translation, allusion, stylistic peculiarity, stylistics, localization.*

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИКИ А. С. ПУШКИНА НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Хань Кэсинь, бакалавр

Е.В. Геддис, старший преподаватель

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-46-50

Аннотация. Данная работа анализируется разные примеры метафор в лирике А.С. Пушкина, их роль в создании образности и эмоциональной окраски текста. Исследуется, как метафоры помогают студентам глубже понять смысл и передать сложные эмоции и мысли через художественное построение образа.

Ключевые слова: метафора, лирика, поэзия А.С. Пушкина, средства художественной выразительности, иностранный студент, РКИ.

Александр Сергеевич Пушкин – один из самых известных поэтов России, его лирические произведения считаются классикой мировой литературы. Поэзия А.С. Пушкина вызывает большой интерес у иностранных студентов, изучающих русский язык. Однако метафорические образы, созданные поэтом, могут вызывать проблемы интерпретации иностранцами. Данная статья посвящена изучению особенностей метафоры в лирике А.С. Пушкина с целью помочь иностранным учащимся глубже проникнуть в мир его поэзии, понять истинный смысл его стихотворений, улучшить свои способности в изучении русского языка и литературы.

Лирика – это особый род литературы. Слово «лирика» происходит от греческого слова *lírikos* – лирическое исполнение под звуки музыкального инструмента лира. Жирмунский В.М. рассматривает лирику как «несюжетный жанр. Лирика передаёт чувства поэта; элементы рассказа, действия, сюжета растворены здесь в эмоциональном переживании» [4, с. 375]. Таким образом лирика — это не просто род литературы, а поэзия, выражающая чувства и внутренние переживания поэта. К лириче-

ским чувствам обычно относят любовь, радость, печаль, грусть, передающие эмоциональное состояние героя к другому человеку, а также чувства и мысли к природе и жизни.

Выражение чувств ярче передается при их сравнении. Однако в лирике встречается *скрытое сравнение*, в котором отсутствуют слова, обычно используемые при сравнении – *как, как будто*, но по смыслу эти слова подразумеваются. Такое скрытое сравнение называется *метафорой*. В словаре Ожегова *метафора* определяется как «вид тропа скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому, а также вообще образное сравнение в разных видах искусств» [5].

Н.Д. Арутюновой принадлежит общепринятое определение метафоры – «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 296].

Метафоры обычно используются для передачи абстрактных понятий, эмоций

или мыслей, делая язык более ярким и отвлечённым. На основе анализа статьи Е.С. Богдановой можно сделать вывод о том, что метафора способна оказывать некоторое воздействие на читателя [3]:

1) Делает язык более ярким, описывая абстрактные представления;

2) Усиливает эффект экспрессии, делая язык более заразительным и производящим большее впечатление на читателя;

3) Углубляет понимание читателя: при помощи метафоры сложные понятия могут быть выражены более просто, тем самым помогая читателю понять их смысл более глубоко;

4) Обогащают языковые выражения – они становятся более красочными, тем самым избегая однообразия языка.

По своим характеристикам метафоры можно разделить на несколько типов. Н.Д. Арутюнова классифицирует метафоры следующим образом:

1) *номинативная* метафора (перенос названия), состоящая в замене одного значения другим;

2) *образная* метафора, рождающая вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служащая развитию фигуральных значений и синонимических средств языка;

3) *когнитивная* метафора, возникающая в результате сдвига сочетаемости предикативных слов и создающая полисемию;

4) *генерализующая* метафора, стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии [2, с. 366].

Следует отметить, классификация Арутюновой взята за основу нашего исследования несмотря на то, что некоторые метафоры могут принадлежать к нескольким типам одновременно.

Лирика А.С. Пушкина представляет уникальное собрание переживаний и размышлений поэта, а сам поэт по праву считается одним из самых виртуозных поэтов-лириков в истории русской литературы, поэтому лирика Пушкина стала объектом нашего исследования, цель которого – выявление метафоры как скрытое сравнение и разработка методических приёмов для объяснения их китайским студентам.

Для проведения анализа мы остановили свой выбор на пяти лирических стихотворениях А.С. Пушкина: (А) «Деревня», 1819 г.; (Б) «Зимний вечер», 1825 г.; (В) «Зимняя дорога», 1826 г.; (Г) «Я вас любил», 1829 г.; (Д) «Осень» (Отрывок), 1833 г.

Согласно классификации Н.Д. Арутюновой, в данных лирических стихотворениях А.С. Пушкина определили следующие типы метафор и отразили их в таблице.

Таблица. Классификация метафоры в лирике А.С. Пушкина

	Номинативная метафора	Образная метафора	Когнитивная метафора	Генерализующая метафора
1		«подружка бедной юности моей» (Б)	«барство... Присвоило себе насильственной лозой И труд, и собственность, и время земледельца» (А)	«сердцу будет веселей» (Б)
2		«Приют спокойствия, трудов и вдохновенья» (А)	«весной я болен; кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены» (Д)	«желания кипят» (Д)
3		«На лоне счастья и забвенья» (А)	«полночь нас не разлучит» (В)	«то робостью, то ревностью томим» (Г)
4		«Уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей» (Д)	-	-
5		«будит лай собак уснувшие дубравы» (Д)	-	-
6		«поминки ей творим мороженым и льдом» (Д)	-	-
7		«любовь в душе угасла не совсем» (Г)	-	-
8		«сквозь туманы пробирается луна» (В)	-	-
9		«отуманен лунный лик» (В)	-	-

Как видно в таблице, в своих лирических стихотворениях А.С. Пушкин чаще всего использует образную метафору, где не просто заменяет одно слово другим, а создаёт новое метафорическое значение, помогающее читателю увидеть и представить себе то, о чём говорится в тексте, и имеет явную эмоциональную окраску, передает чувства, переживания автора.

Поскольку цель проведения классификации метафоры в лирике А.С. Пушкина – выявление риторического эффекта метафоры и её роли в языковом выражении, то остановимся на анализе скрытого сравнения в этих стихотворениях.

1. «Зимний вечер» 1825 г. [6, с. 523].

1) «подружка бедной юности моей» – здесь слово «подружка» переносит значение от человека в далёкие воспоминания юности. Скрытое сравнение выражается в силе воспоминания, которое помогает принести утешение и счастье в трудную минуту;

2) «сердцу будет веселей». Первоначальное значение слова «сердце» относится к органу тела, но в данном случае оно означает эмоциональное состояние. Метафора стирает грань между телом и духом, тем самым расширяет семантическое поле слова «сердце».

2. «Деревня» 1819 г. [6, с. 281].

1) «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья» (о деревне). Слово «приют» традиционно ассоциируется с местом нахождения животных или людей. Пушкин переносит это значение на деревню, сравнив её с местом, где можно обрести покой, усердно трудиться и черпать вдохновение;

2) «На лоне счастья и забвенья». Слово «лоно» традиционно означает грудь, живот. Пушкин использует его как символ уютного и спокойного места, где можно обрести счастье и забвение от жизненных проблем;

3) «барство... Присвоило себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца». Первоначальное зна-

чение слова «лоза» относится к растению, но в данном случае оно символизирует власть и насилие знати, барства. Пушкин переносит смысл из сферы природы в сферу общественных отношений, социального неравенства.

3. «Осень» (Отрывок) 1833 г. [6, с. 746].

1) «роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей». Слово «отряхает» традиционно относится к поведению живых существ. Пушкин переносит это значение на рощу, где деревья сбрасывают листья и сравнивает их чувственность с живыми существами;

2) «будит лай собак уснувшие дубравы». Словосочетания «уснувшие дубравы» — это метафора, из множества дубов создающая образ леса, погружающегося в зимнюю спячку. Скрытое значение «лай собак» звучит как будто: «Просыпайтесь!», создаёт контраст между оживлением собак и томным спокойствием леса;

3) «весной я болен; кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены». Первоначальное значение слова «болен» относится к тяжёлому физическому состоянию, но в данном случае оно было перенесено на эмоциональное состояние. Пушкин использует это слово для обозначения чувственного состояния грусти, скуки, тоски человека;

4) «поминки ей творим мороженым и льдом». Значение слова «поминки» традиционно связано с похоронными ритуалами. Пушкин использует это значение для создания образа зимы, как времени года, когда природа «уходит» и «умирает», а мороженный и лёд передают холод, символизируя бесчувственность;

5) «желания кипят». Первоначальное значение слова «кипеть» относится к физическому процессу сильного нагревания воды. Пушкин переносит это значение на «желание», создав образ страсти и неконтролируемых чувств, которые «кипят» в душе.

4. «Я вас любил» 1829 г. [7, с. 259].

1) «любовь в душе угасла не совсем». Значение слова «угасла» традиционно относится к огню или свету. Пушкин переносит его на силу чувств — на любовь, сравнив её с огнём, который «угасает», но ещё не полностью погас.

2) «то робостью, то ревностью томим». Значение слова «томим» часто относится к состоянию организма, вызванному усталостью или болезнью. Пушкин переносит значение этого слова на эмоциональные состояния «робости» и «ревности», тем самым создавая образ душевного беспокойства и муки.

5. «Зимняя дорога» 1826 г. [6, с. 556].

1) «сквозь туманы пробирается луна». Значение слова «пробирается» традиционно относится к поведению существ. Пушкин переносит это значение на Луну, сравнив её с путником, борющимся с препятствием на пути — с туманом.

2) «полночь нас не разлучит». Значение слова «разлучить» традиционно означает разделение людей или вещей. Пушкин переносит это значение на время, создав образ «полночи» как силы, которая не могла разлучить путников.

3) «отуманен лунный лик». Слово «лик» относится к лицу человека. Пушкин переносит это значение, относя его к Луне, тем самым сравнивая её с образом человека, которого затмил «отуманил» туман.

Итак, использование метафор в лирических стихотворениях А.С. Пушкина можно охарактеризовать как совершенное. Скрытое сравнение обогащает языковое выражение лирической поэзии, и придаёт ей глубокий эмоциональный оттенок. Метафоры являются не только украшением поэтического произведения, но и важным носителем поэтических мыслей и эмоций поэта. А.С. Пушкин в своих стихотворениях неповторимое художественное очарование, насыщает их глубиной мысли. Использование А.С. Пушкиным

метафор отражает его выдающееся поэтическое мастерство, глубокое понимание любви, природы и жизни.

Таким образом, в статье проведён анализ особенностей метафоры в лирических

стихотворениях А.С. Пушкина и представлены разработанные нами методические приёмы объяснения их для китайских студентов.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 5987 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 366 с.
3. Богданова, Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2016. – №3 (52).
4. Жирмунский, В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / В.М. Жирмунский // Под ред. З.И. Плавскиной, В.В. Жирмунской. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 440 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 28-е изд. перераб. / С.И. Ожегов // Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – Москва: Мир и образование, 2014. – 1376 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Пушкин, А.С. Полное собрание стихотворений в одном томе. – Москва: Эксмо, 2023. – 768 с.
7. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 томах. – Москва: ГИХЛ, 1959-1962. Том 2. Стихотворения 1823-1836.

THE PECULIARITIES OF METAPHOR IN THE STUDY OF A.S. PUSHKIN'S LYRICS IN THE CLASSROOM OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Han Kexin, *Bachelor*

E.V. Geddis, *Senior Lecturer*

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This work analyzes various examples of metaphors in the lyrics of A.S. Pushkin, their role in creating imagery and emotional coloring of the text. The article explores how metaphors help students to understand the meaning more deeply and convey complex emotions and thoughts through the artistic construction of an image.*

Keywords: *metaphor, lyrics, poetry by A.S. Pushkin, means of artistic expression, foreign student, Russian as a foreign language.*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА

Ян Цзы, аспирант

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-51-53

Аннотация. В данной статье рассматривается применение этимологического метода в сопоставительном исследовании концепта. На примере слова-имени концепта “горе/痛苦” в русском и китайском языках в статье выявляются их уникальные пути развития в соответствующих языках путем подробного изучения исторической эволюции, семантического расширения и культурных коннотаций этих двух слов. Благодаря этимологическому анализу мы углубляем наше понимание “горе” и “痛苦” в двух языках и представляем кросс-культурную перспективу изучения концепта.

Ключевые слова: концепт, этимология, этимологический анализ, метод концептуального анализа, концепт «горе».

Этимология, как важная отрасль лингвистики, занимается изучением истории и эволюции слов. Концепт – одни из тех слов, которые лучше всего отражают культуру и образ мышления в языковом выражении, и благодаря этимологическому исследованию концепта можно глубже понять культурный и социальный фон, лежащий в их основе. В этой статье мы обсудим применение этимологического метода в изучении концепта и рассмотрим концепта “горе” и “痛苦” в русском и китайском языках в качестве примеров, иллюстрирующих анализ концепта с помощью этимологии.

Этимология – особый раздел лингвистической дисциплины. Она, изучая происхождение слов, историческое развитие и этимоны, резко отличается от других разделов языкознания. А этимологический анализ наглядно показывает происхождение слов и ономастические единицы, в том числе и топонимов, а также демонстрирует их появление и формирование в историческом процессе развития [1, с. 51-52].

Как выше изложено, этимология – это процесс выявления первоначальных значений слов и закономерностей их эволюции

через изучение их происхождения, развития и изменений на разных исторических этапах. Благодаря этимологическому анализу можно проследить первоначальное значение слов и понять их использование и изменения в различных культурах, что имеет большое значение для лингвистики, истории и культурологии.

Концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [2, с. 91]. В общем, концепты – это слова, которые выражают определенную концепцию или идею в языке. Эти слова обычно абстрактны и могут представлять идеи, понятия, ценности и так далее. Концепты играют важную роль в языке, помогая людям выражать сложные понятия и эмоции. Изучая использование и эволюцию концепта, можно получить представление о ценностях и образе мышления той или иной культуры или общества. Выбор и использование слова-имени концепта также отражает восприятие и понимание мира людьми. В области лингвокультурологии концепт является важным объектом исследования, способным раскрыть культурные

коннотации и когнитивные модели, лежащие в основе языка.

Применение этимологического метода в изучении концепта в основном отражается в следующих аспектах:

1. Отслеживание происхождения слов: анализируя историческое происхождение слов, мы можем понять их первоначальные значения и контексты употребления. Например, слово «痛苦» в китайском языке восходит к иероглифам «痛» (произносится *тун*, значит *болевым*) и «苦» (произносится *ку*, значит *горький*) в древнекитайском языке. Причем иероглиф «痛» означает «физическую боль», а иероглиф «苦» означает «горечь на вкус», и сочетание этих двух слов постепенно превратилось в выражение «психологической и физиологической боли» [3].

2. Анализ эволюции слов: слова эволюционируют в ходе исторического развития, и их значения меняются соответственно. Изучение этимологии позволяет понять эти процессы изменения и их причины. Например, слово «горе» в русском языке восходит к старославянскому слову «гореть», означающему «жжение, что соответствует чувству эмоциональной боли и выражает ощущение жжения внутри» [5].

3. Сравнение концепта в разных языках: Сравнивая один и тот же концепт в разных языках, можно выявить сходства и различия в разных культурах. Например, сравнивая китайское слово «痛苦» с русским словом «горе», можно увидеть различия в акцентах и культурном фоне двух языков в выражении эмоции горя.

Слово «痛苦» состоит из двух китайских иероглифов: «痛» и «苦». «Иероглиф «痛» образован от «疒», который связан с болезнью и физическим дискомфортом, и его первоначальное значение – боль; иероглиф «苦» образован от «艹», который свя-

зан с горьким вкусом растений и пищи, и его первоначальное значение – горечь в смысле вкуса» [4]. Эти два иероглифа объединяются в слово, которое выражает как физическую, так и психологическую боль. Благодаря этимологическому анализу мы видим, что слово «痛苦» включает в себя не только физическую боль, но и психологические страдания, что связано с китайским образом мышления, который фокусируется на интеграции тела и разума.

Русское слово «горе» означает «боль, печаль». Этимология слова восходит к старославянскому слову «гореть», означающему «гореть» [6]. Эта этимология позволяет предположить, что в русской культуре боль воспринимается как внутреннее жжение, ассоциирующееся с жаром пламени. Эта метафора отражает понимание боли в русской культуре, согласно которому боль сжигает разум подобно огню, вызывая сильные душевные муки.

Этимология имеет важное прикладное значение для изучения концептуальных слов, она может раскрыть глубокий смысл и культурный подтекст концептуальных слов, проследивая происхождение и эволюцию слов. Если взять в качестве примера слова «痛苦» и «горе», то можно увидеть разное ударение и культурный фон двух языков в выражении эмоции боли. Это не только обогащает наше понимание концепта, но и служит важным ориентиром для межкультурной коммуникации. Однако этимологический подход также имеет некоторые ограничения и требует сочетания с другими методами исследования. В целом этимология как важный инструмент исследования предоставляет уникальную перспективу и метод для изучения концептуальных слов, что помогает нам более полно понять взаимосвязь между языком и культурой.

Библиографический список

1. Есемуратов А.Е. К вопросу об этимологии и этимологическом анализе // Academy. – 2017. – №3 (18). – С. 51-56.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Современный китайский онлайн-словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cidian.bmcx.com/> (дата обращения: 18.05.2024).
4. «Шовэнь цзецзы» Сюй Шэнь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shuowen.net/jiezi/> (дата обращения: 18.05.2024).
5. Этимологический онлайн-словарь Крылова Г.А. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lexicography.online/etymology/krylov/ (дата обращения: 18.05.2024).
6. Этимологический онлайн-словарь Успенского Л.В. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lexicography.online/etymology/uspensky/ (дата обращения: 18.05.2024).

ETYMOLOGICAL ANALYSIS AS A METHOD OF COMPARATIVE ANALYSIS OF A CONCEPT

Yang Zi, *Postgraduate Student*
Peoples' Friendship University of Russia Patrice Lumumba
(Russia, Moscow)

Abstract. *This article discusses the use of the etymological method in a comparative study of the concept. Using the example of the word-name of the concept “grief/痛苦” in Russian and Chinese, the article reveals their unique development paths in the respective languages through a detailed study of the historical evolution, semantic expansion and cultural connotations of these two words. Through etymological analysis, we deepen our understanding of “grief” and “痛苦” in two languages and present a cross-cultural perspective on the concept.*

Keywords: *concept, etymology, etymological analysis, method of conceptual analysis, concept of “grief”.*

АНТИСЦИЕНТИЗМ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Е.С. Лестев, аспирант

Е.Ю. Положенкова, д-р филос. наук, профессор

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета
(Россия, г. Шахты)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-54-57

Аннотация. В настоящей статье научное знание рассматривается через призму экзистенциальной традиции философствования. С этой целью был проведен философский анализ позиций некоторых авторов, представляющих данную традицию. По мнению автора, экзистенциализм представляет собой специфичную точку зрения на возможности науки в области постижения человеческого бытия: так, автор приходит к выводу, что экзистенциальная философия не является сугубо антисциентистской, но ограничивает методологические возможности науки при решении экзистенциальной проблематики.

Ключевые слова: экзистенциализм, субъективизм, наука, научное знание, рационализм, антисциентизм, иррационализм.

«Писать стихи после Освенцима – это варварство» – писал Теодор Адорно. И действительно, слова, некогда сказанные немецким мыслителем, стали своеобразным знаменем эпохи, современником которой он был, и которой посвящена настоящая работа. Ведь действительно, как точно отметил современный российский философ П.В. Рябов – «Думаю, ни для кого из вас не секрет, что мы живем в эпоху глубочайшего кризиса» [1]. В чем заключается этот кризис? Каковы его основные проявления? Что его обусловило? И, что самое главное, кто этот кризис обозначил? Все эти вопросы будут рассмотрены нами в настоящей статье.

Однако, чтобы раскрыть данную проблематику более предметно, мы будем рассматривать ее через призму одной из самых актуальных философских традиций и по сей день – экзистенциальной философии в ее отношении к трем главным глашатаям культуры XIX века – рационализму, сциентизму, прогрессивизму. В частности, нами будет рассмотрено отношение экзистенциальной философии к науке и ее методологическим возможностям объяснить сущность и специфику человеческого бытия. Актуальность настоящей работы заключается, во-первых, в том, что, как вновь верно замечает П.В. Рябов,

«...вопросы, которые находятся в центре экзистенциальной философии, не могут не волновать всякого мыслящего человека» [1]. Во-вторых, актуальность данной работы обусловлена тем, что и по ныне в современном обществе, по нашему мнению, преобладает преимущественно сциентистская установка в совокупности с прогрессивизмом и глобализмом, подкрепленными верой в научно-технический прогресс и «стирание» всех идентичностей.

Большое количество мыслителей (даже не относящих себя к экзистенциальной философии или тех, кто жил задолго до появления этого особого типа философствования) так или иначе затрагивали эту проблему, давая ей собственное описание. Так, Ницше говорит о «смерти Бога», Ортега-и-Гассет о «массовом обществе» или же «восстании масс», Хайдеггер вменяет современнику «забвение бытия», а Бодрийяр и Маркузе говорят об «обществе потребления» и «одномерном человеке». За несколько десятилетий до западных мыслителей, в частности представителей философии жизни, глубокому критически-рефлексивному анализу подвергают западноевропейский рационализм русские религиозные мыслители, прежде всего, И.В. Киреевский и А.С. Хомяков [4].

Однако, как говорилось ранее, мы не будем отдельно рассматривать социокультурный контекст зарождения экзистенциализма, так как это, во-первых, не входит в цели настоящей работы, во-вторых, этой теме посвящено множество академической литературы. Констатировать можно только одно – в результате падения эпохи Нового времени, которая прошла под лозунгами рационализма, сциентизма и прогрессизма, человечество небезосновательно усомнилось во всеспособности человеческого разума, способности науки дать ответы на все экзистенциальные вопросы и ничем неограниченный, всеблагий прогресс. Без сомнения, экзистенциальная философия, оставившая неизгладимый след в истории XX столетия во всех сферах общества, была явным выражением этого умонастроения. Рассмотрим его подробнее.

Одной из основных ошибок, с которой можно встретиться, рассматривая экзистенциализм в его отношении к научному знанию – это сведение первого к некоему сугубо иррациональному, антинаучному знанию. По нашему мнению, такой взгляд на экзистенциальную философию в корне неверен. Экзистенциализм действительно представляет собой антисциентистскую традицию, однако не является ненаучным. Как верно подметил П.В. Рябов – «Эта философия антисциентистская, но есть разница между антисциентизмом и антинаучностью» [1]. Более того, как верно отметил С.Б. Куликов в своей статье «Экзистенциалистская критика научного дискурса как методика формирования образа науки» – «Под огонь критики экзистенциалистов в XIX и далее в XX в. попадает не сам по себе процесс накопления и систематизации эмпирических данных, например, в области физики, химии, биологии и других дисциплин, а способы особого отношения к действительности» [2]. Продолжая эту риторику, можно отметить, что экзистенциализм не отрицает науку как систему рациональных знаний, но отрицает сциентизм, попытку науки вероломно вторгнуться во все сферы человеческой деятельности, занять пьедестал Бога, как это произошло в XIX веке после «смерти» христианского Бога. Таким образом, экзи-

стенциализм в своей антисциентистской природе демонстрирует не противоборство с наукой, отрицанием научного знания, но выражает тем самым «особое отношение к действительности». Отношение, в котором действительность, точнее, ее познание, не исчерпывается исключительно областью научного знания.

Наиболее точно это выразил С. Кьеркегор, когда писал: «Я уважаю науку и ее представителей... жизнь ведь имеет свои требования... Я предъявляю к философии одни лишь вполне законные требования... Я семьянин, у меня есть дети и от имени моих детей я спрашиваю, что делать человеку? как жить?» [3]. По нашему мнению, данная формулировка наиболее полно характеризует не только отношение экзистенциализма к научному знанию как таковому, но и потенциальную возможность последнего разрешить проблему человеческого бытия.

Говоря о своеобразной гносеологической «неприемлемости» и беспомощности науки перед лицом человеческого существования, интенция экзистенциальных мыслителей, по нашему мнению, сосредотачивается вокруг проблемы «Единичное-Общее». Данная проблема обуславливается специфическим, экзистенциальным пониманием «человека». Специфика этого понимания заключается в том, что экзистенциализм мыслит человека не как род, родовое понятие, нечто всеобщее, но как целую личность, индивидуальную, единичную. Например, без всякого сомнения, экзистенциализму чуждо представление Людвига Фейербаха о человеке, как натуралистическом существе, человеке как роду, человеке «с большой буквы». В экзистенциальном представлении человек имеет конкретно-личностное значение. И в этом аспекте экзистенциализм видит глубокий крах науки как явления, стремящегося дать «ответы на все вопросы мира». И действительно, наука в своем познании человека оперирует исключительно всеобщими категориями, объектом сугубо научного исследования может быть только человек как род, но никак не человек как личность.

Для науки интересен человек Фейербаха, человек «с большой буквы», но никак не человек как самость, как единичное, уникальное, неповторимое. Наука, по мнению экзистенциалистов, в своем стремлении познать природу человеческого существа, объективирует его и нивелирует все то, что является глубоко-личностным, индивидуальным. Как верно подмечает Рябов П.В. – «Она всегда грешит редукционизмом, детерминизмом и абстракциями; а экзистенциализм как раз стремится пробиться к цельной, свободной и неповторимой личности» [1].

Особенно явно видны эти попытки науки редуцировать, свести цельную человеческую личность к некому частному, предикативному видна в различных частных научных областях. Например, биология, где человек понимается не более, как генетически и природно-обусловленное существо, экономика, где человек мыслится исключительно как homo economicus, рациональный производитель-потребитель, закономерно управляемый «невидимой рукой рынка». Можно вспомнить и социологию, где человек представляет собой не более, чем социальную функцию или Аристотелевское *zoon politikon*. Продолжать этот ряд можно настолько, насколько это позволяет делать современная дифференциация науки на различные, узкоспециальные, частные научные области. Однако, как вполне верно и обоснованно констатирует экзистенциальная философия – следствием такого научного «дробления» человека, представления его как нечто фрагментарного, раздиранного на предикаты, никак не могущие выразить всю полноту и глубину его существования, является утрата того, что экзистенциализм выражает как самое существенное – свободы, цельности, необъективности, уникальности, глубины человеческого бытия, проявляя тем самым

«бунт жизни против правления науки». Тем самым, экзистенциализм как философское течение, по нашему мнению, вполне обоснованно ставит под сомнение постижение сущности человеческого существования исключительно научными средствами, которые овеществляют, объективируют, обезчеловечивают человека, делают его конкретное, личностное бытие анонимным, лишенным индивидуальности.

Таким образом, возвращаясь к поставленной ранее цели, можно сделать вывод о том, что экзистенциализм как философская традиция, вопреки распространенному мнению, преимущественно в позитивистских кругах, не отрицает науку, равно как и не отрицает разум, но только ограничивает их, призывает науку стать скромнее и осознать пределы своих возможностей. Экзистенциализм, прямо поддерживая позицию многих мыслителей, ясно подчеркивающих существование таких областей бытия, которые выходят за пределы человеческого разума, констатирует крах культуры Нового времени с его безоговорочной верой в человеческий разум, неограниченные возможности научного знания и неостановимый прогресс, тем самым предлагая свой – экзистенциальный подход в понимании специфики человеческого бытия.

Следуя за своими культурно-историческими предками – эпохой Романтизма, философией жизни, экзистенциализм предлагает совершенно иной взгляд на человека и его положение в мире, в соответствии с которым последний хотя и может быть объектом научного познания, но никогда не будет им исчерпан, тем самым открывая нам потенциальную возможность не «антинаучного», а «вненаучного» постижения человеческой реальности.

Библиографический список

1. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. – М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – 463 с.
2. Куликов С.Б. Экзистенциалистская критика научного дискурса как методика формирования образа науки // Вестник ТГПУ. – 2013. – №5 (133).
3. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 416 с.

4. Положенкова Е.Ю. Соотношение религиозной философии и христианского богословия в русской религиозно-философской мысли XIX – нач. XX вв. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009.

ANTI-SCIENTISM: EXISTENTIAL INTERPRETATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

E.S. Lestev, *Postgraduate Student*

E.Y. Polozhenkova, *Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

**Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University
(Russia, Shakhty)**

***Abstract.** In this article, scientific knowledge is considered through the prism of the existential tradition of philosophizing. To this end, a philosophical analysis of the positions of some authors representing this tradition was carried out. According to the author, existentialism represents a specific point of view on the possibilities of science in the field of comprehension of human existence: thus, the author comes to the conclusion that existential philosophy is not purely anti-scientific, but limits the methodological possibilities of science in solving existential problems.*

***Keywords:** existentialism, subjectivism, science, scientific knowledge, rationalism, anti-scientism, irrationalism.*

ПРОБЛЕМЫ «ОТКРЫТОГО» ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

М.А. Максимов, канд. филос. наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-58-61

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа проблем современного цифрового общества в контексте социально-философских концепций «открытого общества» (А. Бергсон, К. Поппер). Автор рассматривает особенности процесса цифровизации в социальной сфере и указывает ключевые признаки цифрового общества как «открытого» социального порядка. Также в статье исследуются факторы, препятствующие дальнейшей демократизации цифрового социального порядка, формулируется вывод о необходимости развития навыков критического мышления в рамках современной цифровой среды для поддержания ее открытого характера.

Ключевые слова: цифровое общество, открытый социальный порядок, демократизация, цифровая безопасность, эффект «эхокамеры».

Цифровое общество – это социальная среда, где коммуникационный процесс осуществляется с использованием цифровых технологий и сетей. Это общество ассоциируется с открытостью благодаря свободному доступу к информации, обмену идеями и развитию цифровых форм взаимодействия между индивидами. Актуальность изучения цифрового общества заключается в его влиянии на динамику социальных отношений и формирование новой информационной культуры.

Открытый характер цифрового общества становится ключевым аспектом в контексте растущей важности прозрачности публичной сферы, защиты данных, свободы слова. Исследование этой проблемы позволяет понять, как цифровые технологии влияют на доступ к информации, свободу выражения мнений, конфиденциальность данных и дальнейшее формирование гражданского общества. Анализ концептуальных построений Анри Бергсона и Карл Поппера помогает осознать важность социальной «открытости» для развития демократии, интеллектуальной свободы и эффективных социальных реформ.

В своей работе «Два источника морали и религии» французский философ А. Бергсон рассматривал отличия типов социального порядка следующим образом:

«Закрытое общество – это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равнодушны к остальным [чужим] людям, всегда готовы к нападению или обороне – словом, обязаны находиться в боевой готовности. Таково человеческое сообщество, когда оно выходит из рук природы. Человек создан для него, как муравей для муравейника... «Открытое общество – это то, которое в принципе охватывает всё человечество. О нем вновь и вновь мечтают избранные души, и оно каждый раз реализует нечто от самого себя в творениях, каждое из которых через более или менее глубокое преобразование человека позволяет преодолевать трудности, до того непреодолимые» [1, с. 288-289]. Если же мы обратимся к социально-философской концепции К. Поппера, то столкнемся с несколько иной интерпретацией данных типов. «Закрытое общество» для К. Поппера является социумом, обладающим разветвленной системой запретов (различные табу), где основные решения за индивидов принимает государство; социальный порядок, где попораны основные права и свободы личности и господствует некий «безличный коллективный разум» [5, с. 91]. В противовес этому «открытое общество» рассматривается как некая конструкция социального порядка, построенного на принципах «критического

рационализма»: «индивиды суть критически мыслящие личности, они открыты для контакта друг с другом и внешним миром, они своей деятельностью активно развивают общественные институты, каждый из них сам господствует над собой и не допускает влияния чуждой воли» [3, с. 56].

В любом случае, социально-философские модели открытого общества, предложенные Бергсоном и Поппером, выделяются своим акцентом на прозрачности, свободе и демократии. Бергсон подчеркивал важность свободы и индивидуальности в обществе, а также необходимость открытости для развития культуры и духовности. Он утверждал, что закрытые общества подавляют индивидуальность и тормозят эволюцию. Карл Поппер в своей работе также отмечает важность критического мышления, открытости к новым идеям и способности обсуждать и критиковать установленные нормы. Поппер считал, что только в открытом обществе можно добиться прогресса и защитить права человека.

Открытое общество, по мнению Бергсона и Поппера, характеризуется не только свободой и индивидуальностью, но и способностью к саморазвитию и изменениям. В таком обществе ценятся разнообразие мнений, свободный обмен идеями, а также уважение к правам и мнениям каждого человека. Открытость и прозрачность институтов, возможность критического анализа сложившихся социально-политических структур способствуют развитию демократии и защите прав личности [4].

Важным аспектом открытого общества является также его способность к адаптации к изменяющимся условиям и вызовам времени. Гибкость, открытость к новым идеям и способность к саморефлексии позволяют открытому социальному порядку быть устойчивым и способным к постоянному развитию. Цифровое общество может быть охарактеризовано как «открытое», так как обеспечивает доступ к информации для широкой аудитории, способствуя свободному обмену знаниями и идеями. Цифровые технологии создают дополнительные возможности для комму-

никации, обучения, творчества и участия в общественной жизни.

Итак, можно выделить следующие признаки открытости цифрового социального порядка:

1. Создание новых и динамичных социальных связей: современные технологии облегчают коммуникацию и взаимодействие между людьми, способствуя формированию онлайн-сообществ и сетей поддержки.

2. Расширение доступа к информации: современный социальный порядок предоставляет возможность получить доступ к разнообразным источникам информации, что способствует образованию и саморазвитию.

3. Увеличение степени участия в общественной жизни: цифровые платформы позволяют гражданам высказывать свои мнения, участвовать в дискуссиях и принимать участие в принятии общественных решений.

4. Совершенствование системы социальной инклюзии: цифровые технологии помогают сократить информационный разрыв, обеспечивая равный доступ к ресурсам и возможностям для всех членов общества.

В итоге можно согласиться с тем фактом, что в цифровом обществе как «открытом социальном порядке» формируются новые практики взаимодействия, способствуя дальнейшей демократизации гражданской сферы деятельности.

Однако, в цифровом обществе возникают проблемы, которые ставят под сомнение его «открытый характер». Например, эффект «эхо-камеры» - индивид уделяет внимание только привычным информационным источникам, соответствующим его убеждениям, что может привести к сужению кругозора и снижению уровня критического мышления [6]. Другие проблемные факторы включают нарушение приватности и конфиденциальности данных, цифровое неравенство в доступе к информации, распространение фейковых новостей и манипуляцию массовым сознанием. Перечисленные факторы могут ограничить свободу выражения мнений,

создать барьеры для развития личности и привести к дезинформации.

На наш взгляд, следует обратить внимание на ряд проблем, препятствующих увеличению степени открытости цифрового общества:

1. Цифровая безопасность: угрозы кибербезопасности, такие как хакерские атаки, кибершпионаж и кибертерроризм, могут создавать недоверие и опасения среди пользователей, что препятствует эффективному развитию цифрового общества.

2. Цифровая анонимность: возможность оставаться анонимным в сети способствует росту различных онлайн-угроз, кибербуллингу и распространению незаконного контента, что подрывает доверие и безопасность в цифровом пространстве. Безусловно, анонимные аккаунты в социальных сетях могут использоваться для распространения дезинформации или провокаций, что создает обстановку недоверия и напряженности в сети.

3. Цифровая цензура: ограничения доступа со стороны правительств или корпораций к определенным ресурсам могут препятствовать коммуникации, что ущемляет права пользователей. Например, блокировка доступа к определенным сайтам

или сервисам может ограничить эффективный информационный обмен, что подрывает демократические принципы в современном социуме.

Можно предположить, что цифровое общество имеет потенциал для расширения интеллектуальной свободы и обмена знаниями, но также несет риски ограничения гражданских прав. В данных обстоятельствах остается важным развитие навыков критического мышления и объективная оценка разнообразной информации в цифровом пространстве.

Как отмечают различные зарубежные и отечественные исследователи, цифровые технологии способствуют развитию социальных связей, доступу к образованию и большему участию в общественной жизни [3, 7]. Они уменьшают цифровые различия, способствуя социальной интеграции. Открытость цифрового общества влияет на современную социологическую парадигму, используя актуальные методы исследования множественных социальных взаимодействий. При этом следует ограничивать воздействие указанных выше проблемных факторов, которые могут создать барьеры для развития личности в современном информационном социуме.

Библиографический список

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М., 1994. – С. 288-289.
2. Восканян Э. С. Открытое общество: между проектом и идеалом (политико-философский анализ) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14, Вып. 3. – С. 55-60.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. Петросян В. К. Компаративистский анализ концепций «открытого общества» А. Бергсона и К. Поппера // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 118-131.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. – М., 1992. – С. 91.
6. Русаков А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник СПбГИК. – 2019. – № 2 (39). – С. 11-15.
7. Торотова А.М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 118-132.

**PROBLEMS OF AN “OPEN” DIGITAL SOCIETY:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

M.A. Maksimov, *Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor*
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)

***Abstract.** The article attempts to analyze the problems of modern digital society in the context of the socio-philosophical concepts of an “open society” (A. Bergson, K. Popper). The author examines the features of the digitalization process in the social sphere and indicates the key features of the digital society as an “open” social order. The article also examines the factors that impede the further democratization of the digital social order, formulating a conclusion about the need to develop critical thinking skills within the modern digital environment to maintain its open nature.*

***Keywords:** digital society, open social order, democratization, digital security, «echo-chamber» effect.*

«АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО НЕОКАНТИАНСТВА

И.М. Мешков, канд. филос. наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялта
(Россия, г. Ялта)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-62-67

***Аннотация.** Рассматривается категория «аксиологической предметности» в системе ценностных ориентаций контекста сравнения концепций немецкого и русского неокантианства. Под «аксиологической предметностью» подразумевается отношение предмета, вещи к ценности. Система ценностных ориентаций, таким образом, отражает: отождествление предмета-ценности, отношение предмета к ценности и отчуждение предмета от ценности. В результате анализа философии неокантианства, было обнаружено, что И. Кант изначально отождествлял предмет, «вещь» с ценностью в качестве «вещи в себе» и «вещи для нас», тем самым разделяя абсолютную и относительную ценности. Дальнейшая тенденция в философии немецкого неокантианства показывает в большей степени опосредованное отношение к предметности, которая с ценностью лишь соотносится. В данном контексте предмет, вещь не сама ценность, а лишь «указание» на трансцендентальную ценность по Г. Риккертю. Мыслитель также отчуждает предмет от ценности, утверждая, что если вещь не благо культуры, связанное с трансцендентальной ценностью, то предмет этот становится природой, лишённой смысла. Русское неокантианство в свою очередь «возвращает» тождество предмета и ценности. Ценность в данном случае – это «единство» предмета и смысла, осуществляемое через творчество по Т. Райнову и Ф. Степуну. То есть, реализованное творчество в предмете и есть «предмет-ценность» выраженный в искусстве.*

***Ключевые слова:** «аксиологическая предметность», система ценностных ориентаций, «предметные ценности свершения», «вещь в себе», цель, средство, благо культуры, оценка, культура, природа.*

Неокантианская философская традиция создала определённую перспективу в осмыслении проблемы ценностей как «системы ценностных ориентаций», предполагая «разделение» мира на «трансцендентальную реальность» и «эмпирическую действительность», где связь между ними существовала не только по необходимости, но и как отношение категорий. Среди таких категорий можно отметить: благо, значимость, оценку, цену, цель и пр. Данные категории имеют отношение к ценности и находятся в различных сферах «сдвоенного мира», как идеального, так и действительного. Такая связь категорий и осуществляет систему ценностных ориентаций. В представленном контексте необходимо выяснить роль, место и значение предметов как объектов в системе цен-

ностных ориентаций немецкого и русского неокантианства.

Отношение предметов к ценностям наиболее удачно выражено феноменологическим определением «аксиологическая предметность» выведенная Э. Гуссерлем [1, с. 240, 270].

Сравнительный анализ философии немецкого и русского неокантианства показывает основные тенденции осмысления предметов как ценностей, или отношения объектов к ценностям.

«Аксиологическая предметность» в концепциях немецкого и русского неокантианства

Отношение предметов, вещей в системе ценностных ориентаций было осмыслено И. Кантом. По словам мыслителя, «предметы, существование которых хотя и зависит не от нашей воли, а от природы, име-

ют, тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средства и называются поэтому вещами...» [2, с. 269]. То есть, И. Кант вводит предметы в аксиологическую сферу. Предметы, не наделённые разумом, имеют относительную ценность, воспринимаясь как средства к цели. В данном качестве предметы интерпретируются как «вещи», которые «удваиваются», становясь абсолютными и относительными.

Мыслитель также говорит об абсолютных «предметах-ценностях», как целях самих по себе. И. Кант отмечает, что причина поступка человека может быть не эмпирической, а умопостигаемой. В отношении способностей рассудка и разума человек – умопостигаемый предмет, так как разум существенно отличается от эмпирически обусловленных сил, он оценивает предметы согласно идеям и соответственно им определяет рассудок. Разум, составляющий постоянное условие всех произвольных человеческих актов, независим от времени и других явлений чувственного мира и поэтому действует свободно. «Эту его свободу можно определить не только отрицательно как независимость от эмпирических условий, но и положительно как способность самостоятельно начинать ряд событий» [3, с. 443]. В высказывании мыслителя следует отметить, что человек – умопостигаемый, то есть идеальный предмет, и именно данная идея определяет поступки каждого конкретного индивида. Причины же поступка не эмпиричны, а умопостигаемы, трансцендентальны. По мнению И. Канта, «то, что необходимо побуждает нас выходить за пределы опыта и всех явлений, есть безусловное, которое разум необходимо... ищет в вещах в себе в дополнение ко всему обусловленному ... не представления о вещах, как они нам даны, соотнобразуются с этими вещами как вещами в себе, а ... эти предметы как явления соотнобразуются с тем как мы их себе представляем» [4, с. 89-90].

Предметы по И. Канту «аксиологизируются» не только в императивистском смысле, но и в качестве «целеполагания», где «царство целей есть обитель ценностей» [2, с. 276].

Соотношение абсолютной и относительной ценностей осуществляется через оценку, где И. Кант утверждает, что «возведение ценности из относительной в абсолютную, значит оценивать чрезмерно» [4, с. 169].

Таким образом, если «предметы-средства» возводить в положение цели – значит «оценивать чрезмерно». В данной связи, мыслитель «предметы-вещи» понимал непосредственно как ценности в абсолютном и относительном смыслах. Дальнейшая тенденция в неокантианстве будет показывать некоторый «отход» от представления «предмет-ценность» к восприятию «отношения предмета к ценности», и в данной связи, «предмет» мыслится как аксиологическая категория хотя и имеющая связь с ценностью, но ею не являющаяся. Представитель баденской школы неокантианства Г. Риккерт не определял предметы как ценности. По словам мыслителя, ценность связана с действительностью через благо и оценку [5, с. 66]. Благо – ценная часть действительности не являющаяся ценностью, но с нею соотносящаяся. Блага – предметы культуры. Если от блага культуры отнять ценность, то предмет этот становится природой [5, с. 66]. Ценности – трансцендентальный смысл, лежащий «над» и «до» всякого бытия [6, с. 45-46]. Стоит отметить, что если по И. Канту «вещь в себе» – это «умопостигаемый предмет» [3, с. 443], то по Г. Риккерт «трансцендентальное» является смыслом, сознанием вообще, отделённым от объективности, так как сущность ценности – значимость, а не факτικότητα [5, с. 55]. Концепция Г. Риккерта в своей трансцендентальности не предполагает «сверхвещей», но вещей как ценных частей действительности.

Другие представители немецкого неокантианства рассматривали «аксиологическую предметность» опосредованно, говоря о вещах в контексте.

По Г. Лотце, чувством удовольствия «схватываются ценности» [7, с. 281]. Г. Мюнстерберг утверждал, что «чувство удовольствия» – сущность относительных ценностей [8, с. 59]. Относительные «предметы-ценности» в своём качестве

способны вызывать у человека «чувство удовольствия».

Опосредовано об «аксиологической предметности» упоминал В. Виндельбанд, утверждавший, что «высшие ценности эмпирической жизни – знание, нравственность и искусство, становятся живыми деяниями Божества в человеке и приобретают в трансцендентальном сознании более высокое глубокое значение» [9, с. 298]. В высказывании мыслителя искусство соотносится с «аксиологической предметностью» как результатов деятельности в виде картин, скульптур, инсталляций и пр.

Относительно «аксиологической предметности» в баденской школе неокантианства рассуждал русский мыслитель Л. Столович, где выделял:

- ценности;
- ценный предмет или благо культуры;
- предмет чуждый ценности, то есть составляющий природу.

Исходя из отношений ценности и предмета, философ определяет «три мира»:

- мир ценностей – идеального, или значений, не являющийся «предметностью»;
- мир культуры, включающий в себя предметы-блага, имеющие отношения к ценности;
- мир природы, состоящий из предметов чуждых ценности [10, с. 415].

Таким образом, мыслитель считает «первый мир» включающим в себя ценности с отсутствием предметов. «Второй мир» состоит из предметов, связанных с ценностями. «Третий мир» предполагает предметы отдельные от ценностей.

На основании анализа немецкого неокантианства относительно принадлежности концепций к «аксиологической предметности», можно выделить три тенденции:

1. Отождествление ценности с предметом;
2. Опосредованность, или частичная совместимость ценности и предмета. То есть, мыслители прямо не говорили о предметах как о ценностях, но предполагали их в контексте;
3. Отделение предмета от ценности с сохранением, или не сохранением связи между ними.

К первой тенденции относится И. Кант, различавший «вещи в себе» и «вещи для нас», воспринимая их как абсолютные и относительные ценности [2, с. 269].

Ко второй тенденции можно отнести концепцию Г. Лотце, понимавшего ценности как соединение чувства удовольствия с целью [7, с. 281]. Аналогичного представления о ценностях придерживался и Г. Мюнстерберг, по мнению которого «относительным ценностям» присуще «чувство удовольствия» [8, с. 59]. Подобным образом И. Кон связывал ценности приятного с фактической оценкой [11, с. 42-43]. К данной категории мыслителей принадлежит и В. Виндельбанд, указывавший, что искусство – одно из проявлений «живого деяния Божества в человеке» [9, с. 298].

Третья тенденция представлена концепцией Г. Риккерта, у которого блага культуры – «ценные части действительности», предметы, связанные с трансцендентальными ценностями, но не являющиеся ими. С другой стороны, мыслитель говорит о природе как о совокупности предметов, отделённых от ценности [5, с. 66].

Анализ русского неокантианства показывает, что основное проблемное поле будет сосредоточено над переосмыслением указанной выше «третьей тенденции», и возвращением к «первой» с феноменологическим оттенком, что будет изложено ниже.

Представитель русского неокантианства Т. Райнов занимался анализом системы ценностных ориентаций своих немецких коллег. Мыслитель обращает внимание на «отделение», противоположность ценности и предмета, предмета и культуры, а также природы [12, с. 65-68]. На данную проблему указывает и исследователь неокантианства С.В. Силенко, по словам которого Г. Риккерт «отделяет ценность с одной стороны от оценки, а с другой, от блага, тем самым отказывается как от чисто субъективного, так и объективного понимания природы ценности, существовавшего среди его предшественников» [13, с. 15].

Для преодоления «противоположности» ценности и предмета, культуры и природы,

Т. Райнов использует феноменологический метод [12, с. 65-68].

Т. Райнов «помещает» ценность в рамках предмета подвергнутого деятельности человека. По его словам, ценность – продукт творчества образующего «единство» предмета. «Единство» – это «сущность» всякой ценности и творчества [12, с. 75-76]. То есть, по мнению мыслителя, ценность предмета схожа с благами культуры по Г. Риккерт, и, с другой стороны, «единство» помогает преодолеть «противоположность» предмета и ценности.

Другой видный представитель русского неокантианства Ф. Степун также говорил о некоем стремлении к «единству», и участию в нём творчества. Так, мыслитель разделяет «ценности состояния» – это жизнь как таковая, включающая «формы творчества», а также «предметные ценности свершения», они же являются ценностями культуры. Между этими ценностями существует несовместимость, стремление к преодолению которой ведёт к трагедии творчества [14, с. 186-194]. В данном плане, творчество как деятельность человека способно воздействовать на «предметный мир» с целью преодоления «разрыва» между субъектом и объектом, что и приводит к «трагедии творчества». «Несовместимость» представленных ценностей выражает стремление к «единству».

По мнению Ф. Степуна, «ценности предметного положения» делятся на научно-философские, выражающие объективную истину и эстетически-гностические, отражающие объективную красоту [15, с. 114-115]. В представленном контексте, научно-философские и эстетически-гностические ценности представляются результатами деятельности человека.

Исходя из концепции Ф. Степуна, отличие жизни и предметных ценностей связано с тем, что человек понимает и предчувствует наличие идеи конечности, определяющей эти предметные ценности, наряду с присущей им, хотя и крайне ограничены присутствующей в каждой из них – идеей бесконечности [15, с. 117-119]. То есть, человек в своей жизни и творчестве осознаёт конечность происходящего, где «предметные ценности» подвержены из-

менению и могут быть непригодны, или уничтожены со временем. Тем не менее, в «предметных ценностях» присутствует и идея бесконечности.

Таким образом, «предметные ценности» непосредственно связаны с осознанием человека, которое в «единстве» отражено в предмете и запечатлено во времени, идеях конечности и бесконечности. «Предметные ценности» связанные с осознанием имеют феноменологический характер, о чём утверждает русский неокантианец Т. Райнов. По его мнению, диалектически соединённый предмет и творчество в качестве ценности, может быть чувственно-постигаемым или умопостигаемым, идеальным [12, с. 75-76]. То есть, судя по всему, в представлении философа речь идёт об относительных и идеальных предметах.

Концепция Т. Райнова интересна тем, что хотя и является по своим чертам неокантианской, тем не менее, в ней имеет место феноменологические черты. Мыслитель в своих аксиологических представлениях схож с позицией феноменолога М. Шелера, различающего «сверхпредметы» и «предметы» в качестве ценностей [16, с. 273].

Позиция Т. Райнова о том, что ценность – «единство» творчества и предмета схожа с концепцией Н. Гартмана выделявшего в качестве относительной ценности – «ценность реализации ценности», что есть то, что предполагает деятельность человека [17, с. 46].

По мнению Т. Райнова – ценности познаются через сознание, они «сверхиндивидуальны», и в данной связи, подлежат не психологическому, а феноменологическому рассмотрению. Совокупность ценностей, как «опредмечивающих единств» есть культура. Теория ценностей, феноменология творчества есть философия культуры [12, с. 75-76]. По сути, русское неокантианство явилось переходным направлением между классическим немецким неокантианством и феноменологией.

Заключение

Таким образом, рассматривая «аксиологическую предметность» немецкого и русского неокантианства, можно увидеть эволюцию отношений к предметности от

отождествления предмета и ценности, частичной совместимости одного и другого, отделения объекта от значимой ценности, а также возврат к отождествлению. Данная смысловая конструкция напоминает «круг», от начала, развития и возврата к началу. Исходя из описания перспективы развития представлений об «аксиологической предметности», можно вывести четыре отношения к предметам:

- Отождествление предмета и ценности выражено в концепции И. Канта, где существуют «вещи в себе» и «вещи для нас», выражая тем самым их разделения на абсолютную и относительную ценности. «Предметный мир» выходит за рамки эмпирической действительности в сферу идеального, человека как «умопостигаемого предмета». «Аксиологическая предметность» по И. Канту имеет императивный характер, где «вещи в себе» являются целью, «вещи для нас» характеризуются как средства. Соотношение первой и второй категорий вещей осуществляется через оценку, устанавливающую цену, где «абсолютный предмет-ценность» ценнее «относительного предмета-ценности», так как он лишь средство;

- Отношение частичной совместимости характеризует указание на предметы лишь в контексте. По Г. Лотце цель сопрягается с чувством удовольствия, которая, судя по всему, относится к ценностям относительным по словам Г. Мюнстерберга. Чувство удовольствия в большей степени относится к предметам. Предметы не только вызывают чувство удовольствия, но и обладают фактичностью. Фактичность объек-

тивна, дана человеку через оценку и выражает ценности приятного по И. Кону;

- Отношение отделения, отчуждения ценности от предмета изложенное в концепции Г. Риккерта, где предметы как блага культуры лишь соотносятся с «трансцендентально-значимыми ценностями», находящимися «над» и «до» всякого существования. Блага культуры не ценности, но ценные части действительности. Природа же является сферой предметов, отделённых от ценностей. По сути, данная ценностная ориентация показывает «отделение» «трансцендентальной ценности» от объекта или субъекта;

- Отношение единства предмета и ценности, выраженное в философии русского неокантианства, концепциях Т. Райнова и Ф. Степуна. Во многом важнейшая аксиологическая концепция данного направления строится на основе осмысления теорий баденской школы, с целью преодоления «разделения» ценности и предмета. Ценность в данном плане выражает «единство» творчества и предмета по Т. Райнову. Ф. Степун отмечал стремление творчества преодолеть разрыв субъекта и объекта, приводящего зачастую к трагедии творчества. Ценность, таким образом, не существует вне предмета подобно «отношению отождествления» с разделением «предметов-ценностей» на абсолютные и относительные. Абсолютные «сверхвещи как ценности» «сверхиндивидуальны» и могут быть рассмотрены феноменологически, что отличает русское неокантианство от немецкого.

Библиографический список

1. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischen Philosophie. – Halle: Erstes Buch, 1922. – 323 s.
2. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 478 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. – 655 с.
4. Кант И. Сочинение. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1965. – 441 с.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре; пер. С. И. Гессен. – М.: Республика, 1992. – 128 с.
6. Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. – СПб., 1913. – Сб. 7. Теория познания. – С. 1-79.
7. Лотце Р.Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории. Опыт антропологии. В 3 ч. Ч. 1. Душа. – М.: К. Солдатенков, 1866. – 580 с.
8. Munsterberg, H. Philosophie der Werte. Grundzuge einer Weltanschauung. – Leipzig: Zweite Auflage, 1921. – 370 s.

9. Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи. – СПб.: Изд-во Жуковского, 1904. – 374 с.
10. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
11. Кон И. Общая эстетика. – М.: Госиздат, 1921. – 223 с.
12. Райнов Т. Введение в феноменологию творчества // Вопросы теории и психологии творчества (Непериодическое изд., выходящее под ред. Б.А. Лезина). Т. 5. Вып. 1. Теория творчества. Мифотворчество. – Харьков, 1914.
13. Силенко С.В. Философия Г. Риккерта: единство гносеологии, методологии и аксиологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01, 09.00.03. – Ростов н/Д., 2006. – 24 с.
14. Степун Ф. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Логос. – М.: Тип. Рус. Т-ва, 1910. – Кн. 1. – С. 171-196.
15. Степун Ф.А. Сочинения / Сост., вступ. статья, прим. Библиография В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1000 с.
16. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle, 1921. – 676 p.
17. Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

«AXIOLOGICAL OBJECTIVITY» IN THE SYSTEM OF VALUE ORIENTATIONS IN GERMAN AND RUSSIAN NEO-KANTIANISM

I.M. Meshkov, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
Humanitarian and Pedagogical Academy (Branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
(Russia, Yalta)

***Abstract.** Considered is the category of "axiological objectivity" in the system of value orientations in the comparative context of the concepts of German and Russian neo-Kantianism. By "axiological objectivity" we mean the relation of an object or thing to the value. The system of value orientations thus reflects the identification of the object-value, the relation of the object to the value and the alienation of the object from the value. The conducted analysis of the philosophy of neo-Kantianism shows that I. Kant initially identified an object, a "thing" with the value as a "thing in itself" and "a thing for us", thereby sharing absolute and relative values. A further trend in the philosophy of German neo-Kantianism shows a more indirect attitude towards objectivity, which only correlates with the value. According to H. Rickert, in this context, an object or a thing is not a value itself, but only an "indication" of a transcendental value. The thinker also alienates the object from the value arguing that if the thing is not the good of culture associated with the transcendental value, then this object becomes nature devoid of meaning. Russian neo-Kantianism, in turn, "returns" the identity of the object and the value. According to T. Raynov and F. Stepun, the value in this case is the "unity" of the subject and meaning realized through creativity. That is, the realized creativity in the subject is the "object-value" expressed in art.*

***Keywords:** "axiological objectivity", the system of value orientations, "objective values of accomplishment", "thing in itself", goal, means, benefit of culture, assessment, culture, nature.*

«АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ» КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РУССКОГО НЕОКАНТИАНСТВА И ФЕНОМЕНОЛОГИИ

И.М. Мешков, канд. филос. наук, доцент

Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялта
(Россия, г. Ялта)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-68-73

Аннотация. Рассматривается определение «аксиологическая предметность» выведенная Э. Гуссерлем как отношение предмета к ценности. Анализ таких взаимосвязей «предметности» и ценности в философии русского неокантианства и феноменологии позволяет определить ряд тенденций. Представители первого направления, такие как Т. Райнов и Ф. Степун сумели переосмыслить немецкое неокантианство в ключе их основных аксиологических особенностей: противопоставление ценности и бытия, а также постепенное отмежевание предмета от ценности. Данные представленные ценностные соотношения были характерны для концепции Г. Риккерта. Философы русского неокантианства в свою очередь обосновали ценность в рамках бытия, а также отождествили предмет с ценностью. Концептуально, мыслители пришли к выводам, характерным для феноменологии. Соотнесение ценности с бытием становится подобно «абсолютному онтологизму» феноменолога М. Шелера. «Идеальные сверхпредметы» как ценности даны феноменологическому рассмотрению по Т. Райнову, что в определённой степени соответствует нозме Э. Гуссерля, осознанию «предметного мира в его аксиологическом измерении». Русское неокантианство отождествляет предмет с ценностью в реализованном «единстве», которое обеспечивается по Т. Райнову – творчеством, соединяющим вещь и идею, смысл. Такое «единство» Ф. Степун именуется «предметной ценностью свершения». Подобная формулировка присутствует у феноменолога Н. Гартмана как «ценность реализации ценности», осуществляет которую человек. В выше представленном контексте «аксиологическая предметность» в своём «единстве», «свершении», «реализации» есть культура.

Ключевые слова: «аксиологическая предметность», нозма, ноззис, ценностная ориентация, «предмет-ценность», «эйдос», «абсолютный онтологизм», «значимость», культура.

Русское неокантианство в отличие от своих немецких коллег баденской школы имело свои особенности, хотя и шло в «фарватере» традиций дискурса И. Канта, а также Г. Риккерта. Русская кантианская философия отходит от неокантианской проблемы противопоставления бытия и ценности, соответствующая тезису Г. Риккерта, в котором «сущность ценности – значимость, а не фактичность» [1, с. 55]. Ценности – трансцендентальный смысл, лежащий «над» и «до» всякого бытия [2, с. 45-46]. Отечественное неокантианство в представленном контексте сближается с позицией феноменологии, где «предметы-ценности» являются «неоспо-

римым» бытием по М. Шелеру [3, с. 268]. То есть, русское неокантианство приобретает феноменологические особенности в аспекте отождествления объекта (предмета) и ценности. Отношение предмета к ценности соответствует определению Э. Гуссерля – «аксиологическая предметность» [4, с. 240, 270]. Русский неокантианец Т. Райнов в своей концепции использует феноменологический метод для преодоления разделения ценности и предмета [5, с. 65-68]. По словам мыслителя, ценности также являются «сверхиндивидуальными», в силу чего они подлежат феноменологическому рассмотрению [5, с. 75-76].

Исходя из выше приведённых особенностей, русское неокантианство в плане «аксиологической предметности» является «промежуточным звеном» между классическим немецким кантианством баденской школы и феноменологией. В представленном отношении можно взглянуть на ретроспективу концепций баденской школы, выяснить её влияние на русское неокантианство, которое соотносится с феноменологией.

«Аксиологическая предметность», соотношение предмета и ценности в неокантианстве и феноменологии

Русский исследователь баденской школы немецкого неокантианства Л. Столович провёл определённые обобщения относительно соотношения предметов и ценностей в концепции Г. Риккерта, где выделил:

- ценности;
- ценный предмет или благо культуры;
- предмет чуждый ценности, то есть составляющий природу.

Исходя из отношений ценности и предмета, философ определяет «три мира»:

- мир ценностей – идеального, или значений, не являющийся «предметностью»;
- мир культуры, включающий в себя предметы-блага, имеющие отношения к ценности;
- мир природы, состоящий из предметов чуждых ценности [6, с. 415].

Мыслитель считает «первый мир» включающим в себя ценности с отсутствием предметов. «Второй мир» состоит из предметов, связанных с ценностями. «Третий мир» предполагает предметы отдельные от ценностей.

Л. Столович обращает внимание на концепцию Г. Риккерта, где имеет место «отделение», противоположность ценности и предмета, предмета и культуры, а также природы [6, с. 415]. В представленном отношении, по словам Г. Риккерта – трансцендентальная ценность лишь связана с действительностью через блага культуры и оценку как акту субъекта [1, с. 66].

На данную ретроспективу указывает и исследователь С. Силенко, по словам которого Г. Риккерт «отделяет ценность с одной стороны от оценки, а с другой, от

блага, тем самым отказывается как от чисто субъективного, так и объективного понимания природы ценности, существовавшего среди его предшественников» [7, с. 15].

В свою очередь, Т. Райнов пытается преодолеть «разделение», и делает он это методологически, с помощью феноменологического метода [5, с. 65-68]. То есть, концепция мыслителя в данном плане феноменологична, где центральным элементом системы ценностных ориентаций становится предмет. Ориентация на «предметность» также сближает концепцию Т. Райнова с феноменологией Э. Гуссерля, М. Шелера и Н. Гартмана.

По мнению Т. Райнова ценность – продукт творчества образующего «единство» предмета. «Единство» – это «сущность» всякой ценности и творчества [5, с. 75-76].

Исходя из позиции мыслителя «всякое проявление сознания имеет две стороны: а) индивидуально-психологический процесс осознания и б) «сверхиндивидуальный» момент ценности: ценности – сверхиндивидуальны. Поэтому они подлежат не психологическому, а феноменологическому рассмотрению, которое «вычитает» из «предмета» явление-феномена, психологический акт, оставляя «объединённую материю сознания» [5, с. 75-76].

Таким образом, с позиции Т. Райнова «предмет-ценность» как объект – является результатом воздействия «процесса осознания» и феноменологического рассмотрения, учитывая «сверхиндивидуальный» характер ценностей. Представленная мыслителем система восприятия в определённой степени соответствует ноэзису как «процессу сознания» по Э. Гуссерлю [4, с. 240, 270]. Очевидно, что любой процесс по Т. Райнову – имеет направленность на «предмет-ценность», «вычитая» из него психологический акт, и оставляя «объединённую материю сознания» [5, с. 75-76]. Данная трактовка согласно исследователю феноменологии К. Свасьяну, подобна концепции Э. Гуссерля, где феномен, не есть предмет, вещь, существующая сама по себе, вне сознания, но «самообнаружение и самополагание вещи в потоке сознатель-

ных переживаний» [8, с. 86]. По Э. Гуссерлю ноэзис как процесс сознания не содержит ценностей, но через интенциональность – направленность сознания, порождает ноэму, предметный мир в его аксиологическом измерении [4, с. 240, 168, 270]. Представленная интерпретация «предметов-ценностей» по Т. Райнову схожа с ноэмой, выведенной Э. Гуссерлем.

«Предметы» как объекты, будучи осознанными, подлежат воздействию человека. В данном контексте высказывался другой представитель русского неокантианства Ф. Степун, разделявший «ценности состояния» – это жизнь как таковая, включающая «формы творчества», а также «предметные ценности свершения», они же являются ценностями культуры. Между этими ценностями существует несовместимость, стремление к преодолению которой ведёт к трагедии творчества [9, с. 186-194].

Исходя из высказывания Ф. Степуна, можно сделать вывод, что «предметы-ценности», они же «предметные ценности свершения» – это результат акта субъекта, которым в данном случае является творчество. Творчество – это производная от «ценности состояния», то есть состояния человека. Человек в данной связи, не только осознающий феноменологическим способом субъект, но и непосредственно действующий, творящий. Вместе с тем, по словам мыслителя, отличие жизни и предметных ценностей связано с тем, что человек понимает и предчувствует наличие идеи конечности, определяющей эти предметные ценности, наряду с присущей им, хотя и крайне ограничены присутствующей в каждой из них – идеей бесконечности [10, с. 117-119]. То есть, человек в своей жизни и творчестве осознаёт свою конечность, а также вещей им созданных, но, тем не менее, судя по всему, он пытается достигнуть вечности через религию, увековечить себя в искусстве.

Относительно идеи бесконечности, вечности, подобным образом высказывался и представитель феноменологии М. Шелер, по словам которого, человек «соучаствует в актах непрерывного творения мира и участвует в сопровождении идей и сопро-

вождающих вечную любовь ценностей из первоисточка самих вещей» [11, с. 61]. Творящая сущность человека говорит о том, что он в его самости – это единственное место становления Бога [11, с. 94].

Обобщая концепции Ф. Степуна и М. Шелера, можно прийти к заключениям относительно творчества, а именно то, что человек в своей деятельности через искусство пытается следовать идеи бесконечности «сопровождая вечную любовь ценностей», и в этой попытке он становится «местом становления Бога».

Следуя концепции Т. Райнова, что ценность – продукт творчества образующего «единство» предмета. «Единство» – это «сущность» всякой ценности и творчества [5, с. 75-76]. Ценность есть «единство», встречается только в предмете и никогда вне его. Предмет предполагает «единство», предмет возникает только благодаря ценности и вместе с нею. «Ценность есть ценность только в предмете, а предмет есть предмет только благодаря ценности». «Совокупность ценностей, как опредмечивающих единств есть культура» [5, с. 75-76]. По мнению мыслителя, существует не только «ценность-предмет» как результат, «продукт творчества» но и идеальная ценность как замысел, воплощаемый в предмете. В данном плане, предмет характеризуется как чувственно-постигаемый, умопостигаемый, идеальный [5, с. 75-76]. То есть, предметы действительности чувственно-постигаемы, а идеальные предметы – умопостигаемы.

Умопостижение идеального предмета, способность через творчество выразить его в чувственно-постигаемом предмете действительности является попыткой отобразить в нём «идею бесконечности».

Выделяя идеальные предметы, концепция Т. Райнова в некоторой степени схожа с позицией М. Шелера, вычленившего «сверхпредметы». По его мнению, ценности – идеальные предметы, они представляют собой неоспоримое бытие. Ценности объективны настолько, что они «не могут быть созданы или уничтожены» [3, с. 268]. Не смотря на свою идеальность, «сверхпредметы» явлены чувственному созерцанию, они постигаются субъектом через

чувствование [3, с. 273]. М. Шелер различал, «имеет ли вещь ценность в себе или только для нас» [3, с. 248]. То есть, ценности воспринимаются им в двух категориях – как замысел, «сверхпредметы» и как результат, относительные «предметы-ценности».

Подобным образом, что и М. Шелер, «аксиологическую предметность» представляет другой видный феноменолог Н. Гартман, который отождествляет ценности по способу бытия с идеями Платона [12, с. 46]. По сути, Н. Гартман в качестве идеальных ценностей предполагал «сверхпредметы», «эйдосы». По мнению философа, ценность имеет качество (определённость), она же является идеальной сущностью, и природу ценности – это содержание или «материя» определённой ценности (отвечая на вопрос, что такое: польза, красота, альтруизм). Делая полезные и красивые вещи, совершая альтруистические поступки, человек сам создаёт природу этих ценностей, но не творит качества ценностей [12, с. 52]. Мыслитель утверждал, что реализация ценностей в процессах и результатах деятельности есть сама ценность, более того, в сущности, всех ценностей заложено, что их осуществление само является ценным [12, с. 52]. По сути, «ценности реализации ценности», «ценности свершения», «опредмеченные единства» являются культурой.

О культуре и творчестве примечательно высказывался представитель русского неокантианства Н. Бердяев, по словам которого, результатом творческого акта, «всякого его осуществления являются лишь материальные культурные ценности. И великая творческая энергия человека, не достигая своей конечной имманентной цели, «исходила» в культуру этого мира. И вместо иного бытия творилась... культура» [13, с. 130]. По словам мыслителя, культура осуществляет истину в познании, в философских и научных книгах; добро – в нравах, бытии и общественных установлениях; красоту – в книгах стихов и картинах, в статуях и архитектурных памятниках, в концертах и театральных представлениях; Божественное – лишь в куль-

туре и религиозной символической» [14, с. 164].

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно заключить, что немецкое неокантианство скорее «разводит» понятия ценности и предмета в концепции Г. Риккорта. Не являясь фактичностью, ценности в определённой степени противостоят бытию. Тем не менее, ценности хотя и не объективны, но связаны с действительностью, с благами культуры. Блага представляют собой предметы как ценные части действительности, не являющиеся ценностями, но имеющими к ним отношение. В данном контексте, «аксиологическая предметность» представляет собой не отождествление предмета и ценности, а отношение предмета к трансцендентальной ценности.

Русское неокантианство в отличие от немецкого, преодолевает противопоставление бытия и ценности, предмета, ценности. С позиций Т. Райнова и Ф. Степуна – ценность заключена в предмете, она феноменологически осознаваема, рассматривается в нём подобно нозме Э. Гуссерля как «предметном мире в его аксиологическом измерении». «Аксиологическая предметность» в русском неокантианстве по Т. Райнову сближается с феноменологией в том, что существуют «чувственно-полагаемый предмет-ценность» действительности, и «умопостигаемый», идеальный «предмет-ценность». Идеальные ценности тем самым, будучи «сверхиндивидуальными», явлены феноменологическому рассмотрению.

Концепции русского неокантианства и феноменологии сближаются также и в том, что предполагают деятельность, творческую роль человека, который «умопостигаемый предмет-ценность» осуществляет в действительности. Так, по мнению феноменолога М. Шелера, человек усматривая «сверхпредметы-ценности» – соучаствует в актах непрерывного творения мира, реализовывая их из плана идеального – в действительность. Русское неокантианство показывает аналогичное видение «аксиологической предметности», по которому «вещь-ценность» является отраже-

нием идеального смысла в предмете. То есть, предмет и ценность составляют «единство» благодаря творчеству, соединяющее их по Т. Райнову. Ф. Степун дополняет данное представление, утверждая, что творчество призвано преодолеть «разрыв» ценности и предмета, образуя «предметные ценности свершения», то есть само создание произведения искусства, его завершенность. По словам мыслителя, в произведениях культуры как ценностях отражена идея бесконечности. Дополняет данную мысль подобным высказыванием феноменолог М. Шелер, у которого «человек соучаствует в актах творения мира» прикоснувшись к вечности путём «сопровождения любви из первоисточка самих

вещей» реализуя деятельностью «сверх-предметы» в относительные «предметы-ценности». Такого рода ценности по Т. Райнову представляют собой «опредмеченные единства» являющиеся культурой. Культурную ценность феноменолог Н. Гартман, характеризует как «ценность реализации ценности», указывая, что сама реализация ценностей уже является ценным, и именно человек их осуществляет в предметах культуры и поступках. По утверждению неокантианца Н. Бердяева, результатом творческого акта являются материальные ценности культуры, и в этом творческая энергия человека «исходит» в культуру.

Библиографический список

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре; пер. С. И. Гессен. – М.: Республика, 1992. – 128 с.
2. Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. – СПб., 1913. – Сб. 7. Теория познания. – С. 1-79.
3. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle, 1921. – 676 p.
4. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischen Philosophie. – Halle: Erstes Buch, 1922. – 323 s.
5. Райнов Т. Введение в феноменологию творчества // Вопросы теории и психологии творчества (Непериодическое изд., выходящее под ред. Б.А. Лезина). Т. 5. Вып. 1. Теория творчества. Мифотворчество. – Харьков, 1914.
6. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
7. Силенко С. В. Философия Г. Риккерта: единство гносеологии, методологии и аксиологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01, 09.00.03. – Ростов н/Д., 2006. – 24 с.
8. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. – Ереван, 1987. – 265 с.
9. Степун Ф. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Логос. – М.: Тип. Рус. Т-ва, 1910. – Кн. 1. – С. 171-196.
10. Степун Ф.А. Сочинения / Сост., вступ. статья, прим. Библиография В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1000 с.
11. Шелер М. Положение человека в космосе. – М.: Изд-во иностр. лит., 1976. – 425 с.
12. Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.
13. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2 томах. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – 1052 с.
14. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.

«AXIOLOGICAL OBJECTIVITY» OF CULTURE IN THE SYSTEM OF VALUE ORIENTATIONS IN RUSSIAN NEO-KANTIANISM AND FENOMENOLOGY

I.M. Meshkov, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
Humanitarian and Pedagogical Academy (Branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
(Russia, Yalta)

Abstract. *The definition of "axiological objectivity" derived by E. Husserl as the relation of an object to value is considered. An analysis of such interrelations between "objectivity" and value in the philosophy of Russian neo-Kantianism and phenomenology makes it possible to identify a number of trends. Representatives of the first direction, such as T. Rainov and F. Stepun, managed to rethink German neo-Kantianism in terms of their main axiological features: the opposition of value and being, as well as the gradual dissociation of the object from value. These presented value ratios were typical for the concept of G. Rickert. The philosophers of Russian neo-Kantianism, in turn, substantiated value within the framework of being, and also identified the object with value. Conceptually, thinkers have come to conclusions characteristic of phenomenology. The correlation of value with being becomes similar to the "absolute ontologism" of the phenomenologist M. Scheler. "Ideal superobjects" as values are given to phenomenological consideration according to T. Raynov, which to a certain extent corresponds to the noema of E. Husserl, the awareness of the "objective world in its axiological dimension". Russian neo-Kantianism identifies the object with value in the realized "unity", which is provided according to T. Raynov – creativity, connecting the thing and the idea, meaning. F. Stepun calls this "unity" the "objective value of accomplishment." A similar formulation is present in the phenomenologist N. Hartmann as "the value of the realization of value", which a person realizes. In the context presented above, "axiological objectivity" in its "unity", "accomplishment", "realization" is culture.*

Keywords: *"axiological objectivity", noema, noesis, value orientation, "object-value", "eidos", "absolute ontologism", "significance", culture.*

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ КОНФЛИКТ ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО

И.А. Осинкина, студент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-74-76

Аннотация. В данной работе были изучены естественный и социальный подходы к формированию личности человека с целью поиска особенностей корреляции этих двух параметров в процессе жизни и развития. Данное исследование направлено на определение и понимание механизмов и способов взаимодействия, дополнения и исключения двух систем формирования личности и корреляция условий их влияния в процессе развития на результат адаптации человека в жизни и социуме. В результате работы был определен высокий уровень влияния систем естественного и социально на особенности характера и личности человека, и способ формирования критического социального мышления через возможность отрицания естественного с точки зрения существования социума.

Ключевые слова: социум, личность, развитие личности, конфликт естественного и социального, критическое мышление.

Проблема соотношения природы и общества остается одной из острейших проблем социальной философии на протяжении всего времени существования человечества в организованно-социальном формате. Решение вопросов выживания общества часто напрямую связано с не только с политическими, социальными, культурными законами, но и с естественными законами существования человека как биологического существа – биологическими, физиологическими и психологическими особенностями, климатическими и природными условиями. Общество на протяжении веков и тысячелетий развивалось и постепенно уходило от зависимости выживания от природно-биологических факторов, тем не менее, элементы естественных систем остаются втянуты в орбиту социальной жизни и оказывают непосредственное влияние на развитие общества. Однако не менее важным, чем исследование соотношения естественного и социального в обществе, является проблема конфликта естественного и социального в ходе становления личности человека. Изучение этой проблемы могло бы позволить более широко и углубленно взглянуть на естественные процессы, происходящие в больших социальных группах. Как в теории эволюции: «Онтогенез – есть краткое

повторение филогенеза», так и в развитии личности, в этом конфликте естественного и социального, в переходе, переосмыслении и расставлении приоритетов и порядков частично повторяется история социального развития человечества.

О соотношении социального и естественного в личности и обществе говорили еще Платон и Аристотель, полагая производность социального от естественного. Одним из первых, кто предположил проблему противоречия между человеком и обществом на основе социальных и естественных законов стал Т. Гоббс. А Ш. Монтескье и А. Шопенгауэр в своих работах обращали внимание на естественные предпосылки формирования общества. Большое внимание конфликт социального и естественного в обществе и человеку привлекал в XX веке на фоне мировых войн и глобальных конфликтов. Ж. Пиаже приводил процессы взаимодействия систем организма с окружающей средой как основу для образования и функционирования общества [1].

Личность в философии – это общественный субъект, одновременно элемент системы, являющийся частью жизни общества и социальных отношений, и показатель индивидуальности, способности к самодеятельности на основе предметного

целеполагания. Однако личность, это не статичный набор индивидуальных характеристик, а динамическая система, развивающаяся на основе обратных связей, определяемых существующим бытием. Новорожденный ребенок проходит путь становления личности от практически полностью биологического существа до полноценного члена общества и элемента социальной системы. При этом в процессе формирования личности и перехода от природного к общественному и возникает основной конфликт естественного и социального [2].

К естественному, с точки зрения социальной философии, относится природа человека – сущностные характеристики человека, в той или иной мере присущие всем людям. В какой-то мере, к естественному можно отнести биологические потребности, а также эмоции и качества, необходимые для удовлетворения данных потребностей. Это такие физиологические потребности как сон, еда, отдых, необходимость ощущения и обеспечения безопасности, регенеративное продолжение генетической линии, а также связанные с обеспечением этих потребностей эмоции, такие как злость, страх, агрессия, защита потомства [3].

Социальное в личности – это черты, связанные с развитием уже над естественными характеристиками и потребностями. Социальная сущность проявляется в способности и необходимости организации общения, установлению и выполнению социальных функций, следовании требованиям общества и способности, тем не менее, к проявлению творчества.

В современном обществе, социальное стремится к установлению контроля над естественным и закрепляет этот контроль в общественных нормах, которым члены общества должны следовать. Однако в процессе становления личности, для создания этого контроля используются механизмы в том числе и естественного, физиологического и психического воздействия.

По сути своей, как уже было сказано ранее, новорожденный ребенок представляет собой полностью биологическое су-

щество. Он имеет лишь природные потребности, нуждается в обеспечении безопасности, снабжении его едой другими базовыми директивами выживания. Однако первые элементы проявления социального происходят уже в возрасте 1 года, когда ребенок начинает разговаривать и осмысленно и целенаправленно взаимодействовать с окружающим его обществом. Именно с этого момента можно предполагать начало развития личности с точки зрения философии.

Важным этапом и первым проявлением конфликта естественного и социального является возраст около 3-х лет. В этом возрасте ребенок начинает осознавать себя как отдельную от родителей личность, и проявляются способности к критическому осмыслению происходящего. Одновременно с проявлением социально в развитии личности, появляются и ограничения естественного: создаются социальные барьеры в виде императивных установок от окружающих взрослых. Это вызывает противоречия – необходимость баланса между дискомфортом от ограничения естественного и неизбежным развитием социального [4].

Данный выбор между естественным и социальным будет происходить на протяжении всего развития личности, и также являться определяющим фактором результата этого развития. По сути своей, современное общество все больше требует отказа от естественного в пользу выполнения нарративов социального. Однако формирование личности требует построения системы, состоящей из элементов естественного и социального и формирование взаимоотношений между данными элементами.

В общем варианте модель бытия, в котором происходит развитие личности можно представить в форме двух векторов воздействия: естественного и социального. Естественным вектором воздействия выступает окружающая среда, диктующая необходимость реализации естественных элементов внутренней системы в условиях определенного миропорядка. Социальным же вектором воздействия служит общество и социальные группы, в которых происхо-

дит развитие личности. Однако эти вектора не являются полностью независимыми. Естественный вектор воздействует на вектор социальный, заставляя его в свою очередь менять направление воздействия на внутренние качества отдельного индивида.

Важным элементом управления индивидом в обществе является суггестия. Однако в процессе формирования личности давление внушения на индивида повышается. При этом возникает реакция отрицательной обратной связи, заставляющая с критической точки зрения переосмысливать необходимость внутренних изменений. Критичность восприятия речи и установок окружающих в процессе формирования личности становится базовой платформой для успешного построения внутренней системы естественное-социальное.

Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что становление и развитие личности – это важнейший и неотъемлемый процесс в формировании общества, при этом конфликт естественного и социального является неизбежным элементом становления человека как личности и части общества и может играть одновременно и образующую и деструктивную роль. При этом, оказываемое обществом давления в сторону перехода приоритета от естественного к социальному, служит катализатором создания механизмов критического мышления, что является важным аспектом формирования баланса личности в построении связанной системы естественное-социальное.

Библиографический список

1. Корнеев А.В. Становление личности как философская проблема // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2009. – № 6. – С. 171-172.
2. Сергеев, А.Г. Психосоциальные и биологические факторы, влияющие на развитие личности человека / А.Г. Сергеев, Д.С. Броян // Научная мысль. – 2019. – Т. 7, № 1 (31). – С. 146-147.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под. ред. Д.Н. Фельдшьеина. – М.: Институт практической психологии, 1995. – С. 157-162.
4. Абульханова К.А. Симпозиум «Биологическое и социальное в развитии человека» // Вопросы философии. – 1976. – № 6. – С. 157-161.

PHILOSOPHICAL ASPECT OF HUMAN PERSONAL DEVELOPMENT THROUGH THE CONFLICT OF NATURAL AND SOCIAL

I.A. Osinkina, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *In this work, natural and social approaches to the formation of a person's personality were studied in order to search for features of the correlation of these two parameters in the process of life and development. This study is aimed at identifying and understanding the mechanisms and methods of interaction, addition and exclusion of two systems of personality formation and the correlation of the conditions of their influence in the development process on the result of human adaptation in life and society. As a result of the work, a high level of influence of natural and social systems on the characteristics of a person's character and personality and a way of forming critical social thinking through the possibility of denying the natural from the point of view of the existence of society was determined.*

Keywords: *society, personality, personality development, critical thinking, conflict between natural and social.*

МОРАЛЬ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ И ФИЛОСОФСКОМ ПОНИМАНИИ

А.С. Петракова, канд. филос. наук

Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-77-81

Аннотация. В статье феномен морали рассматривается как средство организации поведения личности, регулятор общественных отношений и, одновременно, источник правовой нормы. Автор постулирует, что понимание нравственных основ в философии является более широким, нежели в религии, поскольку последние представления о должном поведении раскрывают исключительно с позиции Божественного промысла и потенциального наказания за отклонения от христианской догмы. В целом автором проведен сравнительный анализ понимания морали в христианско-религиозном и философском аспектах. Рассмотрение морали сквозь призму религиозного понимания обладает структурностью, определенностью, простотой и доступностью для восприятия, а потому большей практикоориентированностью и действенностью для категории верующих. В свою очередь, философское толкование моральной нормы рационально, но, при этом, не подкреплено идеей возможной санкции, а основано на сознательной реализации человеком модели нравственно-допустимого поведения.

Ключевые слова: мораль, религия, философия, этика, общественные отношения, свобода, право.

Феномен морали занимает умы мыслителей со времен греко-римской античности. Мораль многоаспектна. Несомненно, выступая регулятором общественных отношений, она остается скорее внутренним ограничителем, нежели внешним. Античные философы в массе своей рассматривали мораль как часть духовной составляющей сущности человека, считали ее как бы встроенной в подсознание личности в качестве некоего инструмента самоорганизации и саморазвития. При этом феномен морали далеко неоднозначен, поскольку нравственные ценности и нормы, с одной стороны, неизменно выступают в роли некоего фундаментального закона, конституирующего эталоны и идеалы общественного поведения, с другой же – сами испытывают на себе влияние времени и трансформируются вместе с эволюцией общественных представлений. Одновременно с этим моральные нормы были и остаются источником формирования и развития правовых. Кроме того, в современной науке и практике часто вопросы нравственности исследуют в контексте

христианской доктрины, сводя все многообразие этических представлений к их религиозному толкованию.

Результаты исследования

Рассматривая истоки морали в дохристианском мире, нужно отметить, что сами по себе этические представления были достаточно широки и развиты. В частности, обращаясь к пониманию добра и блага в античной философии, мы видим, что следование нравственной норме признавалось не просто полезным, но исключительно разумным, поскольку потакание порокам рассматривалось как некое противоестественное состояние, ведущее не только к телесным недугам, но и духовной гибели. Не зря античные мудрецы исследовали вопросы нравственного становления исключительно в контексте духовного совершенствования личности, а неумение или нежелание бороться со страстями называли душевной болезнью или даже глупостью [1, с. 62].

На наш взгляд, мораль в античную эпоху органично вписана в общий онтологический контекст, имеет достаточно широ-

кое и емкое толкование, не сводясь исключительно к религиозной идее о Боге, как это происходит уже на этапе раннего христианства. Сегодня, исследуя учения отцов РПЦ, часто можно столкнуться с утверждением, что в дохристианском мире мораль «лишена подлинного обоснования» [2], поскольку сама являлась частью естественного понимания мира, была безусловна и органично встроена в систему регуляторов человеческого поведения. С одной стороны, с этим трудно не согласиться, поскольку, раскрывая сущность феномена морали, многие античные мыслители ссылаются на наличие в каждом человеке интуитивного желания достичь внутренней гармонии, посредством которой, в конечном итоге, можно обрести высшее благо и связанные с ним умиротворение, радость, мудрость. С другой же, необходимо сказать, что для античной эпохи характерно более широкое понимание морали, не сводимое исключительно к христианским доктринам, но позволяющее рассматривать ее одновременно и как регулятор частной и общественной жизни, и как источник норм права, и как средство передачи социального опыта, и как инструмент формирования общественных настроений, и как феномен культуры, обуславливающий преемственность социального знания и обеспечивающий сохранение фундаментальных нравственных основ поведения даже тогда, когда это противоречит быстро трансформирующимся общественным ценностям.

Отдавая должное теологам – теоретикам, стоит отметить, что учение о морали в русле христианской концепции приобретает больше определенности, практической направленности и, несомненно, делает абстрактные этические постулаты более понятными, а потому действительно выполнимыми для человека. В то же время, попытка представить учение о морали как набор простых формул, которые необходимо применять в повседневной жизни, иногда приводит к тому, что человек, дисциплинированно выполняя ритуальную часть религиозных требований, внутренне остается равнодушен к самой сути нравственного учения, напоминая того самого

фарисея из притчи и превращая моральную практику в формализм [3, с. 97].

Исключительно интересной в понимании античной и ранней христианской этики является тема свободы. В частности, в понимании античных философов свобода достигается только тогда, когда человеческим поведением руководит добродетель и благие намерения [4, с. 20]. Обладание подлинной свободой, дающей возможность иметь твердые убеждения и неуклонно им следовать, позволяет человеку не зависеть от общественного мнения, но разумно и взвешенно подходить к любой проблеме или действию. Иными словами, свобода является производным от нравственной составляющей человека. В свою очередь, свобода в русле религиозной христианской доктрины есть проявление божественного замысла, наделившего каждого человека возможностью делать осознанный нравственный выбор, с готовностью принимая последствия и ответственность за него [5]. Таким образом, свобода в религиозном смысле не является производным от нравственности, но, напротив, может считаться неременным условием ее формирования. Ведь без свободы выбора человек не может осознанно следовать моральной норме.

Еще одним фактором, несомненно, делающим схожим религиозное и философское понимание морали, можно считать ее дисциплинирующее воздействие на человека. В частности, христианское учение требует от человека соблюдение внешних формальных правил не только с целью приобщения его к нравственной доктрине, но также для повышения уровня самоорганизации, позволяющего не становиться рабом своих желаний, а, напротив, формирующего умение отказываться от излишеств, тем самым практически развивая способность быть умеренным во всем. Но при этом свободная воля позволяет человеку лишь выбирать собственную траекторию, ни коим образом, не влияя на predisposedness к пороку (греху) [6, с. 68]. Иными словами, и в светском, и в религиозном понимании основное назначение морали в том, чтобы помочь каждо-

му преодолеть самого себя и сознательно следовать нравственной норме.

Безусловно, отличительной особенностью религиозного понимания морали является феномен воздаяния за грехи. Стремление к высшему благу ценно не само по себе, а в контексте спасения бессмертной души, что невозможно при неисполнении нравственного христианского закона, имеющего форму десяти заповедей. При этом в философском понимании морали стремление к благу и добродетели должно быть безусловным, исключая внешнее воздействие, как и в христианском учении, но и не дающим гарантии будущей блаженной жизни после смерти. Иными словами, моральная норма обеспечивается стремлением к внутренней гармонии, согласованности мыслей и чувств и достижению такого блага, при котором «...вслед за ним по необходимости приходит постоянное веселье и из самой глубины бьющая радость, наслаждающаяся тем, что имеет, и ни от кого из ближних своих и домашних не желающая большего, чем они дают» [4, с. 16].

Рассматривая мораль как часть духовной культуры, необходимо отметить наличие в ней целой системы нормативно-ценностных элементов, которые формируются и трансформируются под влиянием процесса социального развития. Одновременно с этим и религия, как феномен духовной культуры, также включая в себя систему нравственных компонентов (ценности, требования, критерии), развивается вместе с обществом и, так или иначе, несет на себе отпечаток общепринятых требований и ценностей, могущих быть различными в разные исторические периоды социальной эволюции. На социальный аспект морали указывает Фома Аквинский, отмечая, что религиозная норма по смыслу тождественна нравственной и призвана не только обеспечивать духовную самоорганизацию и самодисциплину, но служит цели управления обществом и государством. «Поскольку целью жизни, которой мы ныне живем, следуя добродетели, является небесное блаженство, к обязанностям царя относится, таким образом, заботиться о благой жизни множества, чтобы

она была достойна обретения небесного блаженства, а именно, чтобы царь предписывал то, что ведет к небесному блаженству и препятствовал бы, насколько это возможно, тому, что является губительным для этой цели» [7, с. 233-234].

Отдельно хотелось бы остановиться на нетипичной точке зрения о соотношении религиозного и философского понимания морали. Суть ее в том, что приписывание религии моральной составляющей по определению либо наделение ее функцией духовно-нравственного воспитания личности и формирования ценностного фундамента общества не имеют под собой существенного основания [8, с. 23], поскольку религиозные учения в целом, содержа в себе систему норм и запретов, не всегда опираются на фундаментальные в философском понимании нравственные ценности. Кроме того, по мнению ряда исследователей, на заре человеческой цивилизации в «ранних формах верований не было нравственных богов», а поведение в духе гуманистической традиции рассматривалось как следование некоей моральной интуиции, позволяющей внутренне оценивать поступки как нравственные или безнравственные [3, с. 72]. Однако, возвращаясь к христианской доктрине, можно утверждать, что здесь понимание нравственности в целом и основных моральных категорий чрезвычайно схоже с философским. Иными словами, можно отчасти согласиться с С.Н. Булгаковым в том, что христианская «нравственность коренится в религии» [9, с. 45]. Но это вовсе не означает, что человек, не будучи религиозным, может считаться безнравственным, хотя религиозная христианская доктрина и признает возможность духовного становления и достижения высшего блага исключительно у тех, кто принимает религиозные догмы за истинные и соблюдает как внутренние, касающиеся мировоззрения, так и внешние, относящиеся к соблюдению ритуалов, требования церкви.

Еще одним важнейшим отличием религиозного и философского понимания морали можно назвать наличие в последнем категории истины, признаваемой в философии важнейшей из ценностей, в то время

как в религии зачастую наблюдается отождествление экзистенции и веры, а поиск истины сводится к формированию убежденности.

Ряд исследователей, в числе которых П. Луоманен, А.Б. Песси, И. Пююсияйнен [3, с. 72], считают мораль «универсальной и обязательной», не зависящей от социальной нормы. В подобной позиции прослеживается возможность считать религиозное и философское понимание морали тождественными друг другу, поскольку религия в принципе, формулируя нравственными постулаты, претендует на их априорность и константность. Однако авторы также видят в морали как части религиозного учения инструмент управления обществом, позволяющий путем воздействия через моральную норму и, апеллируя страхом перед сверхъестественным наказанием, обеспечивать социальную кооперацию и реализацию поведения, одобряемого обществом. На наш взгляд, в этом аспекте мораль в русле религии перестает выполнять свою первостепенную функцию духовного развития личности, а превращается в инструмент общественно-политических преобразований, а сама моральная норма из универсальной становится исключительно социальной и исторически обусловленной.

Интересно отметить, что отдельные исследователи сущности морали зачастую

наделяют ее социально-политическим содержанием настолько, что она не просто перестает быть универсальной в своей нормативно-ценностной системе, но подменяет собой право [10, с. 28]. В таком контексте сравнивая философское и религиозное понимание морали можно уверенно указать на их существенное различие во всех аспектах, за исключением аспекта нормативного регулирования.

Заключение

«Нравственен и религиозен тот, кто честно философствует, поскольку философия вбирает в себя весь изначальный опыт появления и пребывания человека в мире» [8, с. 31]. Иными словами, подводя итог, можно утверждать философское понимание морали отличается большей широтой, гибкостью и многоаспектностью, поскольку позволяет рассматривать феномен нравственности в контексте сущности человека, динамики и направленности общественного развития. Однако с точки зрения действенности морали и ее категорий как фундаментальных элементов общественного и личностного сознания христианское учение обеспечивает реализацию практических аспектов морали в деятельности человека более успешно и уверенно, формируя нравственное мировоззрение, обеспечивая понимание личной и социальной ответственности и реализацию моральной практики через поступки.

Библиографический список

1. Разин А.В. Исторические формы морали и современная этика // *Философия и общество*. – 2017. – № 1 (82). – С. 61-91.
2. Зеньковский В.В. Апологетика. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. – 528 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/apologetika-zenkovskij/6 (дата обращения: 05.05.2024)
3. Цибизова И.М. Мораль и раннее христианство. Часть II. (Обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия*. – № 1. – С. 92-109.
4. Сенека Луций Анней. Философские трактаты. – СПб.: Алетейя, 2001. – 400 с.
5. Аврелий Августин. О свободе воли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.xpa-spb.ru/libr/_Avgustin/o-svobode-voli.html (дата обращения: 05.05.2024).
6. Кожемяченко Н.Р. Учение о благодати Божьей и свободной воле Блаженного Августина // *Вологдинские чтения*. – 2006. – № 60. – С. 67-68.
7. Фома Аквинский. О правлении государей // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI-XVII вв.* – Л.: Наука, 1990.
8. Варава В.В. Религия и нравственность в свете философии // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. – 2012. – № 2. – С. 21-32.

9. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 649 с.
10. Тейлор Ч. Современный моральный порядок // Антиномии. – 2022. – Т. 22. Вып. 3. – С. 26-41.

MORALITY AS A REGULATOR OF SOCIAL BEHAVIOR IN THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

A.S. Petrakova, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The article examines the phenomenon of morality as a means of organizing individual behavior, a regulator of social relations and, at the same time, a source of legal norms. The author postulates that the understanding of moral principles in philosophy is broader than in religion, since the latter reveals ideas about proper behavior exclusively from the position of Divine providence and potential punishment for deviations from Christian dogma. In general, the author conducted a comparative analysis of the understanding of morality in Christian-religious and philosophical aspects. Consideration of morality through the prism of religious understanding has structure, certainty, simplicity and accessibility to perception, and therefore is more practical and effective for the category of believers. In turn, the philosophical interpretation of a moral norm is rational, but at the same time, it is not supported by the idea of a possible sanction, but is based on a person's conscious implementation of a model of morally acceptable behavior.*

***Keywords:** morality, religion, philosophy, ethics, social relations, freedom, law.*

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ФОРМА ГЕДОНИЗМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ, СУЩНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Е.Ю. Положенкова, д-р филос. наук, профессор

К.М. Чернокужников, аспирант

Н.В. Соловьёв, аспирант

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты
(Россия, г. Шахты)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-82-85

Аннотация. Данная статья раскрывает сущность трансгуманизма как формы гедонизма современной культуры и философской доктрины трансформации человека с декларируемой целью получения максимального удовольствия, преодоления страданий и смерти. При помощи новейших достижений в области генной инженерии и ряда других прикладных наук человек обретает свойства, не присущие ему от природы. В статье рассматривается история понятия трансгуманизма от его возникновения до настоящего времени.

Ключевые слова: трансгуманизм, человек, трансчеловек, гедонизм, удовольствие, культура.

Наверное, не только антисциентисты, но и большинство здравомыслящих людей в современном мире согласятся с тем, что научно-технический прогресс является крайне противоречивым явлением. Безусловно, он принёс грандиозные достижения человечеству, но вместе с тем породил кризисные явления экологического, антропологического, социокультурного характера. В перспективе развития ряда современных научных технологий возникают новые угрозы и риски для человечества. Одним из опасных идеологических феноменов, тесно связанных с современным развитием науки и техники, является философская доктрина трансгуманизма. Исследованию его содержательной специфике, истории и последствиям для человека и культуры посвящена данная статья.

Поскольку трансгуманизм представляет собой одну из модификаций гуманистического мировоззрения для того, чтобы выявить его сущность, выделить его экзистенциальные аспекты, необходимо рассмотреть само понятие гуманизма. В самом широком смысле гуманизм представляет собой идеологическую систему и форму организации общества, в которой жизнь и свобода человека являются высшей ценностью, а реализация всего мате-

риального и социально-политического потенциала направлена на то, чтобы сделать эту жизнь максимально удобной и безопасной.

Гуманистические идеи и ценности можно обнаружить как в античной, так и в христианской культурах. Однако если в античности человек понимается укоренённым в Космосе и обществе, то в христианском гуманизме он возносится на высочайший пьедестал в онтологической иерархии, будучи единственным образом и подобием Бога. Причём в новозаветной традиции, в которой ключевым событием признаётся Боговоплощение, место человека в иерархии бытия оказывается ещё более высоким по сравнению с ветхозаветным пониманием. Как известно, парадокс состоит в том, что из абсолютизации этой уникальной черты христианского вероучения и вырастает новоевропейский секулярный гуманизм, о котором дальше и пойдёт речь.

Современный исследователь Д.К. Богатырёв (Бурлака) выделяет три смысловых значения понятия гуманизма. Во-первых, в узко-историческом смысле гуманизм – это феномен западноевропейской культуры, связанный с выявлением её античных истоков посредством, прежде

всего, филологических исследований. Во-вторых, в более широком историческом контексте под гуманизмом понимается идеологическая система нового социального субъекта, выраженная в учении Д. Локка и его последователей о естественных правах и свободах человека. В-третьих, в духовном аспекте гуманизм – это тип мировоззрения, признающий человека абсолютной ценностью [1].

Именно в данном типе мировоззрения воплощается смысловое ядро секулярного гуманизма Нового и Новейшего времени, одним из идеологических детищ которого является современный трансгуманизм. Его главная цель как философской доктрины и практического международного движения заключается в обосновании и распространении идеи достижения человечеством максимального наслаждения жизнью, преодоления страданий и смерти при помощи новейших научных технологий. Как известно, получение наслаждения и избегание страдания – это смысложизненный идеал и главный этический нормативный принцип гедонистических философских учений, появляющихся в античной Греции, эволюционирующих в эпоху Ренессанса и в Новое время и воплотившихся в теории и практике современной массовой культуры.

Однако если сравнить гедонизм киренаиков, Эпикура, гуманистов Ренессанса, К. Гельвеция, Дж. Бентама, Дж.С. Милля с гедонизмом современного трансгуманизма, то обнаруживается глубокое различие. Если в гедонизме первых, при всех различиях и специфике их интерпретации наслаждения и его типов, получение удовольствия как основная цель человека связывается с удовлетворением базовых природных и социальных потребностей, то в трансгуманизме эта цель реализуется посредством преобразования (искусственной эволюции) самой человеческой природы.

Согласно данной доктрине, природа современного человека трансформируется при помощи ряда новейших достижений таких наук, как нейрофизиология, генетика, робототехника, нанотехнологии, а также теоретических и эмпирических разработок, связанных с созданием искусствен-

ного интеллекта. Трансгуманисты полагают, что на основе достижений, прежде всего, биоинженерии в ближайшем будущем удастся расширить спектр интеллектуальных и физических возможностей человека, приостановить процесс старения человеческого организма, приобрести контроль над человеческой психикой, и даже победить смерть. Иначе говоря, в ближайшем будущем человечество сделает громадный шаг к максимальному воплощению в жизнь гедонистического идеала.

Далее обратимся к истории термина «трансгуманизм». Он впервые вводится в 1957 г. Джулианом Хаксли, который выступает апологетом концепции такого типа общества, в котором будет осуществлена полная реализация человеческого физического и психического потенциала. Для Хаксли трансгуманизм – это понятие, тождественное его понятию эволюционного гуманизма, суть которого он излагает следующим образом: «Человеческий вид может, если пожелает, выйти за пределы самого себя – не только спорадически (один индивид одним способом, другой индивид – другим), но и как человечество в целом. Нам нужно придумать имя для этого нового убеждения. Возможно, подойдет трансгуманизм: человек остается человеком, но превосходит себя, осознавая новые возможности для своей человеческой природы» [2].

Безусловной научной основой идеи трансгуманизма Дж. Хаксли является эволюционная теория Ч. Дарвина, обосновывающая эволюцию видов посредством механизмов наследственности и изменчивости в результате естественного отбора. Мысль о том, что «всё то, что возникло, когда-нибудь будет развиваться дальше, если не исчезнет раньше» выступает в качестве главного аргумента трансгуманистической идеи, почерпнутым из эволюционной теории Ч. Дарвина [2]. Согласно этой идее, трансформация человеческой природы с помощью новых технологий даст человеку определённое преимущество перед другими живыми существами в борьбе за выживание. При этом «следует акцентировать внимание на том, что люди

с течением истории всё меньше приспосабливаются к окружающей среде и всё чаще перекраивают среду в соответствии со своими потребностями» [3].

В трансгуманизме современный человек бросает вызов Богу, декларируя своё стремление взять на себя роль Творца и Управителя мира. Подобная позиция не может не вызывать резкую критику со стороны представителей традиционных религий. Так, современный православный богослов протоиерей С. Дергалёв отмечает, что «идеи трансгуманизма являются развитием изменяющегося атеистического мировоззрения, а по своей сущности – явной антихристианской идеологией, которая пытается увлечь человечество на ложный путь фактического богоборчества и сатанизма» [4]. Православный богослов обращает внимание на тот факт, что у трансгуманизма не только богоборческие цели, но есть «откровенные богоборческие корни, напрямую связанные с сатанизмом» [4].

Радикальный переход от христианской идеи человека, «созданного по образу и подобию божиему» к ренессансной идее о наличии у человека способности формировать себя в образе по своему самостоятельному индивидуальному выбору можно

обнаружить в «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандолы. Итальянский мыслитель предвосхищает будущую экзистенциальную идею, утверждая, что существование предшествует сущности, которую человек должен обрести в процессе своей жизни. Отголоски будущих трансгуманистических воззрений звучат в идеях Ж.-А. Кондорсе, Ж.-О. Ламетри, русских космистов. Однако формирование трансгуманизма как собственно философского направления связано с опубликованием во второй половине XX столетия работ таких учёных как М. Мински, Г. Моравек, Р. Курцвел.

В условиях современного антропологического кризиса, обострившего в ситуации постмодернистской культуры, трансгуманизм, на первый взгляд, обещает обеспечить человеку гармонизирующее воздействие на психику и телесность, разрушенные в процессе индустриального и постиндустриального развития общества. Однако, на самом деле, он предлагает иллюзорные технологические формы освобождения от телесных и психических страданий. При этом возникает огромная опасность превращения человека в некий объект безграничного произвола.

Библиографический список

1. Бурлака Д.К. Гуманизм // Вестник Русского христианского гуманитарного института. – 1999. – № 3. – С. 348.
2. Хаксли Джулиан. Новые бутылки для нового вина. – Лондон: Чатто и Виндус, 1957. – С. 17.
3. Мали Ф. Штефан Лоренц Соргнер: Трансгуманизм – самая опасная идея в мире? // Исследования на людях. – 2017. – Т. 40. – С. 71.
4. Сергей Дергалёв «Что такое трансгуманизм и в чём его опасность?». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Dergalev/chto-takoe-transgumanizm-i-v-chem-ego-opasnost/.

**TRANSHUMANISM AS A FORM OF HEDONISM IN MODERN CULTURE:
HISTORY, ESSENCE, CONSEQUENCES**

E.Y. Polozhenkova, *Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

K.M. Chernoknizhnikov, *Postgraduate Student*

N.V. Solovyov, *Postgraduate Student*

**Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty
(Russia, Shakhty)**

***Abstract.** This article reveals the essence of transhumanism as a form of hedonism of modern culture and the philosophical doctrine of human transformation with the declared goal of obtaining maximum pleasure, overcoming suffering and death. With the help of the latest achievements in the field of genetic engineering and a number of other applied sciences, a person acquires properties that are not inherent in him by nature. The article examines the history of the concept of transhumanism from its origin to the present.*

***Keywords:** transhumanism, human, transhuman, hedonism, pleasure, culture.*

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Э.Д. Гаврилова, *студент*
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-6-86-88

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы организации исторического просвещения населения, центральными из которых являются конституционно закрепленные функции Российской Федерации по сохранению исторической памяти и защите исторической правды. В настоящее время закономерно формируется самостоятельное направление деятельности государства в области исторического просвещения, поскольку требуется связать в единое целое все связанные с этой областью элементы исторического сознания россиян, выработать механизмы нейтрализации рисков и угроз для общероссийской гражданской идентичности.*

***Ключевые слова:** духовно-нравственные ценности, культурно-исторические ценности, историческая правда, историческая память, общероссийская гражданская идентичность, российская история.*

Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [1]. Последнее понимается как «распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний о прошлом и настоящем России в целях формирования общероссийской национальной идентичности и коллективной исторической памяти». Определение выводит историческое просвещение на уровень сферы государственной политики, вследствие чего оно претендует не только на роль подфункции традиционно идеологической функции, но вполне на роль относительно самостоятельной функции государства.

Знание истории своей страны и сопричастность к ней, ощущение и чувства по отношению к прошлым историческим событиям являются важными чертами исторического сознания, способствующими формированию исторического способа мышления. Благодаря использованию этих феноменов устанавливается связь времен, выражается оценочное отношение к историческому прошлому, формируется нормативное представление о современности и образ будущего развития страны [2, с. 508].

В Основах государственной политики РФ в области исторического просвещения закрепляются не только традиционные духовно-нравственные ценности (например, любовь к Родине), но и культурно-исторические ценности, которые не всегда упоминаются в официальных документах, перечень которых не дается в Основах. Думается, к ним можно отнести такие ценности, как «Россия – государство-цивилизация», единая культурно-историческая общность народов России и Евразии, сопричастность к истории России, уважение предков, борьба с фальсификациями исторических событий, самобытность исторического развития России, преемственность российской истории, сочетание единства истории народов России и своеобразия истории отдельных народов.

Центральными идеями исторического просвещения выступают явления исторической памяти и исторической правды. Под исторической памятью следует понимать систему ценностей, установок и образов, верований, традиций, объективно сложившихся и характеризующих уровень самосознания людьми собственной общности происхождения и формирования культурно-исторической идентичности. В условиях современного положения России на международной арене справедливо от-

мечено, что историческая память является базой для сохранения культурного суверенитета России, становления ценностей гражданственности и патриотизма [3, с. 12].

В отличие от исторической памяти историческая правда предполагает научное понимание прошлого и настоящего страны, достоверное изложение фактов и событий отечественной истории, обеспечение информированности граждан о значимых событиях российской истории, о подвиге защитников Отечества, о выдающихся личностях, внесших огромный вклад в развитие страны, о месте и роли России во всемирной истории.

Защита исторической правды основана на сохранении и продвижении ведущими учеными достоверных исторических знаний, популяризации событий истории страны в медиапространстве, упорядочивании оборота прокатных удостоверений на фильмы исторической тематики и пр.

Особая роль в обеспечении нормативной базы и организационных условий для противодействия фальсификации истории России принадлежит субъектам публичной власти и институтам гражданского общества, поскольку искажение исторической правды является инструментом информационной войны коллективного Запада, направленной против умонастроений, менталитета и единения российского общества.

На наш взгляд, функция Российского государства по защите исторической прав-

ды не имеет никакого отношения к ограничению свободы слова. Базовой точкой анализа является процесс над руководством фашистской Германии в г. Нюрнберг (1945-1949 гг.), осудивший этих лиц за преступления против мира и человечества, геноцид, нарушение законов ведения войны. Это достоверно установленный исторический факт, сохранившийся в отечественных и зарубежных исторических архивах, не допускающий двусмысленностей и разночтений в своей интерпретации [4, с. 161].

В отношении других исторических событий могут существовать разные, не совпадающие точки зрения, оценочные суждения и мнения, выражающие свободу слова, но они не должны нарушать главные принципы исторического сознания: достоверность, объективность, научность.

Именно для решения в комплексе всех вопросов, связанных с защитой исторической правды и сохранением коллективной исторической памяти, формированием надежных и достоверных исторических знаний, использованием научных достижений в области исторической науки были приняты вышеуказанные Основы государственной политики РФ в области исторического просвещения. Данный документ имеет значение стратегической программы развития и нуждается в дальнейшей конкретизации в нормах российского конституционного и отраслевого законодательства.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: publication.pravo.gov.ru (дата обращения 12.05.2024).
2. Шматько А.А. Историческая память и историческое мышление как базовые элементы исторического сознания: социально-философский анализ // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 4 (179). – С. 507-508.
3. Касьянов В.В. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Традиции и инновации в массовой коммуникации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 марта 2023 года / Ответственные редакторы В.В. Касьянов, Г.А. Абрамова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 8-14.
4. Хлусевич А.А., Воронкин Б.А. Нюрнбергский процесс: исторический факт, ставший фундаментом одной из основ уголовно-правовой защиты исторической правды // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 99-3. С. 160-162.

**HISTORICAL EDUCATION – A NEW DIRECTION OF ACTIVITY OF THE MODERN
RUSSIAN STATE**

E.D. Gavrilova, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** The article analyzes the issues of organizing historical education of the population, the central of which are the constitutionally enshrined functions of the Russian Federation to preserve historical memory and protect historical truth. At present, an independent direction of state activity in the field of historical education is naturally being formed, since it is necessary to unite into a single whole all the elements of the historical consciousness of Russians associated with this area, to develop mechanisms for neutralizing risks and threats to the all-Russian civic identity.*

***Keywords:** spiritual and moral values, cultural and historical values, historical truth, historical memory, all-Russian civic identity, Russian history.*

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ И ГРАДООБРАЗУЮЩАЯ ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ СТАНЦИИ «ОБЬ» (НОВО-НИКОЛАЕВСК) КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ПРИМЕР НОВОГО СИБИРСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Е.М. Жук, магистрант

Научный руководитель: Н.П. Журин, канд. архитектуры

Новосибирский государственный университет архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-89-94

***Аннотация.** Работа посвящена сохранению культурного наследия вокруг развития и работы станции "Обь" на Великом Сибирском пути. Рассматривается история строительства здания, его функциональные архитектурные элементы, включая вокзал, склады, казармы и другие сооружения. Этот комплекс на Великом Сибирском железнодорожном пути играл важную роль в годы русско-японской и первой мировой войны.*

***Ключевые слова:** архитектура Новониколаевска, Привокзальная площадь станции «Обь», железнодорожный вокзал, переселенческий пункт, военный пункт, торговая площадь, культурно-религиозный центр.*

Актуальность исследования заключается как в постоянном интересе, так и в внимании широкого научного сообщества ко всем аспектам изучения строительства и эксплуатации Великой Сибирской магистрали. В этой работе происходит своего рода «гуманизация» этого объекта, когда железная дорога рассматривается не только как маршрут из Европы на Дальний Восток, но и как особый вид транспорта, созданный для перевозки людей и грузов, который коренным образом изменил жизнь сибиряков.

Историческое здание хранит в себе дух прошедшего времени, тайну происходивших в нем событий, следы утраты элементов архитектурного оформления, а порой и всего стиля, часто только упоминание назначения, для которого оно было определено, то есть все то, что составляло культуру того хронологического времени, в которое оно было построено. Здания, признанные последующими поколениями как значимая часть ушедшей культуры, объявляются объектами культурного наследия и сохраняются для будущих поколений. Одним из таких объектов является здание станции «Обь» (Ново- Николаевск) [3].

Летом 1894 года Алтайским округом был разработан план поселка Кривошековский, который 11 августа того же года

утвердил окружной начальник генерал Василий Ксенофонтович Болдырев [12].

Планы базара за железнодорожной линией оказались сорваны из-за того, что крестьяне заняли землю, которая была выделена под базар. Несколько раз их пытались выселить для соблюдения планировки. Проект строительства железнодорожной станции на правом берегу Оби начался в мае 1893 года под руководством инженера В.К. Жандра. В результате строительства был создан поселок для рабочих [9]. Открытие железнодорожного сообщения состоялось 1 декабря 1894 года. Кривошековцев было решено переселить на левый берег, а разночинцев обязать строить дома по утвержденному плану и платить арендную плату за участки.

Так что как такового рынка, географически находящимся на территории современного автовокзала (старый автовокзал, Красный проспект, 4) здесь так и не сформировалось, хотя торговля, конечно, велась. Чиновник Бордуйо об одном из жителей площади, Петре Кондратьеве, писал: «Имея поместья в деревне Кривошеково, он также приобрел землю под торговую баню и усадьбу в новом поселке на Боровой площади, которые продал по различным сделкам колыванскому купцу Евграфу Александровичу Жернакову за бесце-

нок." Он продал поместье и усадебный комплекс. Магазин на углу улиц 8 и 30 принадлежит двору Соломона Абрамова, а два магазина остались торговому дому Толоконского и Рубановича...» [12]. Купцы решили открыть торговлю в деревне после того, как договорились с крестьянами о предоставлении имения. До планирования территории Алтайского края у них не было для этого никаких юридических оснований. Колыванские купцы хотели расширить свою деятельность из-за нехватки торговых зон и 3 сентября 1894 г. отправили Болдыреву В.К. телеграмму. «На рыночной площади, выделенной Сергеевым, находится до 40 ферм, которые не скоро освободят территорию от своих построек. Мы просим вас вместе быстро выбрать район, наиболее подходящий для торговли, изменить план предполагаемого поселения и убрать торговую зону. Подписано: уполномоченными представителями Мельничных домов – Можаровым, Маштаковым – Суровсковым, Орловым – Кривцовым, Толоконским – Зайцевым, Мельничными домами – Рождественским, Толкиковым – Бурановым, Пискулиной – Яковлевым, купеческими домами Семенова, Рубановича и Толоконского – Сергеевым. «Алтайский отдел отказался от комментариев в связи со сложностью внесения изменений в устав. Устав, адресованный купцам». План застройки был отклонен. Несмотря на это, поселок продолжал расти, участки, прилегающие к запрашиваемому участку, продавались по завышен-

ным ценам: от 30 до 193 рублей вместо 10 рублей за аренду [10]. В 1895 году в поселке началось строительство нового храма и создание общественного управления. Открытие новой базарной площади стало решающим моментом в развитии поселка. В 1896 году Кривошековский выселок объединился со станцией Обь, став новым поселком Новониколаевским, который в дальнейшем стал городом Новониколаевск. Одноэтажное деревянное здание вокзала станции Обь было построено в 1896 году на территории железной дороги недалеко от вокзала Новосибирск-Главный. Станция была начальным пунктом Средне-Сибирской железной дороги, рядом с ней располагалось каменное паровозное депо с мастерскими для ремонта поездов.

Великий Сибирский Путь – крупнейший инфраструктурный проект Российской империи. Железная дорога протяженностью более 9 тысяч километров соединила Москву с Владивостоком, пересекая два континента и множество рек. На строительство пришлось выкопать десятки туннелей из-за сложного рельефа местности [1]. Самая высокая точка маршрута – Яблочный перевал в Забайкалье (1019 м над уровнем моря). Великая Сибирская магистраль строилась с 1891 по 1916 год, и одновременно строились различные участки магистрали: Уссурийская, Западно-Сибирская, Среднесибирская, Забайкальская, Китайско-восточная, Байкальская и Амурская магистрали.

Рис. 1. Новониколаевск. Вокзал станции Обь. Вид от железнодорожных путей

Строительство Транссибирской магистрали обошлось государству в 1,5 миллиарда рублей, что сопоставимо с годовым бюджетом Российской империи в 1890-х годах. Этот проект был высоко оценен обоими императорами, Александром III и Николаем II. В годовщину начала работ Николай II направил рескрипт министру путей сообщения А.Ф. Трепову. В мае 1916 года император напоминает, что с этого момента он выполнял возложенные на него Александром III обязанности по высшему руководству этим «делом перво-степенной важности» в качестве председателя созданного им комитета. «Я очень хорошо знаю, – пишет далее Николай II, – сколько самоотверженности, труда, таланта и знаний было вложено строителями Великого Сибирского пути и сколько лишений выпало на их долю при выполнении своей задачи перед суровым и бедным населением Сибири. Но польза, принесенная Отечеству, особенно его сибирским окраинам, неисчислима» [6], – отмечая повышение уровня жизни Сибири, «заселение ее земельного простора избытком земледельческого населения европейской России и открытия выхода для сибирских естественных богатств» и выражая сердечную признательность и «тем современным железнодорожным деятелям Сибири, которые с пользой для родины несут свою тяжелую службу на рельсовых путях этого края».

При строительстве Великой Сибирской магистрали строители не только проложили рельсы, но и создали всю необходимую инфраструктуру магистрали - станции, депо, пункты водоснабжения, телеграфные линии, стрелки, семафоры, разворотные контуры, сторожевые будки, казармы, больницы, переезды. Всего на Западно-Сибирской железной дороге было построено 274 искусственных сооружения, на Среднесибирской железной дороге – 71 стрелковый пост, 85 семафоров, 146 охранных пунктов и т.д. Станция «Обь» была построена в 1897 году и имела здание вокзала III класса. Здание построено из дерева на каменном фундаменте и рас-

полагает залами ожидания, камерой хранения багажа и буфетом. Железнодорожные историки дореволюционной России отмечают, что вокзалы и административные здания были не только функциональными, но и становились архитектурными центрами поселений, определяя их стиль. Управление строительства железнодорожных путей функционировало как архитектор и старший архитектор, привлекающая опытных архитекторов и инженеров-строителей для проектирования и надзора за строительством.

На станции "Обь" находится пассажирское здание III класса на каменном фундаменте, покрытом железом. Стоимость строительства составила около 18 000 рублей. Вокруг здания разбит небольшой сад. Внутри здания немного тесновато, особенно в багажнике и классных комнатах 1, 2 и 3 классов. Помимо пассажирского корпуса и корпуса водозабора, на станции также есть здание цистерны, локомотивное депо, мастерские и 12 жилых домов стоимостью около 80 000 рублей. В акушерском отделении есть участковый врач, фельдшер и акушерка, которые оказывают медицинскую помощь [12]. Рядом со станцией открыты кафе, ресторан с бильярдом и 12 жилых помещений для сотрудников железнодорожной администрации. Рядом со станцией были построены железнодорожная больница и отделение неотложной помощи для оказания помощи внутренне перемещенным лицам. Общая стоимость поселения составила 80 тысяч рублей.

На Привокзальной площади находилась церковь Святого Пророка Даниила. Он был построен в 1898 году по типовому проекту, разработанному томским архитектором Константином Филой. Лыгин был известным томским архитектором, но в Новониколаевске он строил гораздо меньше. Церковь Святого Пророка Даниила была построена на средства Фонда императора Александра III, который профинансировал строительство церквей и школ вдоль Транссибирской магистрали [9].

Рис. 2. Церковь святого пророка Даниила

В 1902-1903 годах рядом с пригородным вокзалом были построены Красные казармы, предназначенные для размещения нижних чинов во время переброски войск к дальним границам империи. Каждое здание, рассчитанное на 500 человек, максимально лаконично по архитектуре. Строители отказались от лепных элементов декора, чтобы снизить затраты на строительство. Единственное здание, которое выделяется своей архитектурой, – это Офицерский корпус, ближайший к пешеходному мосту [7].

Рис. 3. Комплекс Красных казарм

На улице Владимировской находилось здание трехклассной школы для детей чьи родители работают на железной дороге. Сначала учебное заведение находилось в военном строении, после чего перебралось в специально построенное одноэтажное здание, а в 1900 году было построено новое здание, которое сохранилось до наших дней. В 1905-1907 годах здесь также действовала воскресная школа для рабочих. На протяжении большей части 19-го века в архитектуре этих зданий преобладал стиль ар-нуво, включая каменные и деревянные здания. Проект выполнен в стиле древнерусского деревянного зодчества с характерными элементами - пальмовым шатром и резьбой по дереву. В начале XX века, в связи с увеличением грузопотока и грузовых перевозок, станция «Обь» была перестроена из деревянного здания в двухэтажное кирпичное. Во время русско-японской войны на фасаде вокзала была установлена каменная вывеска. В 1909 году вокзал переименовали в Новониколаевск в связи с переходом города в статус поселка городского типа.

Одноэтажное здание, построенное на каменном фундаменте в стиле модерн с элементами русского деревянного зодчества, украшено резьбой по дереву, пилястрами, оконными рамами и кронштейнами. Здание вокзала имеет три входа: один для персонала и почты в задней части, другой для персонала сбоку и третий для пассажиров и персонала спереди, где расположены пути. Источники свидетельствуют, что пассажирское здание «Оби» отапливалось довольно хорошо и имело шесть печей в разных залах, на почте, у начальника станции и на телеграфе, а также в женском туалете, который располагался в залах 1-го и 2-го классов для привилегированных пассажиров [5]. В начале 20 века на станции Новониколаевск был установлен телеграф для отправки корреспонденции. Провода к пассажирскому зданию проходили через столб, а у входа был почтовый ящик. В период Первой мировой войны к одноэтажному зданию вокзала было добавлено здание высотой в два этажа. В 1930-х годах комплекс вокзальных сооружений был снесен для возведения нового здания вокзала.

Библиографический список

1. Альбом видов переустройства горных участков Сибирской ж.д. между Ачинском и Иркутском 1906-12 гг. Часть II. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://andcvet.narod.ru/DR/15/sam1.html> (дата обращения: 12.05.2023).
2. Альбом типовых и исполнительных чертежей сооружений переустройства горных участков Сибирской жел. дор.: Ачинск – Иркутск. 1906-1912 / М.П.С. – Томск. 1912. – 57 л. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tehne.com/node/6277> (дата обращения: 12.05.2023)
3. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893-1945 гг. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. – 294 с.
4. «Великий путь». Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги. Вып. 1: От р. Оби до р. Енисея и Томская ветвь. – Красноярск, 1899. – 131 с.
5. Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И. виртуальная реконструкция типовых железнодорожных станций Великого Сибирского пути конца XIX – начала XX вв. // Историческая информатика. – 2022. – №4 (42).
6. Высочайший Рескрипт на имя Министра Путей Сообщения по случаю 25-летия приступа к постройке Сибирской железной дороги // Сибирская жизнь, 26 мая 1916 г.
7. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX – нач. XX в. – Новосибирск, Наука, 1978. – 296 с.
8. История железнодорожного транспорта России. Том 1. 1836-1917. – СПб., 1994. – 336 с.
9. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. – Новосибирск: «Наука», 1993. – 4
10. Новосибирск. История генеральных планов в документах / автор-сост. В.Н. Шумилов. – Новосибирск, 2007. – 440 с.

11. Русакович Е.В. Архитектура железнодорожных вокзалов в период строительства Западно-Сибирской железной дороги: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. – Барнаул, 2022. – 26 с.

12. Переписка с Главным управлением Алтайского горного округа об удалении крестьян, самовольно поселившихся около села Кривошеково, на правом берегу Оби, близ строящейся Сибирской железной дороги. Прошения выселяемых крестьян о сдаче в аренду земельных участков от 30.03.1894 – 09.03.1896// Гос. архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 913.

THE SPECIFIC AND TOWN-FORMING FORECOURT OF THE OB STATION (NOVO-NIKOLAEVSK) AS A TYPICAL EXAMPLE OF THE NEW SIBERIAN URBAN PLANNING

E.M. Zhuk, *Graduate Student*

Supervisor: *N.P. Zhurin, Candidate of Architecture*

Novosibirsk State University of Architecture Design and Arts named after A.D. Kryachkov (Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The article is devoted to the preservation of cultural heritage around the construction and operation of the Ob station on the Great Siberian Way. The article examines the history of the building's construction, its functional architectural elements, including the railway station, warehouses, barracks and other structures. This complex on the Great Siberian Railway played an important role during the Russian-Japanese and First World War.*

Keywords: *architecture of Novonikolaevsk, railway station area of the Ob station, railway station, resettlement point, military point, trade area, cultural and religious center.*

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО ВО ФЛОРЕНЦИИ XV-XVI ВВ.

А.А. Зурабян, магистрант

**Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)**

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-95-97

Аннотация. В данной статье дан анализ экономического устройства Флоренции XV-XVI вв. На основе развития банковской системы можно проследить историю начала восхождения Медичи, как известной банковской семьи. Изучения экономики и банковской системы показывает, как город, который существовал изначально за счет гильдий, начала свое развитие, а когда, торговля вышла за пределы Италии, банковское дело получило свое распространение.

Ключевые слова: банковское дело, Медичи, торговцы, ссуды, флорентийское общество, банкиры, депозиты, Флоренция.

Во Флоренции XV веке существовало несколько банков, которые выполняли разные функции: *banchi di pengo*, *banchi a minute*, *banchi in mercato*, *banchi grossi*. Первыми были ломбарды, действовавшие на основании государственной лицензии, которая позволяла ростовщикам выдавать ссуды под залог личного имущества по ставке 20% годовых. *Banchi a minute* – это «розничные банки», они занимались продажей ювелирных изделий в кредит в соответствии с планом рассрочки. Также проводили операции со слитками и обменом денег, однако, этот банк не был депозитным.

Третья группа банков *banchi in mercato* упоминается в уставе гильдии менял «*Arte del Cambio*». Они вели свои дела на рынках Флоренции, Меркато Веккьо и Меркато Нуово. Владельцев этих банков называли камбиатори, то есть менялы или тавольери от итальянского слова «*tavola*» – стол, так как все банковские операции проходили за столом с открытыми журналами и кошельком для денег. По закону менялы были обязаны совершать переводы в своих книгах в присутствии клиентов. Распоряжении о переводе передавались устно и записывались в бухгалтерских книгах. Эти банки являлись переводными и депозитными [1].

Банки, которыми управляли Медичи, назывались *banchi grossi*. Согласно итальянскому хронисту XV века Бенедетто Деи, в 1469 году таких банков было около

тридцать трех, и «они занимались торговлей и обменом во всех частях света, где бы ни происходил обмен или движение денег». Флорентийские банкиры были не только банкирами, но и торговцами. Они сочетали внешнюю торговлю и обменные операции. Медичи, как и остальные семьи, которые имели связь с банковским делом, делали упор на торговлю [1].

Компания Медичи была лишь одной из большого числа флорентийских фирм, которые занимались международной торговлей и банковским делом. Основным видом деятельности была торговля иностранной валютой. У нее были филиалы за рубежом в крупных торговых центрах, из которых она осуществляла свою деятельность по всей международной сети внешней торговли. Флорентийцы, практически, создав этот международный денежный рынок, поддерживали на нем монополию.

С юридической и структурной точек зрения флорентийские банковские фирмы можно классифицировать по двум типам: централизованной и децентрализованной формой организации. Первый тип был популярен в XII-XIV веках и этим способом пользовались компании Перуцци, Барди и Аччиуоли. Их особенностью было то, что главный офис находился во Флоренции, а филиалы за рубежом. Факторы, управляли филиалом и получали зарплату «за пожертвование своего времени» [2]. Теоретически все партнеры, которые проживали на территории Флоренции, имели право

голоса в управлении, однако на практике партнёры принимали лидерство одного из них. Проблема этого устройства была в том, что, если лидер умирал, то часто некому было занять место.

В отличие от семей начала XIV века, которые организовывали свои компании как единое юридическое лицо с партнерами, расположенными в филиалах за рубежом, торговые банкиры XV века инвестировали отдельно в различные партнерства в разных местах. Медичи действовали через единственную компанию во Флоренции, которая открыла свои филиалы за рубежом, вступив в отдельные партнерские отношения с людьми, которые были назначены управляющими филиалами компании.

Примером децентрализованной формы организации является фирма Медичи. Для каждого из предприятий Медичи было создано отдельное партнерство, каждое из них было отдельным юридическим лицом и имело свой собственный капитал. Различные филиалы общались друг с другом на той же основе, что и с посторонними. Главы филиалов были не просто сотрудниками, а младшими партнёрами, которые вместо зарплаты получали долю прибыли. В отличие от централизованного типа, главы филиалов не могли быть уволены, но они могли быть отстранены от должности путем досрочного прекращения отношений. Управляющий филиалами носил титул «губернатор», а Медичи назывались «маджори» [3].

Торговая деятельность во Флоренции велась как различными компаниями, так и отдельными купцами. В первую очередь это касается тех торговых операций, которые протекали в самом городе. На городских ярмарках продавали различные товары: сукно, лошадей, продукты питания, украшения [4]. Большая часть экономиче-

ской деятельности, по сути, оставалась полностью нерегулируемой. Например, в то время как Венеция строго регулировала свои местные банки, Флоренция придерживалась принципа невмешательства по отношению к ним, за исключением тех вопросов, которые контролировались гильдией.

Флорентийские компании принимали вклады на различные по длительности сроки. Если вкладчик оставлял деньги на небольшой срок, то он мог вернуть сумму без надбавочного процента, но если же на долгосрочный, то денежные средства увеличивались. Депозит, который был затребован до истечения срока хранения, возвращался без надбавочного процента [5].

Депозитные операции флорентийских компаний выходили далеко за рамки не только флорентийской республики, но и всей Италии. Данные операции флорентийских компаний производили крупные подразделения компаний в таких городах как Венеция, Пиза, Рим, Генуя, а также за границей – в Лондоне, Брюгге, Тунисе, Родосе [5].

Таким образом, депозитные операции тесно связаны со ссудными операциями. Флорентийские компании, которые ссужали под налоги, естественно приходили к практике предоставления ссуд под проценты. Ссудные операции производились как в рамках города, так и вне пределов Флоренции. Наибольший размах ссудные операции флорентийских компаний приобрели именно за границей. Структура экономики Флоренции дает основания для предположений о зарождающихся капиталистических отношениях в городе, так как ни в одной другой стране не было так активно развито банковское дело, свобода торговли и поставки товаров на рынки сбыта.

Библиографический список

1. Raymond de Roover. The Medici Bank: its organization, management, operations and decline. – London, 1948. – 98 p.
2. Рутенбург В.И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV-XV веков / В.И. Рутенбург // Средние века: сб. науч. ст. – 1955. – № 6. – С. 387-410.
3. Lucas-Dubreton J. Daily life in Florence in the time of the Medici. – New York, 1961. – 319 p.

4. Richard A. The Medici Bank and the World of Florentine Capitalism. – London, 1987. – 29 p.
5. Trexler R. Public Life in Renaissance Florence. – New York: Academic Press, 1980. – 573 p.

BANKING IN FLORENCE XV-XVI CENTURIES

A.A. Zurabyan, *Graduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** This article analyzes the economic structure of Florence in the XV–XVI centuries. Based on the development of the banking system, it is possible to trace the history of the beginning of the ascent of the Medici as a famous banking family. The study of the economy and banking system shows how the city, which originally existed at the expense of guilds, began its development, and when trade went beyond Italy, banking became widespread.*

***Keywords:** banking, Medici, merchants, loans, Florentine society, bankers, deposits, Florence.*

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Д. САВОНАРОЛЫ

А.А. Зурабян, магистрант
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-98-100

Аннотация. В данной статье дан анализ формированию идеологических взглядов Д. Савонаролы. На основе изучения мировоззрения Савонаролы можно проследить какое влияние оказал на политическую и религиозную мысль своих современников. Первые проповеди не принесли монаху желаемого успеха. Савонароле всё же удалось завоевать флорентийское общество, но социальное и политическое состояние Флоренции поспособствовали для развития проповеднической деятельности Савонаролы.

Ключевые слова: Д. Савонарола, Медичи, проповеди, монах, флорентийское общество, монастырь, церковь, Флоренция.

После появления на политической арене Джироламо Савонаролы положение Флоренции очень сильно меняется. Савонарола родился 21 сентября 1452 года в г. Феррара, Герцогство Феррара. При рождении получил имя Иероним Савонарола, в юном возрасте родители решили, что он пройдет обучение на медика. Им казалось, что это самая благородная и достойная профессия, так как практически все в роду Савонаролы были медиками. Его дедушка был знаменитым в то время врачом, и он проходил обучение у него. После смерти дедушки Джироламо, за его обучение взялся отец, он преподавал философию.

Он обучался по произведениям Св. Фомы и по арабским комментариям Аристотеля. Учения Св. Фомы оказали сильное влияние на формирование мировоззрения. Со временем его всё чаще посещали мысли об уединении и посвящении себя Богу, а поскольку он восхищался Св. Фомой решил вступить в орден Св. Доминика. Решение постричься в монахи он принял в 1474 году после проповедей одного августинца в Фаэнце.

В монастыре Савонарола пробыл семь лет, его духовный облик складывался во время морального падения папской власти и итальянских государств. Монастырское начальство заметило образованность Савонаролы и вместо того, чтобы поручать ему обычную работу монаха, на него была возложена обязанность обучения новеньких. Сам он был очень замкнутым и часто

размышлял о том, в каком положении находится церковь. Савонарола свои мысли и переживания любил превращать в стихотворения. В своих строчках он обращается к церкви, которая представлена в образе чистой Девы, с вопросом: «Где древние твои учителя, где древние святые? Где чистое учение, милосердие, первоначальная чистота?» [1].

На самом деле для церкви были не лучшие времена. После смерти Пия II в 1464 году на папском престоле началась скандальная развращенность, которая при Александре VI достигла апогея. Состояние Италии также было шатким. В Неаполитанском королевстве престол после смерти Альфонса Великодушного наследовал Фердинанд Арагонский, которого называют жестоким правителем. Он вел торговлю от своего лица, покупая продукты первой необходимости у своих подданных, и перепродавал по более высоким ценам. Во Флоренции после смерти Козимо Медичи власть унаследовал Пьеро, и за недолгое правление он сумел довести свою династию практически до краха. В Милане в 1466 году вступил на престол Галеаццо, а в Венеции Пасквале Малтпiero, который был знаменит тем, что вел праздный образ жизни [1].

Всё это очень сказывалось на становлении Савонаролы как монаха. Ему не нравилось то, что происходило в церкви, он считал, что церковь ушла с истинного пути. Государство вело политику так будто

правители забыли о существовании добродетели и церкви. Все вело к моральной деградации государства и церкви, излишняя свобода и роскошь привели к такому положению дел. В дальнейшем, когда он придет к власти во Флоренции, он предпримет попытки реформировать политический строй, а также наставить народ на истинный, по его мнению, путь.

Савонарола закончил свое стихотворение «О разрушении церкви» такими строчками: «Гордость и властолюбие проникли в Рим, и все там осквернили... Упало, низвержено чистейшее здание, Храм Божий!» [2].

В 1481 году начальство отправило его в Феррару, но там вскоре началась война и ему пришлось покинуть город. Савонарола прибыл в том же году во Флоренцию и поселился в монастыре Св. Марка. Монахи ордена Святого Доминика должны были выходить в мир и проповедовать катехизис, следовательно, они постоянно общались с местным населением. Савонарола обнаружил, что флорентийцы сильно отличаются от жителей Феррары, где княжеский двор и автократическое правительство вытеснили граждан из политики и общественной жизни [2].

После своего первого назначения во Флоренцию, он оставался там в течение пяти лет, хотя совершил ряд поездок, например, в 1485-1486 гг., чтобы стать великопостным проповедником в Сан-Джиминьяно, соседнем городе, находив-

шимся под властью флорентинцев. Он прибыл туда после неприятного случая во флорентийском Сан-Лоренцо, куда его позвал для великопостной проповеди 1484 г. Его первая масштабная проповедь оказалась не совсем удачной, его голос был тихим и слабым, плохая подача, в итоге, единственными слушателями стали несколько горожан [3].

Для Савонаролы стало естественным чтение лекций группам монархов или обучение их один на один, они спокойной относились к манере подачи и поведения. Флорентийцы были более искушенной публикой – скептически настроенные слушатели, к чему монах не был готов, горожане были готовы сравнивать проповедников, критиковать или ходить в другую церковь на их сезонные проповеди [4].

Таким образом, монах не произвел никакого впечатления на флорентийское общество в 1480-е годы, почти никто его не помнил, его отъезд в 1487 году остался незамеченным. Он уехал на обучение в Сан-Доменико, а через год перевели в Феррару, но в течение следующих двух лет он проповедовал в Брешии, Генуе. В 1484 г. скончался папа Сикст IV следующим папой избрали Иннокентия VIII, но и это не принесло Савонароле душевного спокойствия. Эти выводы можно сделать из его стихотворения, он призывает Иисуса быть всепрощающим, смотреть на папский Рим с любовью и милосердием, поскольку в противном случае он может погибнуть [5].

Библиографический список

1. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время / П. Виллари // Пер. с итал. Д.Н. Бережкова. Т. 1. – М.: Грядущий день, 1913. – 831 с.
2. Brown A. Medicean and Savonarola Florence: the interplay of politics, humanism, and religion. – Belgium, 2011. – 311 p.
3. Lucas-Dubreton J. Daily life in Florence in the time of the Medici. – New York, 1961. – 319 p.
4. Martines L. Scourge and fire: Savonarola and Renaissance Florence. – London, 2007. – 322 p.
5. Trexler R. Public Life in Renaissance Florence. – New York: Academic Press, 1980. – 573 p.

FORMATION OF D. SAVONAROLA'S IDEOLOGICAL VIEWS

A.A. Zurabyan, *Graduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article analyzes the formation of D. Savonarola's ideological views. Based on the study of Savonarola's worldview, one can trace the influence he had on the political and religious thought of his contemporaries. The first sermons did not bring the monk the desired success. Savonarola still managed to conquer Florentine society, but the social and political state of Florence contributed to the development of Savonarola's preaching activities.*

Keywords: *D. Savonarola, Medici, sermons, monk, Florentine society, monastery, church, Florence.*

ПУБЛИЧНО-ЧАСТНЫЙ КОНТИНУУМ: К ВОПРОСУ ОБ ИНДИКАТОРАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИНЦИПАТА

В.Г. Тельминов, доцент, старший научный сотрудник

А.В. Баранкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, г. Москва)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00133).

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-101-116

Аннотация. В статье исследуется связь между трансформацией политической системы, ценностей и узусов древнеримской элиты в эпоху Принципата, с одной стороны, и структурой пространства частной усадьбы, с другой. В качестве временного периода взяты 1-4 в. н.э. По результатам анализа устройства вилл раннего Принципата и поздней Империи автор делает вывод, что к концу Принципата исчезло четкое зонирование пространства и визуальная ось, которая ранее выполняла функцию демонстрации перспективы социальной (клиентской) мобильности в рамках политической коммуникации «хозяин виллы – посетитель», но с концентрацией власти в руках принцепса утратила свой смысл, в связи с чем владельцы вилл все чаще обращаются к использованию боковых осей, выражающих другие политические и культурные смыслы, либо вовсе отказываются от внесения на виллы какой-либо градации в рамках общественно-частного градиента.

Ключевые слова: Древний Рим, *villae maritimae*, Поздняя республика, Принципат, политическая коммуникация.

Исследование закономерностей трансформации политических режимов [Lawson 1993] является одним из важнейших направлений современной политологии, так как помогает собрать необходимые индикаторы для распознавания авторитарных и демократических тенденций, оказать экспертную поддержку конституционным реформам и законодательным инициативам, а также является необходимой предпосылкой в построении вероятностных сценариев и постановке релевантных вопросов при сборе статистической и прочей информации. Но не менее актуальным ракурс изучения внутренней логики режимной трансформации остается и для тех отраслей научного познания, которые анализируют не текущие события, институты и явления, а общественно-политические системы прошлых эпох. В частности, для историков античности это история режимной трансформации Поздней республики и Принципата – двух систем устройства общества и власти, которые постепенно сменили друг друга на протяжении 1 в. до н.э.

– 1 в. н.э. Принципат, в свою очередь, также прошел несколько периодов изменений, которые в зависимости от принятых индикаторов могут характеризоваться либо как накопление определенного ряда характеристик без качественных изменений сути, либо как режимные трансформации, то есть глубокие структурные изменения, меняющие базовые схемы взаимодействия политических акторов (в т.ч. общества, взятого в целом, и власти), распределения властных полномочий между центром и местными структурами управления, методах рекрутирования элит и т.д.

Может ли динамика изменения структуры общественного и частного пространства в том или ином конкретном обществе считаться одним из косвенных индикаторов режимных трансформаций? Хотя единого ответа на этот вопрос в науке нет, наличие определенной зависимости между состоянием политической сферы в обществе и структурой общественных и частных пространств, а также их динамическо-

го соотношения между собой, едва ли подлежит сомнению.

Вопрос о точной границе между общественным и частным – фундаментальная проблема во все периоды истории, как в римской античности (о ней рассказывается здесь), так и в наши дни. В США, например, люди не могут сослаться на первую поправку, гарантирующую свободу слова, когда делают политические заявления в крупных торговых центрах, поскольку эти торговые центры находятся в частной собственности. Юристы пытались тщетно доказать, что они являются современными эквивалентами старых городских центров и поэтому должны рассматриваться как общественные места [Kohn 2004, 1], тем более что частные здания производят впечатление общественных мест встречи именно из-за своей архитектурной формы в виде форума и агоры. Этого одного современного примера может быть достаточно, чтобы проиллюстрировать, в какой степени континуум частных и общественных пространств является одним из важнейших векторов, по которому могут развиваться и проследиваться значительные политические и культурные процессы.

В отношении прошлых исторических эпох эти противоречия между публичным и частным долгое время игнорировались [Bailey 2002, 15] или исторические выводы просто втискивались в современную сетку понятий «частного» и «публичного». Только постмодернистская модификация традиционного предположения о том, что древнее понимание идентично нашему, позволила поставить под сомнение традиционную дихотомию публичного и частного. Различные подходы, обобщенные под ярлыком «пространственный поворот», объединяет теперь идея о том, что пространственные категории должны пониматься как социально производные переменные, которые создаются и переживаются по-разному разными людьми и культурами в разное время. Таким образом, большинство пространств, которые мы делим с незнакомцами, не являются ни общественными, ни частными, а существуют в серой зоне между ними [Russell 2016, 2, Parsons 2008, 124].

Таким образом, в рамках социологии и историографии первой и второй волны «пространственного поворота» была поставлена задача преодолеть стереотипную схему четкой дихотомии между «частным и публичным», а также исследовать различия между современным и древними обществами в этом отношении [Arendt 1958, Bourdieu 1991, Bailey 2002, Kohn 2004, Milnor 2005, 16-46; Zaccaria 1995, 210; Riggsby 1997, 36-56; McKeon 2005, 20, Russell 2016, 10]. В социологической урбанистике публичное пространство рассматривается в качестве «арены общения и коммуникации», «сцены выступления» перед другими [Sennett 1976], а взаимодействие групп в нем – как борьба за "приватизацию" части пространства, «борьба за место» [Acconci 1990].

Античность, тем не менее, остается недоизученной в этом плане. Винтерлинг [Winterling 2005, 223-244], например, отмечает, что в раннеимперский период наполнение понятий «общественное» и «частное» поменялось, но не уточняет, в чем состояло это изменений. Единственное, что на самом деле ясно, так это то, что различие *privatus/publicus* нельзя приравнивать к современному различию частное/публичное или политическое/неполитическое - на это указала также Хабенштейн [Habenstein 2015, 40].

Бернская диссертация А. Хабенштейн, вышедшая в 2015 г., стала одной из работ последнего времени, в которой социологические подходы умело и плодотворно применяются к изучению политического пространства римских аристократических резиденций. После обсуждения взаимосвязи между присутствием (*Anwesenheit*) и взаимодействием (*Interaktion*) она убедительно доказывает, что римские нобили могли активно участвовать в политике в эпоху поздней Республики и раннего Принципата даже без физического присутствия в Риме [Habenstein 2015, 33-34]. Основой для этого вывода служит тезис о том, что рассматривать следует не пространства, а людей в этих пространствах - и политика, понимаемая как общение и взаимодействие между элитой, могла происходить буквально в любом месте, где

собирались римские сенаторы, будь то в городе Риме или на вилле в сельской местности [Habenstein 2015, 51-94]. Таким образом, виллы больше не предстают, как в более ранних исследованиях, в качестве "частных" мест уединения, но, напротив, становятся более похожими на арену для общения и проведения дистинкций в рамках элитного сословия. Другими словами, виллы начинают восприниматься как центральные места демонстративно пышного аристократического образа жизни, цель которого заключалась как раз в саморепрезентации и конституировании чести и статуса.

Хотя идея виллы как "пространства затворничества", таким образом, показала свою несостоятельность, следует признать, что на резиденциях знати помимо явно репрезентативных, почти "публичных" пространств существовали и менее посещаемые, эксклюзивные зоны. В наши дни вопрос "публичное"/"частное" часто концептуально сочетается с рядом дихотомий, таких как индивидуализм/коллективизм, личный интерес/общественный, демократия/диктатура, публичная сфера/приватизация и коммодификация, отсутствие контроля/регулирования, становится ясно, какие большие вопросы связаны с моей темой и насколько актуальна проблема частного и публичного пространства для городских исследований, социологии, философии, культурных исследований и психологии на междисциплинарной основе.

Архитектурная структура римской виллы исследовалась многими авторами [Wallace-Hadrill 1988, D'Arms 1970, 1974, Clarke 1991, Smith 1998, Marzano 2018, Gardelli 2016, Butyagin 2018]. Но в этих работах не использовались методы школы "пространственного поворота", а также не ставилось задачи определения ни контуров градиента общественно-частного пространства, ни его трансформации в корреляции с общественными изменениями. Хотя данные исследования не ставили задачи изучения взаимоотношения частного и общественного пространства вилл, они важны для целей данной статьи с точки зрения описания архитектурного наполне-

ния, визуальных систем маркировки, функций комнат и свидетельств перестройки в ходе ремонтных работ. Единственным примером работы, посвященной структуре общественных пространств в Древнем Риме, а также их связи с трансформацией политического режима, является работа Рассел [Russel 2016]. В серии статей, одной из которых является текущая, ставит своей задачей выполнить схожую задачу, но в отношении частных пространств.

В дальнейшем мы рассмотрим виллы, построенные в эпоху раннего и позднего Принципата, охарактеризовав их с точки зрения соотношения публичного и частного компонентов пространственной структуры. Сравнение этих характеристик позволит нам выдвинуть гипотезу о возможной связи данного набора характеристик и трансформационных процессов в режимной структуре Принципата, а также сделать вывод о возможности использования показателей *publucus/privatus* в качестве индикатора состояния политической системы.

Виллы раннего Принципата. *Вилла Сан-Марко*

Начнем с рассмотрения виллы Сан-Марко (Илл. 1), расположенной на склоне холма Варано, в Везувианском регионе. Эта усадьба была построена во время правления Октавиана Августа (I в. до н.э. – н. I в. н.э.), с внесением изменений и дополнительным строительством в эпоху Клавдиев [Howe 2018, p. 107]. Вилла была впервые найдена в XVIII в., затем вновь закопана. Заново ее открыли только в 1950-60-х гг.

В первую очередь обратим внимание на то, что здесь присутствует множество визуальных перспектив. Следует отметить, что первым, кто описал наличие в городских особняках (*domus*) "визуальной перспективы" (зрительной оси, объединяющей помещения в градиент вдоль вектора "частное-общественное"), был Уоллес-Хэдрилл, но он не исследовал эти оси в диахронной перспективе.

Сперва в данной усадьбе посетитель попадает в атриум (помещение 44), что

соответствует общим принципам построения римских вилл. Атриум, как видно из плана усадьбы, имел *impluvium* с дождевой водой. Помимо религиозно-хозяйственных функций, стандартных для римского атриума, это пространство на вилле Сан Марко по всей видимости играло центральную роль в задаче репрезентации образа хозяина и, таким образом, выполняло роль общественного и служило для приема посетителей. Об этом же свидетельствует и убранство помещения, его показная роскошь и атрибуты: сундук, стоявший на постаменте слева от ларария, а также имитирующие мрамор фрески в первом стиле – в таком же стиле расписывались общественные сооружения, например, базилика в Помпеях.

Следующим важной зоной виллы по очередности в рамках маршрута посетителей был термальный комплекс. Особое распространение банные процедуры получили в эпоху перехода от поздней республики к ранней империи и были не столько местом для омовения, сколько зоной социальной конвергенции [Fagan 2011, p. 359-369], пространством собраний и общения, в том числе с людьми за пределами узкого круга ближайших друзей – и это верно не только для центральных территорий державы, но и для провинций [Kuzmanović et al. 2019, p. 28].

Затем на вилле Сан Марко гость следовал в малый перистиль (помещения 5, 3 и 20) и через них попадал в *oecus* 16 на ужин. Из триклиния открывался прекрасный вид на море. Триклинии могли быть пространством как общественным, так и частным [Wallace-Hadrill 1988, p. 55]. Однако расположение зала для пиршества в непосредственной близости от *социально-го* пространства терм, его размеры и продуманное применение принципа визуальной перспективы свидетельствуют о его важной репрезентативной роли. Об этом же свидетельствует и расположение вокруг главного триклиния гостевых комнат (6, 10, 18, 21).

К данной части примыкает зона виллы, создающая максимальное ощущение приватности, но по-прежнему доступная для обзора и посещения тех, кто приглашен в

триклинии для участия в вечерней трапезе. Это сад с бассейном и нимфеем (9, 15, 64-65) и криптопортик 62-63, а также соседний большой перистиль (2) и примыкающие к нему помещения (в настоящее время остаются нераскопанными). Большой перистиль, судя по сохранившимся фрагментам росписей, был украшен фресками на темы космоса и планисферы [Howe 2018, p. 108], что чаще было характерно для общественных пространств, нежели частных.

Заметим, что данный бассейн не принадлежит к типу *natatio* и, таким образом, использовался не для плавания, а в качестве украшения перистиля и символа контроля над водной стихией, расположенного на одной оси с главным триклинием (16) и нимфеем, что должно было особенно усиливать впечатление. Судя по размерам бассейна на вилле Сан-Марко, он был призван производить на зрителя как можно большее впечатление и демонстрировать богатство хозяина усадьбы. Это подтверждает публичность пространства внутреннего сада. В результате, на вилле остается не так много частных пространств, изолированных от маршрута для посетителей: кухня (26, 40), *pars rustica* (67, 72, 68) и спальни (57, 61). Из анализа пространства усадьбы можно сделать вывод, что она сочетала в себе частный и общественный компоненты, однако второй мог играть более значимую роль. Можно предположить, что хозяин виллы использовал данную виллу преимущественно в качестве места для приема посетителей и иных встреч.

Вилла Ариадны

Далее обратимся к вилле Ариадны (Илл. 2) – самой ранней из стабианских вилл [Howe 2018, p. 106]. Она также достраивалась с течением времени (I в. до н.э. – I в. н.э.) и в итоге превратилась в обширный комплекс сооружений и построек. Мы обратимся только к главному строению, предназначенному для приема гостей. Как и вилла Сан-Марко, она находится на склоне холма Варано.

В первую очередь посетитель виллы обращает внимание на декоративные фор-

тификационные укрепления на одной из террас. Они представляют собой уменьшенную копию городских башен. В итоге усадьба выглядит как своего рода город в миниатюре, что усиливало публичные коннотации в восприятии данной виллы и могло отражать ее репрезентативную функцию [Ibid. P. 109]. Более того, сразу стоит указать, что и внутренние помещения усадьбы (в частности, основной триклиний) имели декор аналогичного типа – фронтоны, обращенные вовне к морю, напоминающие фронтоны римских храмов. Такого рода архитектурные решения чаще использовались людьми из верхних социальных слоев (сенаторами, декурионами, состоятельными вольноотпущенниками) для демонстрации своего статуса [Ibid. P. 111].

Теперь перейдем непосредственно к анализу маршрутов перемещения по пространству усадьбы. Сначала традиционно гость попадает в перистиль 1. Затем напрямую можно было перейти в атриум 3, что также соответствует классическую структуру римских вилл. Однако интересно, что маршрут перехода из помещения 1 в помещение 3 окаймляют спальни (помещения 2). Исходя из их расположения, можно предположить, что эти комнаты предназначались именно для гостей, которые оставались переночевать на вилле своего гостеприимца. На основании фресок во втором стиле именно в кубиклах возможно установить более точную дату постройки усадьбы – ок. 60 г. до н.э. По левую сторону от перистиля располагается банный комплекс (помещения 7, 8 – тепидариум и кальдариум). Далее посетитель мог проследовать в триклиний 11. Для этого надо было пройти зал с колоннами (помещение 4), декорированный фронтонами. Итак, минуя колоннады и кухню (помещение 10), гость попадал в столовую. Именно здесь располагается фреска с Ариадной, по которой усадьба и была названа археологами.

За триклинием располагались места для отдыха: комната для чтения (помещения 12 и 13). Также есть зимний сад виридарий (помещение 14). Точнее, виридарий разбит на две части и находится по сторонам от

летнего триклиния 15 на открытом воздухе. Возможность оборудовать две столовых, на наш взгляд, также свидетельствует о статусе владельца и стремлении его продемонстрировать посетителям. Напротив триклиния располагались роскошные террасы 16, по левую сторону – большой перистиль, который, вероятно, был пристроен позже. Он окружен садом, где растут деревья разного происхождения и различных видов, что также свидетельствует о его репрезентативной роли. Также особо стоит отметить, что на этой вилле был построен склон – частный спуск на побережье.

На вилле мы видим 2 визуальные перспективы: от перистиля к атриуму и от этого же перистиля ко второму перистиллю. Исследование Хоуи показало, как ярко в случае с садом виллы Ариадны была проявлена социально-репрезентативная функция. Он отметил особую планировку сада, позволяющую направлять, объединять и разъединять потоки посетителей, в рамках «взаимопересекающихся» пространств и перспектив [Howe, 2017, p. 243-246].

Анализ виллы Ариадны подтверждает, что ее пространство выполняло социальные публичные функции, за исключением небольшого числа частных помещений. Исходя из количества и функционала помещений, можно сделать вывод, что они предназначались преимущественно для приема гостей, а не уединения.

Вилла Папирусов

Перейдем к вилле Папирусов. Эта усадьба, в отличие от вилл Сан-Марко и Ариадны, находится в Геркулануме – ближе к эпицентру геологических событий 79 г. н.э. Она была обнаружена еще в XVIII в. В тот период ее исследовали шахтной технологией, в результате было обнаружено большое количество скульптурных ансамблей и папирусных свитков. Также при работе команды К. Дж. Вебера был составлен примерный план усадьбы. К активным раскопкам с применением современных технологий и стандартов приступили только в 1990-е гг. Работы продолжаются и поныне. В ходе работ Археоло-

логического управления Помпей (ведутся с 2007 г.) стали доступны атриум, первый и второй уровни основания виллы, а также нижние террасы южнее атриума. Однако значительная часть виллы все еще сокрыта, поэтому ее архитектуру крайне тяжело анализировать. Идет работа по построению виртуальной модели этой виллы. Однако отметим, что во многом эта реконструкция опирается на сравнение с другими более доступными и исследованными усадьбами, в частности, домом с рельефом Телефа в Геркулануме, виллой Ариадны, которую мы рассматривали ранее, и виллой А в Торре-Аннунциата. Тем не менее, уже на основе доступного пространства виллы Папирусов очевидно, что в ней соблюдался принцип построения по прямой оси. Точнее, их было две – от входа к перистиллю и более длинная, которая соединяла первый перистиль со вторым. Такая особенность в совокупности с размерами усадьбы – ее многоуровневостью – свидетельствует о высоком социальном статусе и уровне дохода ее хозяина.

О частно-публичных функциях пространств достаточно трудно судить ввиду, как мы уже отметили, нераскрытости или разрушенности ее помещений. Однако рассмотрим то, что нам доступно (Илл. 3). В первую очередь это вестибюль (помещение 1) и атриум (помещение 2). За вестибюлем следовал атриум с *impluvium*, а затем первый перистиль с декоративным бассейном (помещение 3). По левую сторону от него располагается рабочий кабинет *tablinum* (помещение 4). Отметим, что именно в этой части усадьбы (кабинет, библиотека) были обнаружены папирусы, в соответствии с которыми она названа. Из первого перистилля через кабинет (вероятно, он был сквозной) посетитель попадал во второй гораздо больший по размерам перистиль с длинным прямоугольным бассейном посередине (помещение 7). В правом углу располагался небольшой (по сравнению с бассейном) фонтан. Далее гость следовал к бельведеру (помещение 9), из которого открывался красивый вид на окрестности. Жилые помещения располагались вокруг портиков и террас. Это было сделано для того, чтобы в комнаты

проникало больше света и можно было обозревать окрестности и, в частности, морской пейзаж. Это могли быть в равной мере и хозяйские комнаты, и гостевые.

В результате анализа пространства виллы Папирусов можно заключить, что она спланирована с расчетом на прием большого количества гостей. Ее владельцы были, несомненно, крайне состоятельны и потому неудивительно, что основная часть виллы могла служить цели репрезентации.

На основе анализа трех вилл Везувианской зоны можно заключить, что они имели аналогичную структуру. Эти усадьбы в большей степени предусматривали цель приема посетителей и встреч с гостями, хотя это не исключало и возможности для уединения. В пользу этого вывода свидетельствуют размеры помещений, порядок передвижения по пространству усадьбы и ее зонам, а также стремление продемонстрировать статус и состояние хозяев практически в каждой из зон, за исключением бесспорно частных помещений (спален, кухни и т.п.).

Вилла Сан-Бьяджо Кастрореале

Теперь обратимся к вилле, обнаруженной на Сицилии. Остров стал римской провинцией в IV в. до н.э. Первые виллы стали строиться здесь в III в. до н.э. [Wilson 2018, 197]. Во II-I в. до н.э. сицилийские города переживают бурный рост, но вилл этого периода, в сравнении с более поздними, практически не обнаружено. Более всего найденных вилл относятся к раннеимперскому периоду, I в. н.э. На Сицилии в большей степени исследованы виллы именно репрезентативного типа, коммерческая цель в которых не стояла на первом месте.

Один из примеров – вилла Кастрореале Сан-Бьяджо (Илл.4) на северном побережье Сицилии. Ее строительство было закончено в 50 г., и затем она достраивалась во времена правления непосредственно Августа или других императоров династии Юлиев-Клавдиев (30 г. до н.э. – 50 г. н.э.; точнее установить невозможно).

Рассмотрим путь посетителя по вилле. Сперва гость через вестибюль (помещение 53) попадал в перистиль с *impluvium* (помещение 1). Отличительной чертой явля-

ется то, что он мог пройти по коридорам вокруг перистилия (помещения 33, 33b, 33c, 33d). Причем по сравнению с изначальной постройкой их размеры были увеличены, и в итоге получился квадрат размером около 25 м². Проходя через коридоры, посетитель видел по восемь колонн в каждом. После перистилия посетитель сразу же проходил прямо в триклиний 2, который одновременно служил и местом приема пищи, и помещением для встреч и бесед с посетителями. В данном случае репрезентативная функция этого помещения проявляется особенно ярко, так как триклиний располагается сразу же за перистилем по прямой перспективе. Также о публичной роли триклиния говорит убранство и размер помещения, которые имели целью произвести впечатление и одновременно принять как можно больше гостей.

Сворачивая из перистилия в правую сторону, гость попадал в термальный комплекс. Вход в него (помещение 39) представлял собой узкий коридор. Затем гость через *apodyterium* 19 – помещение для раздевания и хранения одежды и вещей – попадал в тепидариум 20, кальдариум 21 и комнату с горячей ванной 22. Во II в. термы были расширены за счет помещений с горячим воздухом 24 и 25, еще одним фригидариумом 23 и комнатой с холодной водой 27 и чуть позже аналогичным помещением 27а.

В западной части виллы располагались комнаты для обслуживания нужд владельцев усадьбы – различные хозяйственные помещения. Их точный функционал установить невозможно, так как во время перестройки во II в. на их месте стали располагаться склады (в частности, помещение 18). Также в IV в. в этом же крыле были пристроены комнаты помещения для обслуживающего персонала (или другие служебные помещения 14-16, 43-46). Причем интересно, что они располагались выше основного уровня виллы. Вилсон высказывает предположение, что эта постройка производилась уже в то время, когда вилла перестала быть аристократической усадьбой - ориентировочно в III в. н.э. Однако он не указывает, какие иные функции она могла выполнять. Можно

предположить, что здесь стали селиться более бедные семьи или же она использовалась исключительно как общественное здание. В пользу этого говорит достроенный примерно в это время термальный комплекс. Хотя этот же аргумент можно привести и для доказательства противоположной точки зрения – усадьба стала принадлежать более состоятельному хозяину, и он мог себе позволить дополнить ее служебными комнатами, недоступными гостям, но необходимыми для функционирования усадьбы; термы же использовались как место общения и приема многочисленных гостей, судя по количеству помещений и даже наличию редко встречающегося в частных виллах *аподитерия*.

Итак, мы рассмотрели зонирование пространства вилл раннеимперского периода и констатировали наличие сквозных перспектив, а также разного рода статусных и репрезентативных приемов и элементов, которые указывают на репрезентативную цель большинства помещений. Это подтверждает гипотезу о том, что в раннем Принципате виллы по-прежнему сохраняли роль пространств, предназначенных для демонстрации посетителям разного ранга и самоутверждение в рамках конкурентной дистанции в рамках сословия сенаторов. Теперь для целей сопоставления обратимся к аристократическим усадьбам, построенным в эпоху поздней Империи.

Позднеимперский период. *Вилла дель Казале*

Одна из хорошо сохранившихся сицилийских вилл позднеимперского периода располагается в местечке Пьяцца-Армерина. Хотя на ее месте и была раннеимперская вилла, следы той практически не сохранились. Археологический материал, доступный для исследования, относится к 320-330 гг. н.э. Рассмотрим путь гостя по пространству виллы (Илл.5).

Посетитель попадал на территорию через роскошную входную зону с тройными воротами 1 и полукруглый двор 2. Затем, чтобы попасть в основное внутреннее пространство усадьбы он должен был свернуть вправо. Через помещение 3 он проходил в роскошный уже некрытый перистиль 15 – скорее, его можно охарактеризовать

как зимний сад. Гость также мог посетить термальный комплекс (помещения 8-12), однако для этого ему надо было повернуть обратно из перистилия – они располагались под углом к нему. Жилая зона располагалась по северную (помещения 16-25) и южную (37-39) стороны от перистилия. Неизвестно, насколько они были доступны для посетителей, однако по количеству помещений можно предположить, что там имелись и гостевые комнаты. На прямой линии с перистилем располагался длинный коридор 26, пройдя сквозь который, гость попадал в мраморный зал, который, очевидно, был пространством также публичным, доступ в которое не был ограничен. Хотя, судя по его удаленности от входной группы, можно предположить, что сюда допускались не все, а только особо важные посетители и друзья семьи владельцев усадьбы. По сторонам от этого зала находились также жилые помещения (27-29 и 31-36), вход в которые был только из коридора 26. В данном случае уже, на наш взгляд, очевидно, что это были зоны исключительно для хозяев ввиду, опять же, их удаленности от главного входа и остальных помещений. Это же служит подтверждением доступа, но все же ограниченного, в мраморный зал.

Также из перистилия, помимо роскошной залы, гость мог пройти в другую сторону – на юг. Здесь перед ним открывался еще один перистиль, но на этот раз овальный (помещение 41). Такая форма перистилия была нехарактерна для позднереспубликанского и раннеимперского периода. Через перистиль посетитель следовал в еще один триклиний (помещение 46). Так, мы видим, что в этой усадьбе имелись две аналогичные по своему функционалу и комбинации помещений зоны. Вторая, вероятно, была пристроена позже. Также здесь можно увидеть две перспективы, расположенные под углом друг другу, сформированные этими зонами. Вокруг второго перистилия также располагались комнаты (помещения 41-45), однако неясно, насколько частным пространством они были. Однако можно предположить, что вторая зона была в большей мере доступна для посещения. Первый перистиль 15, ве-

роятно, служил своего рода проходной зоной ко второму перистиллю и в банный комплекс, однако далее по прямой перспективе с ним вход для посторонних был закрыт. Если гость возвращался обратно в вестибюль, то мог увидеть еще одну западную часть усадьбы – служебные помещения (48-50). Также есть отдельно стоящие помещения для купания (51-52). Вероятно, они предназначались для прислуги.

Хотя эта позднеимперская усадьба тоже имела значимые репрезентативные функции и могла быть местом для приема большого числа посетителей, отметим и заметные отличия от раннеимперских построек такого же масштаба – классическая квадратная или прямоугольная форма перистилия сменяется овальной, перспективы деформируются, их количество увеличивается, и они перестают быть расположенными под прямым углом друг другу, ведь вилла разрастается по всему периметру, а не только в направлении визуальных осей, как это было принято в период ранней Империи.

Вилла Каддедди

На юго-востоке Сицилии для тщательного исследования также доступна вилла в местности Каддедди (Илл.6) на реке Телларо. Точно неизвестно, где был вход в усадьбу. Можно предположить, что посетитель мог попасть в нее, пройдя через несколько помещений (1-3), представлявших собой, вероятно, входную группу. Далее ему открывался квадратный перистиль, окруженный коридорами (7, 25, 26). Уилсон высказывает предположение, что это не был парадный вход. Основной же, по его мнению, располагался в южной части усадьбы. Однако это маловероятно, так как гостям был бы затруднен доступ к перистиллю – они должны бы были пройти ряд небольших помещений.

Данная усадьба была двухэтажная. На нижнем этаже располагались преимущественно служебные помещения. Второй этаж, скорее всего, был жилой зоной и зоной для приема гостей. Уилсон утверждает, что помещения 8, 8А и 11 на самом деле были единой комнатой на втором этаже и использовались как раз для приема посе-

тителей. Действительно, нестандартность ее формы (полуовальное помещение 11), размеры и возможность пройти туда напрямик из перистилия подтверждают это предположение.

В усадьбе отсутствовал термальный комплекс, что также нетипично для позднереспубликанских и раннеимперских вилл. Также укажем, что здесь отсутствует какая бы то ни было перспектива. Особенно она нарушается двухуровневостью строения, в связи с которой основные зоны виллы в рамках континуума частное-общественное перестают располагаться по какой бы то ни было прямой в рамках хорошо различимых пространственных структур, как это было в раннеимперский период.

Таким образом, на примере этой усадьбы можно проследить отличия строений более позднего периода от тенденций, характерных для Ранней империи. Исчезает перспектива, четкое зонирование нивелируется, и становится сложнее провести границы между частным и общественным пространством – на этом фоне гораздо вероятнее предположить не что вилла стала полностью доступной для посещения, а, наоборот, что она стала выполнять исключительно частные, приватные функции, полностью закрываясь от посетителей и превращаясь в место уединения.

Вилла Дезенцано

В Северной Италии строительство вилл началось в I в. до н.э. и приобрело особый размах в I в. н.э. в соответствии с тенденцией, характерной для Римской империи в целом. Но именно такие узкие временные рамки позволяют нам сравнивать пространства данных усадеб с везувианскими. Более того, пролонгированность их существования, по сравнению, опять же, с находящимися в Везувианской зоне, позволяет рассмотреть эволюцию зонирования и гипотетического изменения функций отдельных помещений.

Усадьбы в данном регионе располагались, как правило, по побережьям – Аквилея и Далматинские острова. Усадьбы здесь были исключительно роскошные, демонстрировавшие социальное положение владельцев. Стоит упомянуть, что

усадьбы именно этих территорий послужат прототипом резиденций, которые будут строиться с эпохи Возрождения вплоть до настоящего времени. Однако особой популярностью ввиду особенности ландшафта и более холодного климата пользовались приозерные усадьбы. Именно на них мы обратим внимание в первую очередь.

Начнем с виллы Дезенцано (Илл.7) на южном берегу озера Гарда. Она особенно интересна для исследования публичности и частности пространства, так как была изначально построена еще в период Республики в I в. до н.э. и использовалась вплоть до V в. н.э., причем в IV в. была практически полностью перестроена. Насколько можно судить, первоначально вилла состояла из не такого уж и большого количества помещений: вестибюль, перистиль и триклиний. Причем важно, что располагались они по прямой перспективе. В IV в. эти помещения были перестроены. Вестибюль стал восьмигранным, что нетипично для вилл Везувианской зоны, законсервированных в I в. н.э. Здесь можно говорить о новых тенденциях в архитектурной моде. Перистиль, судя по всему, значительно увеличился. Об изменениях в помещении триклиния делать выводы на настоящий момент не представляется возможным. остальные части жилого строения виллы, к сожалению, не сохранились. Однако все равно можно утверждать, что в усадьбе был банный комплекс и апсида, точное применение которой неизвестно.

Несмотря на то, что прямая перспектива в результате перестройки была несколько нарушена ввиду появления новых помещений, стоит отметить, что изначально основные маршруты на вилле были организованы от озера вглубь и ориентированы под прямым углом к берегу. То есть в принципе усадьба была полностью ориентирована на озеро. Вероятно, здесь имелись и сооружения, которые объединяли ее с озером, например, пирсы, рыбные пруды и т.п.

Вилла Пиньяно

В завершение рассмотрим виллу Пиньяно (Илл.8). Она также была достроена в позднеримский период. Исследователям

доступен восьмиугольный перистиль (помещение 1) и следующая за ним расположенная по прямой перспективе жилая зона (помещения 6-17). Также есть помещения, не соединенные с основным строением. Это крытые пространства, которые, предположительно, выполняли роль гимнастического зала *xystus* (18-19). Также была другая часть комплекса – скорее всего, сельскохозяйственная производственная часть усадьбы (помещения 20-35). Сюда гости вряд ли могли иметь доступ.

Также в комплекс входило построенное в V в. круглое помещение – подобие церкви. Опять же, неясно, насколько публичным или частным пространством она служила. Однако вероятнее скорее то, что она заменила ларарий, и ее могли посещать только хозяин усадьбы и его семья. Более того, вполне вероятно, что это постройка могла быть местом захоронения и почитания умерших членов семьи, что тем более ограничивает доступ в это помещение. Тем не менее, на этом примере можно судить о трансформации функций пространств виллы и их преобразований в другие формы с течением времени и переходом к поздней Империи. Хотя на примере данной усадьбы крайне затруднительно оценить зонирование пространства ввиду ряда перестроек и добавления строений, особенно изначального функционала помещений. Тем не менее, насколько мы можем судить, эта вилла использовалась преимущественно для производства, а не в качестве места отдыха, потому объясним ее преимущественно частный характер.

Заключение

Резиденции римской знати дают богатый материал для прослеживания динамики развития категорий *publicus/privatus* в римской политической и повседневной культуре в период трансформации от Республики к Принципату. В рамках данного исследования были проанализированы аристократические усадьбы Поздней республики, Принципата и Поздней империи на предмет их внутреннего деления на частные и публичные зоны и средств выражения этого. Также нами были проанализированы гипотетические маршруты посетителей вилл трех итальянских регионов:

Везувианской зоны, Северной Италии и Сицилии. В ходе работы было установлено, что виллы раннего Принципата отчетливо делились на пространства, доступные для посетителей, и пространства, предназначенные исключительно для частного пользования хозяевами. Усадьбы этих периодов конструировались с соблюдением принципа перспективы (несмотря на наличие вариаций). Приватность помещений увеличивалась по мере движения вдоль вектора перспективы. Свидетельством этому служит и убранство вилл. Декор использовался для управления вниманием гостя и направлением его по пространству виллы. Обязательно присутствовало помещение, где он достигал кульминации – интерьер таких комнат был наиболее богат и «общественен», то есть изображения имели сюжеты, известные и привычные публике, такие как мифологические и связанные с известными историческими личностями.

Виллы же, перестроенные или созданные в позднюю Империю, уже не имели такого четкого разделения и представляли собой более однородное пространство. Строительство по четкой перспективе или нескольким перспективам исчезает. В позднереспубликанский и раннеимперский периоды перемещение от публичного к частному происходило по прямой перспективе, однако к окончанию имперской эпохи ось стала постепенно исчезать, и пространства вилл стали не только видоизменяться, но и строиться вширь, без акцента на взаимосвязи доступности помещений и их локации в пространстве усадьбы. Более того, именно в позднюю Империю все меньше стали разграничиваться общественные и личные зоны – в принципе зонирование как таковое со временем исчезает. Невозможно дать точное объяснение этому феномену, однако, вероятно, это было связано с тем, что общественная и политическая роль римской сенатской аристократии, ее узусы и ценностные привычки, а также привычные способы саморепрезентации трансформируются до такой степени, что вилла теряет свое значение в качестве средства выражения социального статуса и перестает быть важным

местом для взаимодействия с разными общественными группами. Хозяева усадеб больше не стремились разделять частные и публичные зоны визуально путем изменений акцентов в убранстве. Для них более не так принципиально было управлять вниманием посетителей и путем использования убранства воздействовать на них и производить впечатление. Если в раннеимперскую эпоху на виллах явно выделяются определенные помещения или группы помещений, на которые делался акцент

– владельцы стремились достичь кульминации в демонстрации своего статуса, до этого проводя гостя по комнатам, все более и более богато украшенными и с изображением в виде скульптур, мозаик или фресок «публичных», общеизвестных сюжетов (преимущественно мифологических), то на виллах более позднего времени такой замысел исчезает, в связи с чем и нет возможности установить четкое зонирование по вектору частное-общественное.

Библиографический список

1. Acconci V. Public Space, Private Time // *Critical Inquiry*. – 1990. – Vol. 16, № 4. – P. 900-918.
2. Archer W.C. The Paintings in the Alae of the Casa Dei Vettii and a Definition of the Fourth Pompeian Style // *American Journal of Archaeology*. – 1990. – Vol. 94, № 1. – P. 95-123. – URL: <https://www.jstor.org/stable/505527> (дата обращения: 25.05.2023)
3. Arendt H. *The Human Condition*. – Chicago: University of Chicago Press, 1958. – 380 p.
4. Barker E.R. *Buried Herculaneum*. – London: A. & C. Black, 1908. – 253 p.
5. Bailey J. From Public to Private: The Development of the Concept of the "Private" // *Social Research*. – 2002. – Vol. 69, № 1. – P. 15-31.
6. Bourdieu P. Lecture "About the State" from November 21, 1991. In: *Lectures at the College de France, 1991*.
7. Broglio G.P., Arnau A.C. Villas in Northern Italy. In: *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 178-194.
8. Casirani M. Il complesso tardoantico di Palazzo Pignano: Nuove acquisizioni dalla documentazione esistente e prospettive future – Текст: электронный. In: *Abitare nel Mediterraneo Tardoantico: Atti del II Convegno Internazionale del Centro Interuniversitario di Studi sull'Edilizia abitativa tardoantica nel Mediterraneo (CISEM): (Bologna 2-5 marzo 2016)*. – Santo Spirito: Edipuglia, 2018. – P. 333-338. – URL: https://www.academia.edu/42209742/Il_complesso_tardoantico_di_Palazzo_Pignano_Nuove_acquisizioni_dalla_documentazione_esistente_e_prospettive_future?auto=download (дата обращения: 19.05.2023).
9. Clarke J.R. *The Houses of Roman Italy, 100 B.C.–A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration*. – Los Angeles: University of California Press, 1991. – 411 p.
10. Croveri P., Fragalà I., Ciliberto E. Analysis of glass tesserae from the mosaics of the 'Villa del Casale' near Piazza Armerina (Enna, Italy). Chemical composition, state of preservation and production technology // *Applied Physics A*. Berlin: Springer Science+Business Media. – 2010. – Vol. 100. – P. 927-935. – URL: https://www.researchgate.net/publication/225572543_Analysis_of_glass_tesserae_from_the_mosaics_of_the_%27Villa_del_Casale%27_near_Piazza_Armerina_Enna_Italy_Chemical_composition_state_of_preservation_and_production_technology (дата обращения: 23.05.2023).
11. D'Arms J. H. *Romans on the Bay of Naples. A Social and Cultural Study of the Villas and their Owners from 150 B.C. to A.D. 400*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1970. – 264 p.
12. D'Arms J.H. Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: A Social and Economic Study // *The Journal of Roman Studies*. – 1974. – Vol. 64. – P. 104-124.
13. Fagan G.G. Socializing at the Baths. In: *The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World*. Oxford University Press, 2011. – P. 353-373.

14. Gardelli, P. Stabiae and the Beginning of European Archaeology: from Looting to Science // *Actual Problems of Theory and History of Art VII*, Saint Petersburg, 2016. – P. 681-690.
15. Gardelli, P., Barker, S., Fant C. Resti pavimentali in opus sectile nel tepidarium e nel caldarium di Villa Arianna a Stabiae // *Atti del XXI Colloquio Associazione Italiana per lo Studio la Conservazione del Mosaico*, Tivoli, 2016. – P. 439-448.
16. Gardelli, P., Butyagin, A. Villa Arianna, Stabiae: interventi di pulitura, scavo e restauro nell'ambiente 71 e nell'area esterna 73 condotti dal Museo Ermitage di San Pietroburgo // *Rivista di Studi Pompeiani XXIX*, 2018. – P. 213-218.
17. Habenstein A. Abwesenheit von Rom: Aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit, Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2015. – 361 p.
18. Howe T.N. The Social Status of the Villas of Stabiae. In: *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 97-119.
19. Kohn, M. *Brave New Neighborhoods. The Privatization of Public Space*. – New York: Routledge, 2004.
20. Kuzmanović Novović I., Janković M.A., Manojlović Nikolić V. Bathing in the Roman Province: Local Characteristics of Baths in Moesia Superior // *Istraživanja: Journal of Historical Researches*. Novi Sad. – 2019. – № 30. – P. 24-44.
21. Lancaster J. Book Review of Cadeddi on the Tellaro: A Late Roman Villa in Sicily and its Mosaics, by R.J.A. Wilson // *American Journal of Archaeology*. Chicago: The University of Chicago Press. – 2018. – Vol. 122, № 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326103256_Book_Review_of_Cadeddi_on_the_Tellaro_A_Late_Roman_Villa_in_Sicily_and_its_Mosaics_by_RJA_Wilson (дата обращения: 19.05.2023).
22. Lawson S. Conceptual Issues in the Comparative Study of Regime Change and Democratization // *Comparative Politics*. – 1993. – Vol. 25, № 2. – P. 183-205.
23. McKeon M. *The Secret History of Domesticity Public, Private, and the Division of Knowledge* Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2005. – 904 p.
24. Milnor K. *Gender, Domesticity and the Age of Augustus: Inventing Private Life*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 376 p.
25. Parsons S. Public/Private Tensions in the Photography of Sally Mann. *History of Photography*, 2008. – P. 123-136.
26. Riggsby A.M. “Public” and “private” in Roman culture // *The Journal of Roman Studies*. – 1997. – № 10. – С. 36-56.
27. Russel A. *The Politics of Public Space in Republican Rome*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 219 p.
28. Sennett R. *The Fall of Public Man*. – New York: Random House, 1976. – 416 p.
29. Smith, J. *Roman Villas: A Study in Social Structure*. – London: Routledge, 1998. – 416 p.
30. *The Villa of the Papyri at Herculaneum: Archaeology, Reception, and Digital Reconstruction*. – Berlin: De Gruyter, 2010. – 221 p. (дата обращения: 21.08.2023).
31. Wallace-Hadrill A. The Social Structure of the Roman House // *Papers of the British School at Rome*. – 1988, – Vol. 56. – P. 43-97. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40310883> (дата обращения: 23.04.2023).
32. Wallace-Hadrill A. The Social Structure of the Roman House // *Papers of the British School at Rome*. – 1988. – Vol. 56. – P. 43-97.
33. Wallace-Hadrill A. The Social Spread of Roman Luxury: Sampling Pompeii and Herculaneum. *Papers of the British School at Rome*. – 1990. – Vol. 5. – P. 145-192.
34. Warden P.G., Romano D.G. The Course of Glory: Greek Art in a Roman Context at the Villa of the Papyri at Herculaneum // *Art History*. – 1994. – Vol. 17, № 2. – P. 228-254.
35. Wilson R.J.A. Roman Villas in Sicily. In: *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 195-219.

36. Winterling, A. "Öffentlich" und "privat" im kaiserzeitlichen Rom // Schmitt, T., W. Schmitz, and A. Winterling (eds.), *Gegenwärtige Antike – antike Gegenwarten*. Kolloquium zum 60. Geburtstag von Rolf Rilinger. Munich: R. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2005, S. 223-244.

37. Zaccaria Ruggiu, A. *Spazio privato e spazio pubblico nella città romana*. Collection de l'École française de Rome. – Rome: École française de Rome, 1995. – 592 p.

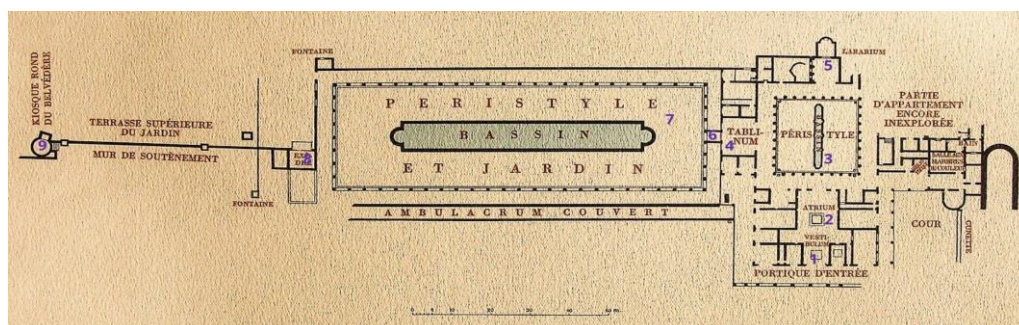
Список иллюстраций

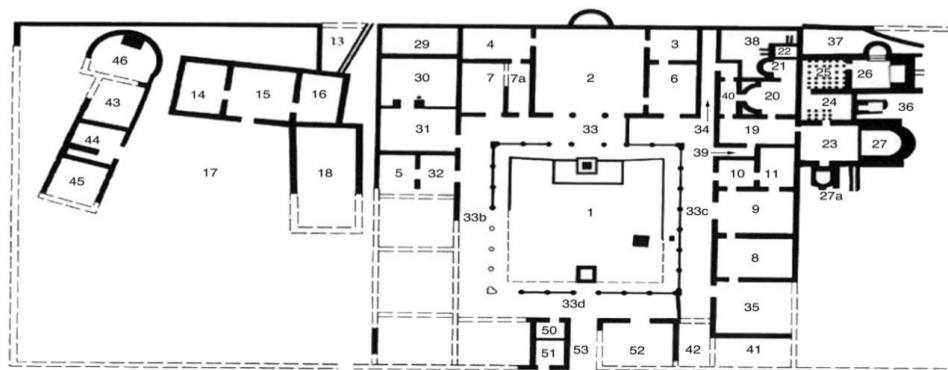
Илл. 1. План помещений виллы Сан Марко. Источник: Scavi archeologici di Stabiae. Pompeii. Soprintendenza Pompei, Castellammare di Stabia, 2016. P. 8–9.

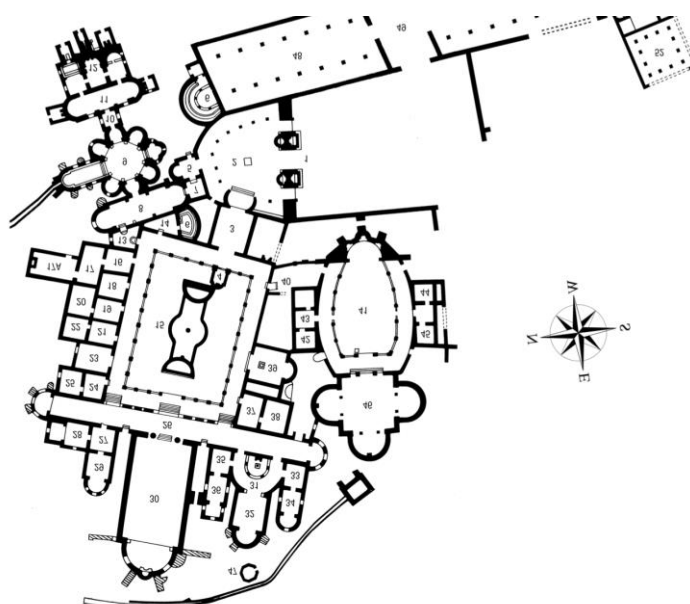
Илл. 2. План помещений виллы Ариадны. Источник: Le ville di Stabia. Parco archeologico di Pompei [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pompeiiisites.org/wp-content/uploads/mappa_villa_arianna-3.pdf. (дата обращения: 24.01.2024).

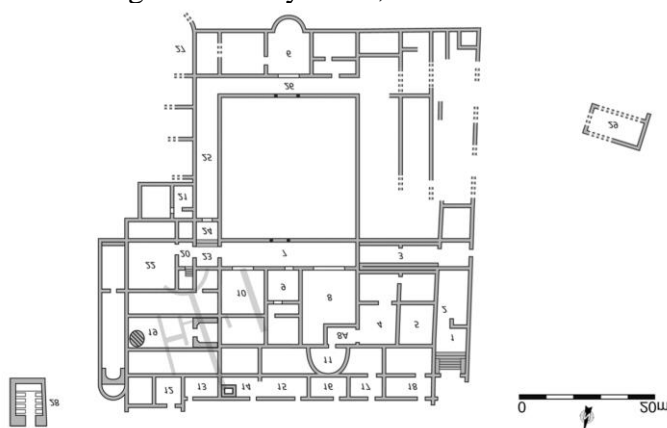
Илл. 3. План помещений виллы Папирусов. Источник: Plan de la villa des Papyrus, Herculaneum. Plan relevé au XVIIIe siècle par Charles Weber, republié par Amedeo Mauri en 1932. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://de.m.wikipedia.org/wiki/Datei:Maison_des_Papyrus.jpg.

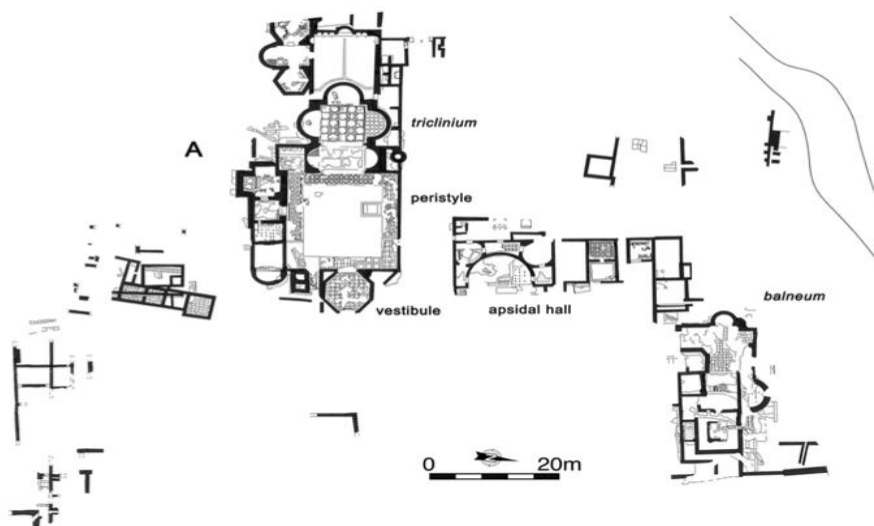
Илл. 4. План помещений виллы Кастрореале. Источник: Wilson R.J.A. Roman Villas in Sicily // The Roman Villa in the Mediterranean Basin / ed. by A. Marzano, G.P.R. Métraux. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – Ch. 12. – P. 195-219.

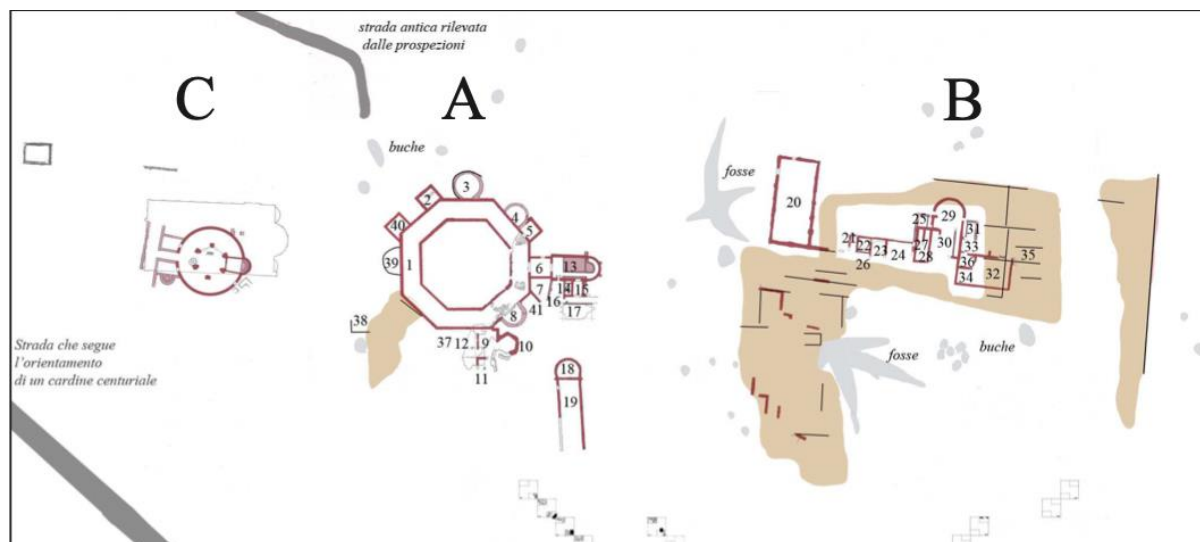
Илл. 5. План помещений виллы Дель Казале. Источник: Wilson R.J.A. Roman Villas in Sicily // The Roman Villa in the Mediterranean Basin / ed. by A. Marzano, G.P.R. Métraux. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – Ch. 12. – P. 195-219.

Илл. 6. План помещений виллы Каддеди. Источник: Wilson R.J.A. Roman Villas in Sicily // The Roman Villa in the Mediterranean Basin / ed. by A. Marzano, G.P.R. Métraux. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – Ch. 12. – P. 195-219.

Илл.7. План помещений виллы Дезенцано. Источник: Broglio G.P., Arnau A.C. Villas in Northern Italy // The Roman Villa in the Mediterranean Basin / ed. by A. Marzano, G.P.R. Métraux. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Ch. 11. P. 179.

Илл. 8. План помещений виллы Пиньяно. Источник: Sacchi F. La villa tardoantica di Palazzo Pignano (CR): campagne di scavo 2016-2018 // The Journal of Fasti Online. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fastionline.org/docs/FOLDER-it-2019-454.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

THE PUBLIC-PRIVATE CONTINUUM: ON THE ISSUE OF INDICATORS OF TRANSFORMATION OF THE PRINCIPATE

V.G. Telminov, *Associate Professor, Senior Researcher*

A.V. Barankova

**National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)**

***Abstract.** The article examines the relationship between the transformation of the political system, values and usages of the ancient Roman elite in the era of the Principate, on the one hand, and the structure of the space of a private estate, on the other. The 1st-4th centuries AD are taken as a time period. Based on the results of the analysis of the structure of the villas of the early Principate and the late Empire, the author concludes that by the end of the Principate, the clear zoning of space and the visual axis, which previously served as a demonstration of the prospects for social (client) mobility within the framework of political communication, disappeared. – the visitor", but with the concentration of power in the hands of the princeps, it has lost its meaning, and therefore villa owners are increasingly turning to the use of lateral axes expressing other political and cultural meanings, or completely refuse to introduce any gradation into the villas within the framework of a public-private gradient.*

***Keywords:** Ancient Rome, villae maritimae, Late Republic, Principate, political communication.*

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ПРАВОВОЙ ПОЗИТИВИЗМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Краснодарский университет МВД России
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-117-121

***Аннотация.** Представлены теоретико-исторические суждения автора о таких явлениях, как правовой нигилизм и правовой позитивизм в российской истории. Отмечается, что в России монархического периода длительное время во властных структурах не было выборных представителей от разных групп населения, имело место значительное сословное неравенство, что создавало условия для углубления правового нигилизма. Ситуация несколько улучшилась в советском государстве, но существенного перелома и доминирования правового позитивизма добиться так и не удалось. В настоящее время ситуация остается непростой, и для улучшения в России необходимо активнее развивать гражданское общество.*

***Ключевые слова:** Россия, нигилизм, позитивизм, население, законы, государство, власть, гражданское общество.*

Одной из важнейших особенностей длительного периода истории России, негативно влияющей на ее развитие, является правовой нигилизм большого числа населения. Такое положение обусловлено исторически сложившейся в нашей стране общественно-политической обстановкой. Речь идет прежде всего об институтах крепостничества и классической абсолютной монархии, долгое время имевших место в России, вплоть до середины XIX и начала XX вв. Между тем к этому времени критерии цивилизованности основывались на уже достаточно широком представительстве народа в формировании позитивного права, а также безусловном правовом равенстве всех людей.

В этом контексте российский абсолютизм в его самых абсолютных формах (действительное, фактическое полное сосредоточение в руках монарха всех ветвей государственной власти) до 1906 г., т.е. до образования Государственной Думы, (при том, что избирательное право было очень неравным, а парламент имел весьма ограниченные полномочия), вообще не предполагал участия подавляющего большинства населения в выработке общественных правил поведения, которыми оно, население, должно было руководствоваться.

Уже одно только такое устранение людей от этого процесса, помноженное на унижающее человеческое достоинство и строго охраняемое властями разделение людей по сословиям, настраивало «тягловое» население против тех законов (в широком смысле этого слова), которые им «сверху», т.е. государством, вменялось исполнять. Такой правовой нигилизм во много раз усиливался тем, что в принимаемых законах интересы низших сословий отражались в минимальной степени – именно в такой, чтобы сохранить эти сословия как источник существования высших сословий.

Сюда следует добавить нигилизм не только низших, но и части представителей высших сословий, которые, имея либерально-демократические убеждения, не могли соглашаться с существованием мажоритарно-консервативного самодержавия (например, Радищев, декабристы и др.). Нельзя также не отметить и того обстоятельства, что при государственном «безмолвии» населения должностные лица и прочие чиновники получали питательную почву для произвола, ибо государство не могло иначе поддерживать существующий государственный строй иначе, как путем жесткой вертикали власти, а такой подход всегда оборачивается соблазном «госуда-

ревых людей» воспользоваться своим положением в личных целях; отсюда – большие масштабы злоупотреблений (в этой связи следует заметить, что нынешний уровень коррупции в нашей стране также имеет давние корни).

И в целом в монархический период при отсутствии народного представительства в законодательном процессе негативный настрой широких слоев населения к позитивному (государственному) праву был вполне объясним. Соответственно такие понятия, как «законность», «верховенство права» и им подобные не могли проникнуть в психологию российского народа и закрепиться в нем как важнейший аспект позитивистского правового сознания, как это имело место в других странах. Напротив, большинство россиян воспринимали издаваемые государством законы скорее, как нечто направленное против них, чем то, что будет им помогать (в этом смысле наглядным является трудовое право конца XIX в.).

Такой правовой нигилизм сопровождал протестное движение. Рассмотрим для примера крестьянское движение Пугачева. Прежде всего напомним, что именно на вторую половину XVII-XVIII вв. приходится апогей в развитии крепостничества, которое, по выражению известного историка государства и права О.И. Чистякова, стало похоже на рабство [1, с. 216]. Между тем ко времени пугачевщины уровень цивилизации уже достиг рубежа, когда за каждым человеком признавались его естественные права, то есть, другими словами говоря, естественное право стало осознаваться, о чем свидетельствуют сочинения английских, голландских, французских мыслителей, а также преобразования буржуазного характера в ряде стран, включая принятие соответствующих актов позитивного права о гарантиях политических прав. Однако в России таких прав долго не было, и напротив, принимались решения, закреплявшие личную зависимость крестьян (характерным в этом отношении были, например, принятые в 1760 и 1765 гг. указы о ссылке крестьян помещиками в Сибирь – «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодаль-

ных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут» и «О праве помещиков отдавать неугодных им крестьян в каторжную работу» [2]). И хотя Пугачев вел за собой массы не под флагом борьбы за политические права человека (царь в России должен был остаться, но другой царь – добрый и справедливый), движущей силой, во всяком случае объявляемой Пугачевым и его соратниками народу, было стремление к улучшению жизни простых людей, которые не видели иного способа, кроме как восстания, которое формально являлось государственным преступлением, и Пугачев и многочисленные его соратники были объявлены преступниками, осуждены и многие казнены. С формальной точки зрения к государству претензий быть не должно, поскольку оно обязано было исполнять действующие законы, и соответствен Пугачева и его сподвижников на законном основании можно считать заурядными разбойниками. И преимущественно таковым он, собственно, и представлялся в дореволюционной России. В советский период Пугачев неизменно считался народным героем, его именем названы улицы практически в каждом городе нашей страны, а в Саратовской области есть и город Пугачев. Собственно, и сейчас россияне в большинстве своем склонны считать Пугачева народным заступником. Правда, оценки последних лет в исторической литературе более умеренные, но сам акт того, что Пугачева в разные периоды истории считают сначала преступником, а потом народным героем, свидетельствует о сложном противостоянии правового нигилизма и правового позитивизма.

В дальнейшем, в советском государстве, когда прежнее имперское право было полностью отвергнуто, правовой нигилизм был проявлен в абсолютном значении, а именно в опрокидывании всего социального порядка в стране. Попытки новой советской власти установить новую законность изначально наткнулись на два серьезных препятствия. Во-первых, российское население вошло в новую государственность со старой психологией правового нигилизма. Изменить же человеческую психо-

логию, а тем более искоренить ее за несколько лет невозможно, и в этом смысле, как нам представляется, не имело большого значения то обстоятельство, что новые предписания, новые социальные нормы исходили не от старой имперской, а от новой советской власти – в любом случае для рядового жителя эти предписания исходили «свыше», а не при его участии. Во-вторых, новое советское право стало формироваться не сразу, а через несколько-летний период «революционной целесообразности».

Указанный подход советской власти был, однако, зыбкой основой для укрепления правового позитивизма, учитывая, что советская власть для достижения провозглашенных целей использовала различные меры, включая массовые репрессии. Некоторое время такое положение не вызывало движений массовых протестов в тех масштабах, как это имело место в период империи. Тем не менее и в СССР протесты имели место. Речь идет, в частности, о демонстрации рабочих Новочеркасска в 1962 г. Недовольство властями имело место и в других регионах, хотя и в более скрытых формах (распространение анонимных листовок с содержанием типа «Долой позорное решение правительства!»), при этом причиной такого недовольства было, с одной стороны, повышение цен на некоторые продукты питания, и прежде всего мяса, а с другой – уже мало скрываемые привилегии партийно-советского аппарата [3, с. 550]. Возникшая стихийно демонстрация в Новочеркасске была пресечена, в том числе было применено огнестрельное оружие, в этом отношении действия государства в принципе не отличаются от расстрела, например, демонстрантов в «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., то есть и имперское государство, и советское государство действовало, исходя из норм позитивного права, которое расходилось с правом естественным.

Следует еще отметить, что воду на мельницу правового нигилизма стала лить советская теория государства и права, одним из важнейших положений которой было постепенное отмирание права (равно

как и государства) при коммунизме. Если право будет неизбежно отмирать, то надо ли уделять ему большое внимание?

Такой фон, конечно же, не способствовал развитию советского правового позитивизма. Вместе с тем здесь следует отметить, что для широких кругов советского населения данные теоретические аспекты большой роли не играли, поскольку они не были знакомы с такими тонкостями советской правовой науки.

Что касается народного представительства в формировании правовых норм, то в советском государстве оно имело место – в Верховном Совете СССР и верховных советах союзных республик в качестве законодателей были действительно самые что ни на есть народные представители – колхозники, инженеры, строители, механизаторы, военные, ученые и другие представители социальных групп, избираемые народом. В этом смысле советское государство сделало, несомненно, существенный шаг вперед.

Другое дело, что такое народное представительство страдало, как известно, запредельным формализмом, когда состав депутатов определялся по партийным нарядам. Другим фактором, определявшим распространение правового нигилизма в советском государстве, было конституционное положение (ст.6 Конституции СССР 1977 г. [4]) о руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе. Тем самым подспудно проводилась мысль о том, что партийное решение важнее и сильнее правового решения. А в жизни, как известно, было именно так.

Как видно, и в советском государстве было достаточных оснований, хотя и в меньшей мере, чем в империи, для развития правового нигилизма. Он проявлялся, в частности, в так называемом «телефонном праве», «блате», «нужных связях» и других явлениях подобного рода, позволяющих отставлять на задний план правовые нормы, принимаемые представителями самого же населения и которые должны были быть основными, главными, непреложными, но которые таковыми так и не стали.

Возникает вопрос: если в советском государстве также имел место правовой нигилизм, то почему же социальной порядок в советском обществе был достаточно прочным? Сторонники такого прочного социального порядка полагают, что о правовом нигилизме как характеристике общественного правосознания советских людей говорить нет оснований. Однако здесь, как нам представляется, происходит подмена понятий.

По нашему мнению, речь в данном случае идет о прогосударственном (приставка «про» здесь, на наш взгляд, необходима, поскольку, во-первых, она свидетельствует о верховенство государства над обществом, и, во-вторых, понятие «государственный порядок» не должно нести негативной нагрузки), а не о социальном порядке, поскольку действительно стабильные общественные отношения на протяжении нескольких десятилетий советского государства опирались на деятельность и силу государственных структур, которые, как и в период империи, имели жесткую вертикаль. Социальный же порядок предполагает стабильность общественных отношений, основывающуюся на гражданском согласии, которое государство только лишь реализует. Отсюда и имевшая место определенная стабилизация в стране, но и такая стабилизация завершилась распадом советского государства в 1991 г.

Таким образом, правовой нигилизм, порожденный в России отсутствием такого гражданского общества, которое определяло бы правовой позитивизм как домини-

рующую тенденцию, негативно влияет на состояние социального порядка. По сути дела, вся история России есть история правового нигилизма применительно к большинству населения страны. Для сведения этого негативного социального явления к минимуму и заменой его правовым позитивизмом необходимо на разных уровнях повышать уровень правосознания населения. Причем, как представляется, здесь не следует питать иллюзий и думать, что это удастся сделать за относительно короткий период – на это потребуются, очевидно, несколько десятилетий. Начало уже положено новейшим развитием российского государства – в Конституции России провозглашены правовое государство, отказ от партийных и иных идеологических монополий и другие положения, закрепляющие правовой позитивизм. Принимаемые для общества законы принимаются, и уже не формально, как в советский период, представителями всего народа. Вместе с тем на деле проявлений правового нигилизма еще немало. На наш взгляд, необходимо особое внимание обратить на правовое воспитание школьников, более широкое распространение правовой литературы. Свою ответственность в деле строгого следования законам должны взять на себя представители властных, и прежде всего выборных, структур – они должны стать своеобразным локомотивом, который будет продвигать всю страну от правового нигилизма к правовому позитивизму и соответственно от порядка прогосударственного к порядку социальному.

Библиографический список

1. История отечественного государства и права / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1996.
2. Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. – М., 1987.
3. История России. XX век / Отв. ред. В.П. Дмитриенко. – М., 1998.
4. Конституция СССР 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

LEGAL NIHILISM AND LEGAL POSITIVISM RUSSIAN SOCIETY IN HISTORICAL CONTEXT

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The author's theoretical and historical judgments about such phenomena as legal nihilism and legal positivism in Russian history are presented. It is noted that in Russia during the monarchical period, for a long time in the power structures there were no elected representatives from different groups of the population, there was significant class inequality, which created conditions for the deepening of legal nihilism. The situation improved somewhat in the Soviet state, but a significant change and the dominance of legal positivism were not achieved. Currently, the situation remains difficult, and to improve in Russia it is necessary to actively develop civil society.*

***Keywords:** Russia, nihilism, positivism, population, laws, state, power, civil society.*

СОВЕТСКАЯ ПЕНИТЕНЦИАРИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Краснодарский университет МВД России
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-122-126

Аннотация. В послевоенный период советская исправительно-трудовая политика стала претерпевать изменения, и особенно после смерти Сталина, когда началась хрущевская «оттепель» (с середины 1950-х гг.). Это касалось не только исправительно-трудового законодательства, но и научных воззрений – именно тогда была возрождена советская наука исправительно-трудового права (после фактической остановки ее развития с конца 1920-х гг.). И именно научные воззрения в значительной степени определили содержание нового исправительно-трудового законодательства, нормы которого анализируются в статье (речь идет прежде всего о таких из них, как Основы исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик (1969 г.), Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1970 г.). В целом дается научно-правовой обзор развития исправительно-трудового права, начиная с середины 1950-х гг. и заканчивая 1970 г., когда в СССР были сформированы основы исправительно-трудовой политики, действовавшие до конца существования советского государства.

Ключевые слова: исправительно-трудовое право, закон, кодекс, исправительно-трудовая система, постановление КПСС.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности и давшего негативную оценку политическим репрессиям, в советском государстве существенным образом стали меняться общественные отношения во многих сферах, и это коснулось прежде всего правоохранительной политики. Рассмотрим этот аспект подробнее применительно к исправительно-трудовому праву. В этой связи напомним, что в стране длительное время формально функционировал ИТК РСФСР 1933 г. [1], который сам по себе был в целом достаточно гуманный. Однако фактически исправительно-трудовые отношения регулировались совокупностью актов, издаваемых НКВД СССР и ГУЛАГом, которые, напротив, отличались своей жесткостью и даже жестокостью, что, собственно, во многом (наряду со столь же негуманной правоприменительной практикой) и дало основание негативно оценивать период конца 1920-х – середины 1950-х гг. в рассматриваемом контексте.

Знаменитый партийный съезд дал импульс для позитивных изменений. Так, складывающиеся общественные отношения в исправительно-трудовой сфере на

уровне закона были закреплены сначала в Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик от 11 июля 1969 г. [2], а затем в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР от 21 декабря 1970 г. [3]. Ниже мы коснемся содержания этих законов, а сейчас подчеркнем то обстоятельство, что с середины 1950-х гг. имело место возрождение науки исправительно-трудового права, исследования в рамках которой в СССР прекратились со второй половины 1920-х гг. И соответственно ранее разработке и принятию исправительно-трудового законодательства не предшествовали всесторонние (по нынешним понятиям) дискуссии в ученых кругах, где, собственно, и формируются законодательные концепции и составляются проекты соответствующих законов [4, с. 27].

И вот как раз характерной чертой нового исправительно-трудового законодательства стало привлечение ученых к обсуждению пенитенциарных проблем и разработке соответствующих решений. Так, в 1957 г. впервые за многие годы в Высшей школе МВД СССР была проведена научно-практическая конференция с приглашением

достаточно широкого круга по тем временам научных и практических работников, представителей общественности. На конференции были заслушаны и обсуждены доклады Б.С. Утевского и Н.А. Стручкова по основным проблемам исправительно-трудового права и законодательства об исполнении наказания [5]. Конференция послужила началом (после длительного перерыва) научно-исследовательской деятельности по проблемам исправительно-трудового права в ряде юридических вузов, научно-исследовательских институтов. После конференции начинается регулярная публикация соответствующих научных материалов в юридических журналах и отдельных изданиях. Достаточно сказать, что в период 1956-1961 гг. было издано около пятидесяти работ по исправительно-трудовому праву [6, с. 81] (в них, сразу заметим, отсутствовала дискуссия по концептуальным вопросам, которые в данной сфере общественных отношений, равно как и в других, изначально задавались партийно-государственными решениями и не могли подвергаться какой-либо критике).

Вслед за упомянутой конференцией в течение 1958-1961 гг. были проведены теоретические конференции по проблемам пенитенциарии в Ленинграде, Томске, Свердловске, Саратове и ряде других городов. Среди названных особо необходимо отметить конференцию, проведенную в Саратовском юридическом институте в 1960 г. по вопросам кодификации исправительно-трудового законодательства. Поддерживая линию на широкое привлечение общественности к делу исправления и перевоспитания заключенных, участники конференции обсудили и вопрос о правовых средствах, гарантирующих дальнейшее развитие этого начала в деятельности исправительно-трудовых учреждений. Участники конференции поддержали предложение о необходимости подготовки и принятия Основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик и республиканских исправительно-трудовых кодексов [7, с. 3-10]. Пенитенциарные проблемы стали предметом исследований таких известных ученых, как Н.А. Стручков, Н.А. Беляев,

В.П. Артамонов, А.Е. Наташев, И.А. Сперанский, И.В. Шмаров, М.Д. Шаргородский, Л.Г. Крахмальник и др. В 1957 г. был выпущен первый послевоенный учебник по исправительно-трудовому праву (авторы Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский). Существенный вклад в создание Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик внес выдающийся ученый-пенитенциарист Н.А. Стручков.

Однако научные изыскания, получившие тенденцию к расширению, в силу указанных выше причин не могли быть широкомасштабными, как это имеет место, например, сейчас. Нужно учесть также одностороннее влияние политико-идеологического фактора, что весьма наглядно проявилось, в упомянутом учебнике по исправительно-трудовому праву [8], где, в частности, с порога отвергался любой пенитенциарный опыт зарубежных стран. Серьезным образом ограничивала научные исследования по-прежнему имевшая место закрытость многих сведений, характеризующих исправительно-трудовую систему. Поэтому набиравшая силу наука исправительно-трудового права объективно была еще не в состоянии существенно повлиять на выработку принципов и, главное, содержание исправительно-трудового законодательства.

В литературе отмечается, что закрытость советской исправительно-трудовой системы от общества и соответственно от независимых исследователей привела, в частности, к тому, что вопросы, связанные с субкультурой осужденных, несмотря на их очевидную злободневность, не стали предметом научного анализа и соответственно не были своевременно разработаны предупредительные меры против начавшегося в 1960-е гг. активного распространения этой субкультуры [9, с. 164]. В целом в исправительно-трудовой системе к концу 1960-х гг. окончательно сложился тип советского учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы – это исправительно-трудовая колония. Как писал Н.А. Стручков, «жизнь показала правильность выбора этой формы» [10, с. 6]. Обратим здесь внимание на то, что

выбор был сделан практический. В 1950-х гг. в литературе достаточно убедительно, на наш взгляд, обосновывалась целесообразность использования исправительно-трудовой колонии в качестве основного места отбывания наказания в виде лишения свободы [11, с. 92-93]. К концу 1960-х гг. в колониях отбывали наказание 99,7% осужденных к лишению свободы [12, с. 143], что свидетельствует о том, что к тому периоду альтернативы исправительно-трудовой колонии уже не было.

После складывания определенной системы исправительно-трудовых учреждений центральные органы власти и управления уже реже обращаются к проблемам функционирования исправительно-трудовых учреждений в виде специальных, отдельных решений. Эти вопросы регулируются в рамках более общих вопросов правоохранительной деятельности. Так, 23 июля 1966 г. ЦК КПСС СССР и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по усилению борьбы с преступностью». Она обязывало ЦК компартии союзных республик, крайкомы и обкомы партии, Советы Министров союзных и автономных республик, исполкомы краевых и областных Советов депутатов трудящихся принять решительные меры к наведению образцового общественного порядка в городах, районах и населенных пунктах: обеспечить надежную охрану интересов государства и граждан от преступных посягательств хулиганов, воров, грабителей и других преступников.

Постановление нацеливало все эти органы на усиление воспитательной работы среди населения, особенно среди молодежи. 8 августа 1967 г. ЦК КПСС принял постановление о серьезных недостатках в работе Курской областной партийной организации по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью», в котором потребовал от всех территориальных органов активизировать работу по предупреждению и искоренению правонарушений на предприятиях, стройках, в коллективах трудящихся, больше оказывать помощь органам милиции в борьбе с нарушениями

правил общественного порядка и социалистического общежития. 23 февраля 1970 г. ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный образ жизни» [13]. 12 мая 1970 г. МВД СССР приказом №140 ввело в действие Инструкцию «О порядке исполнения органами внутренних дел Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик по вопросам борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

В этом же ряду следует назвать и следующее решение – 8 апреля 1967 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Указ, принятый, как официально сообщалось, по предложению общественных организации и коллективов трудящихся, устанавливал, что злостные пьяницы, уклоняющиеся от лечения, нарушающих трудовую дисциплину, общественный порядок и правила общежития «подлежат направлению в лечебно-трудовые профилактории для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок от одного года до двух лет». Вопрос о направлении рассматривался районным (городским) народным судом по ходатайству общественных организаций, коллективов трудящихся или государственных органов при наличии медицинского заключения. Постановление суда приводилось в исполнение органами охраны общественного порядка [14]. В контексте настоящей работы указанные решения важны в том смысле, что созданные на их основе ВТП (воспитательно-трудовые профилактории) и ЛТП (лечебно-трудовые профилактории) были включены в исправительно-трудовую систему, хотя, строго говоря, в этих учреждениях лица не отбывали наказания, а проходили принудительно курс социально-медицинского лечения.

Из специальных решений в завершающий этап рассматриваемого периода сле-

дует отметить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 мая 1970 г., в котором ставился вопрос совершенствовании воспитательной работы среди осужденных, укреплении кадрового состава исправительно-трудовых учреждений, расширении подготовки соответствующих специалистов, указывалось на недопустимость преобладания экономического фактора в деятельности исправительно-трудовых учреждений [15, с. 2-3]. Тем не менее роль экономического фактора продолжала оставаться достаточно высокой, и фактически, на практике, производственная задача по-прежнему превалировала над всеми остальными [16, с. 31], и отдельные исправительно-трудовые учреждения превратились, по сути, в хозяйствующие субъекты (ранее таковыми были управления исправительно-трудовых лагеря), а осужденные («спецконтингент»), как и ранее, проходили в государственной статистике по графе «рабочие».

Но, разумеется, это и иные направления деятельности исправительно-трудовых учреждений осуществлялись на новой законодательной базе. Так, новым уголовным законом (УК РСФСР 1960 г.) уже не предусматривалась возможность применения аналогии, отсутствовал классовый

признак, максимальный срок лишения свободы был сокращен с 25 до 15 лет. В санкциях нового УК РСФСР больше стало таких видов наказаний, как исправительные работы без лишения свободы, штраф. В исправительно-трудовом законе (ИТК РСФСР 1970 г.) было достаточно четко определено правовое положение осужденных, усилены гарантии их статуса, больше внимания стало уделяться воспитательной работе с осужденными. В трудовом использовании осужденных акцент стал делаться на развитие собственной производственной базы. Политико-идеологической основой исправительно-трудовой политики стало положение Программы КПСС о том, что каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к честной трудовой деятельности. Вместе с тем исправительно-трудовая система не до конца освободилась от недостатков, в частности, по-прежнему, хотя и в более мягкой форме акцент в деятельности исправительно-трудовых учреждений, как отмечалось, делался не на воспитательной работе, как требовали многие соответствующие документы, а на использовании осужденных в качестве дешевой рабочей силы на строительстве и эксплуатации промышленных предприятий.

Библиографический список

1. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 01.08.1933 «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
2. Закон СССР от 11.07.1969 N 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) // Ведомости ВС СССР. 1969. № 29. Ст. 247.
3. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 21 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.
4. Советское исправительно-трудовое право / Под ред. Н.А. Стручкова. – М., 1977.
5. Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.). – М.: ВШ МВД СССР, 1957.
6. Любарский А.Ф. Общественное мнение и его влияние на правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы и деятельность исправительных учреждений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
7. Познанский В.А. О кодификации советского исправительно-трудового законодательства // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. – Саратов, 1961. – С. 3-10.
8. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. – М., 1957.
9. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве / Под ред. В.Ф. Абрамкина. – М., 1996.
10. Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., 1972.

11. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М., 1958.
12. Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. – М., 1969.
13. СП СССР. – 1970. – № 4. – Ст. 26.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. №15. Ст.333.
15. К новой жизни. – 1970. – № 6. – С. 2-5.
16. Анисимов В.М. Централизованные и децентрализованные модели управления органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы, и возможности их реализации в свете Конституции Российской Федерации // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции Российской Федерации. – М., 1995.

SOVIET PENITENTIARY POST-WAR PERIOD

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *In the post-war period, Soviet correctional labor policy began to undergo changes, and especially after the death of Stalin, when the Khrushchev “thaw” began (from the mid-1950s). This concerned not only correctional labor legislation, but also scientific views - it was then that the Soviet science of correctional labor law was revived (after a virtual stop in its development since the late 1920s). And it was Scientific views that largely determined the content of the new correctional labor legislation, the norms of which are analyzed in the article (we are talking primarily about such of them as the Fundamentals of Corrective Labor Legislation of the USSR and Union Republics (1969), the Correctional Labor Codex of the RSFSR (1970). In general, a scientific and legal overview of the development of correctional labor law is given, from the mid-1950s to 1970, when the foundations of correctional labor policy were formed in the USSR, which were in force until the end. existence of the Soviet state.*

Keywords: *correctional labor law, law, code, correctional labor system, resolution of the CPSU.*

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В МУЗЫКЕ: РОЛЬ ПЕСНИ В ВЫРАЖЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ЭМОЦИЙ

Лю Сюаньцзы, магистр

Российский государственный педагогический университет А.И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-127-130

Аннотация. В статье рассматривается влияние различных условий и ограничений на пение в хоре. Пение подчиняется множеству факторов, таких как время исполнения, место, стиль, мастерство певца, структура полифонических партий и взаимодействие между вокалистами. Каждый голос в хоре играет свою уникальную роль, которая не может быть изменена во время выступления. В статье описываются особенности баса, контральто и фальцета, их уникальные характеристики и требования. Автор уделяет внимание полифонической структуре хора и его гоморитмичности, а также взаимодействию голосов в гармонии. Также в рамках статьи автор высказывает мнение о степени свободы и индивидуальности каждого певца, подчеркивая необходимость соблюдения гармонии и структуры в исполнении хоровых произведений.

Ключевые слова: вокалист, голос, хор, певец, подготовка, бас.

Пение подчиняется условиям и подчиняется порядкам ограничений, которые влияют на его форму и подчиняются ситуации, времени исполнения, месту и пространству для выступлений, мастерству, стилистическим нормам, уникальным для каждого пения, конкретным ролям полифонических партий, стилю каждого певца, грамматике, регулирующей набор полифонических частей, спектаклю и взаимодействию между вокалистами.

Каждая песня имеет свой характер, но также и каждый «голос», то есть каждая часть полифонического целого. Певец специализируется на любой из этих партий и ни при каких обстоятельствах не может менять их во время исполнения. На практике певец – это либо бас, либо контральто, либо тенор, либо сопрано. Партия баса требует от того, кто посвятил себя ей, особой устойчивости. Он должен быть настоящим басистом: то есть не ограничиваться пением низких тонов – в основном от 100 до 200 Гц – но иметь темный тембр и, прежде всего, не иметь слишком большого количества гармоник, потому что тогда его голос будет охватывать весь спектр и «съедать чужое пространство». Он должен обладать очень развитым относительным слухом и не иметь вибрато. Вибрато известно своим пагубным эффектом: оно вы-

зывает появление квинтины, то есть пятого слитного голоса, который рождается из гармонии всего хора, это верно для всех партий, но в случае с басом то же самое вибрато имеет дополнительный недостаток, заключающийся в том, что оно мешает контральто (и, как следствие, другим голосам), делая неточной фактическую высоту интонационной ноты [1].

Что касается партии контральто, она должна быть идеально стабильной: контральто – это колонна, «колонна» пения. Он направляет гармонию, правильно настраивая припев на один из двух аккордов, составляющих весь музыкальный репертуар. Таким образом, у него есть особая «грамматическая» функция.

По сравнению с предыдущими голосами, эта партия обладает некоторой стилистической свободой. Она может не только практиковать временные сдвиги, такие как ожидание, задержка или рубато, и, таким образом, «нарушать» аккорд, управляющий полифонической системой, но также может совершать определенные гири (мелодические движения). Обладателю этого голоса без колебаний можно предоставить большой авторитет, который, в свою очередь, должен подтвердить качество исполнения.

Фальцет звучит довольно свободно. От него ожидают, что он будет выделяться, входя с небольшой задержкой, особенно при каждом «запуске аккорда». О нем не говорят, что он «вишенка на торте», имея в виду его декоративную, а не структурную роль. Кроме того, хороший певец фальцетом должен быть устойчивым, что не всегда возможно, поскольку его сильно напористый голос сильно напрягает голосовые связки [2].

Пение вокалистов в хоре характеризуется своей полифонической структурой «в гармонии». В целом ансамбль гоморитмичен (т. е. ритмические артикуляции характерны для всех четырех голосов хора, и это несмотря на то, что ритм не подвергается регулярной пульсации). Таким образом, четыре голоса в хоре, в значительной степени параллельные, поют вместе, как будто под руководством воображаемого дирижера. Столкнувшись с этим правилом, певец любит сигнализировать о своем присутствии смещением, в частности, начиная мелодические гири до или после других. Таким образом, он передает свой дух недисциплинированности и отмечает свою гордую особенность певца: в течение нескольких десятых долей секунды он слышит себя сам по себе и отчетливо, как солист, поддерживаемый вокальным трио. Этот способ работы приемлем для великих певцов, которые практикуют его систематически. Но тем, у кого нет настоящего мастерства в пении, следует воздержаться от этого. Уточним, что, если каждому голосу доставляет удовольствие создавать такие несоответствия, хор теряет всякую четкость и быстро превращается в «звуковую кашу». В любом случае, и здесь уместно заслужить это право на уникальность.

Разница между голосами, которая существенно варьируется от исполнения к исполнению, по преимуществу является методом, доступным для оценки. Как это должно быть слышно? В некоторых случаях – довольно редких – это можно рассматривать как недостаток и признак определенной неуверенности; в других, наоборот, как признак высокого искусства. Но дело очень быстро усложняется, пото-

му что, что касается несоответствия, у каждой партии есть свои ограничения, а у каждого певца свой стиль, который, как мы увидим, довольно тесно связан с определенным образом общения между коллегами [3].

Но было бы неправильно рассматривать певца как независимую и изолированную личность. С одной стороны, каждый из них является неотъемлемой частью истории, звеном в которой он является лишь одним: такой-то поет пытается подражать другим исполнителям; такой-то является членом певческой семьи и имеет стиль своего дяди, деда, двоюродного брата и т. д. С другой стороны, как член хора, каждый певец по-своему переводит отношения, которые связывают его со своими товарищами, - и мы, конечно, вернемся к этому вопросу, который относится к исполнению.

Говоря о полифонической технике вокального творчества – и особенно об искусстве и способе связывания нот и аккордов – было бы неправильно думать, что музыкальный порядок, которым управляет эта грамматика, отличается от такового в предыдущих пяти порядках. Другими словами, нет необходимости проводить различие между, с одной стороны, компонентами, относящимися к ситуации, распределению ролей, стилям и т. д., и, с другой стороны, теми, которые подпадают под действие гипотетического «жесткого ядра» системы. С одной стороны, существуют внешние или вторичные ограничения (связанные с обстоятельствами, местом, стилем и т. д.), а с другой – внутренний и первичный музыкальный порядок: скорее шесть определяющих порядков, которые не являются непроницаемыми друг для друга и которые – каждый со своей стороны – может повлиять на структуру пения благодаря своей особой грамматике (если мы правильно понимаем под словом «грамматика» набор норм, делающих возможным музыкальное исполнение и, следовательно, дающих возможность совершать ошибки).

В вокальной практике есть шесть способов «ошибаться», и именно это в конечном итоге имеет значение. Стонатура

(ложная нота), очевидно, подпадает под действие грамматической ошибки в обычном смысле этого слова. Но не менее важно плоское исполнение (без «гири» со стороны тенора или слишком синхронное со стороны фальцета), которое подпадает под действие стиля. Точно так же в припеве голос с неадекватной тембровкой фол никогда не остается незамеченным [4].

Все это, очевидно, слышится как в пении, так и в поведении певцов. Что касается этих грамматик – или порядков грамматики – они находятся в тесной взаимосвязи. Таким образом, ложная нота или неправильный аккорд между голосами воспринимаются по-разному в зависимости от обстоятельств: вина одна и та же, но ей нельзя придавать одинаковое значение. Точно так же «экспериментальное» исполнение может быть приемлемым во время репетиции пения, но никогда в процессе непосредственного выступления на сцене.

Можно подумать, что любое исполнение должно строго соответствовать каждому из этих грамматических порядков и что сами эти порядки строго взаимосвязаны (другими словами: одному обстоятельству будет соответствовать конкретная хоровая организация, предназначенная для исполнения определенной песни и т. д.). Но на практике все обстоит так немного сложнее. По крайней мере, по трем причинам:

1. Между каждым из порядков существует определенная взаимосвязь, но не полная взаимосвязанность (например, певец может проявлять внимание к одному и не обращать внимания на другого); так что ни одно исполнение не является идеальным, и ни одно из них не имеет ценности стандарта. Однако каждая из них может быть оценена по подразумеваемой шкале. Шкала с несколькими критериями, аналогична той, которую, например, используют в жюри по фигурному катанию. И, как и в подобных жюри, эта шкалу не все понимают или интерпретируют строго одинаково [5].

Таким образом, хоровая постановка (как и внимательное прослушивание этой постановки) – это операция оценки и интерпретация. Именно по этой причине она

постоянно подвергается обсуждению. Но также необходимо знать, что не любое отклонение от нормы обязательно плохо. Можно сказать и наоборот, поскольку несоответствие позволяет как судить о качестве (обычном или исключительном) исполнения, так и заново обсуждать сам стандарт. Давайте также подчеркнем, что разрыв – это также пространство таланта или даже гения для некоторых выдающихся певцов.

Магнитофон – своеобразный инструмент: он только записывает звук, создавая впечатление, что музыка начинается с музыки. На самом деле выступление начинается до первых нот. Итак, давайте посмотрим на певцов, прежде чем они откроют рот, и на то, как они готовятся к пению. В количестве четырех человек они всегда располагаются одинаково: по кругу и от низкого до высокого. Пространственная ориентация круга остается сложной проблемой. В принципе, получатель сливается с центром круга, где пересекаются голоса. Но за пределами самого круга всегда есть адресат или даже аудитория. Певец, который особенно хочет, чтобы его услышали, обязательно предложит кругу повернуться к себе так, чтобы он находился в лучшем акустическом расположении. В результате в течение нескольких секунд хор ищет свою позицию и крутится сам по себе, как колесо, пытаясь разрешить первый конфликт, который ему предлагается.

На практике, чем престижнее и важнее пение, тем дольше длится ожидание, так что еще до того, как мы услышим первый аккорд, мы знаем, какая из трех песен «выйдет». Соответствующее расстояние между певцами также точно рассчитано и значимо. Если мы находимся в дружеских отношениях, расстояние может быть еще ближе: плечом к плечу, иногда обнимаясь бок о бок, певцы более интимно делятся своей гармонией. Так что достаточно взглянуть на их расположение, чтобы понять не только, находимся ли мы в ритуальной или светской ситуации, но и любим ли те, кто собирается петь, друг друга или становятся невыносимыми. Несколько сантиметров достаточно, чтобы выразить

страсть обоих порядков, и они обязательно будут интерпретированы.

Время подготовки к выступлению – время в принципе тихое, обставленное лишь несколькими короткими фразами: небольшими шутками, состоящими из двух или трех слов, призванных разрядить атмосферу; ни слова, если между певцами возникает напряженность, и особенно если это исполнение «с риском»; улыбки друж-

бы или вызова, глаза, направленные вверх (особенно со стороны фальцета, поющих на высоких частотах, в небо), вниз для баса и т. д.

Таким образом, наблюдение за певцами до того, как они запоют, уже многому учит нас о том, что должно произойти: ожидание – это прелюдия к сюжету, который будет разыгран и актеры которого нам известны.

Библиографический список

1. Мунтян, В.И. Пение а капелла в самодеятельном хоре / М-во культуры МССР. Респ. дом. нар. творчества. – Кишинев: Тимпул, 1972. – 22 с.
2. Красов, В.В. Хоровой вокализ в отечественной музыке: жанровые и стилевые особенности : диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. - Москва, 2020. – 160 с.
3. Дробышевская, Н.С. Специфика индивидуальной вокальной подготовки певца в профессиональном хоровом коллективе: из истории Придворной певческой капеллы: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. – Санкт-Петербург, 2013. – 196 с.
4. Чжао В. Конвергенция исполнительского и слухового опыта в хоровом обучении в современном Китае: диссертация ... кандидата педагогических наук : 5.8.2. – Санкт-Петербург, 2021. – 178 с.
5. Дыганова, Е.А. Формирование культуры самообразования будущего педагога-музыканта в процессе освоения дирижерско-хоровых дисциплин: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Казань, 2014. – 233 с.

EMOTIONAL EXPRESSION IN MUSIC: THE ROLE OF SONG IN THE EXPRESSION AND FORMATION OF EMOTIONS

Liu Xuanzi, *Master*

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The article examines the influence of various conditions and restrictions on singing in the choir. Singing is subject to a variety of factors, such as the time of performance, location, style, skill of the singer, the structure of polyphonic parts and the interaction between vocalists. Each voice in the choir plays its own unique role, which cannot be changed during the performance. The article describes the features of bass, contralto and falsetto, their unique characteristics and requirements. The author pays attention to the polyphonic structure of the choir and its homo rhythmicity, as well as the interaction of voices in harmony. Also, within the framework of the article, the author expresses an opinion on the degree of freedom and individuality of each singer, emphasizing the need to observe harmony and structure in the performance of choral works.*

Keywords: *vocalist, voice, choir, singer, preparation, bass.*

ГОЛОСА КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Чжан Цзяньфан, студент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-131-134

Аннотация. В этой статье которое глубоко затрагивает роль, которую играют песни в формировании культурных нюансов. Авторы обращаются к значимости музыкальной выразительности и ее воздействия на формирование как индивидуального, так и коллективного опыта в обществе. Особое внимание уделяется пониманию песни как мощного антропологического инструмента, который не только отражает, но и формирует представления о самоидентичности, интимности и чувствительности в культурном контексте.

Ключевые слова: вокалист, голос, песня, педагог, популярные песни.

Пение – это способ не быть одиноким, даже если вы составляете себе компанию, как тот, кто напевает песню, чтобы побудить себя продолжать свой путь. Иными словами, песня – один из тех кратчайших путей, какими бы извилистыми они ни были, по которым можно идти от себя к себе. То, что бросается в глаза, – это один из способов / голосов, с помощью которых к нему обращаются, рискуя поворотным моментом, обыденностью, тривиальностью, клише, своего рода «эпинальным» образом самого себя [1].

Если педагогам удастся прийти к единому мнению о том, что такое песня, признать, что то, что мы слушаем или поем, хорошо подпадает под жанр «песня», с другой стороны, трудно сказать, из чего она сделана и к чему конкретно она относится: что она переводит или означает. Достаточно ли того, что «все заканчивается песнями», следуя известному припеву из водевиля Фигаро «Женитьба» чтобы низвести их в сферу тщетности или легкомыслия, если не тривиальности, и тем самым отбросить их в низы иерархии культурные и художественные, каким-то образом лишая их какого-либо эпистемологического продвижения? Таким образом, второстепенное искусство, а не среднее искусство, просто песни, которые хорошо слышать или напевать, вряд ли подойдут для размышлений. Они были бы в меньшей степени таковыми, поскольку их про-

изводство, трансляции и тиражи, похоже, зависят, особенно в нашей культуре, от моды и средств массовой информации в такой же степени, как и от меркантильных и, следовательно, универсальных стратегий шоу-бизнеса. Несколько парадоксальное условие – их популярность, если под этим понимать, что они принадлежат к популярному жанру, который, по общепринятому мнению, должен был бы иметь противоположные корни, регулярность, стабильность, повторяемость, одним словом: фольклор. В зависимости от рынка культурных ценностей, песням на самом деле суждено было пройти мимо, как проходят краски времени. По этой ли причине мы каталогизируем их сегодня под рубрикой «разновидности» или когда-то мы относили их к категории «легкая музыка», выражение, которое до сих пор используется в Италии? Кроме того, их замкнутая и циклическая структура (припев / куплеты) никоим образом не помешала бы им стать основой памяти или истории, как и то, что с начала 1950-х годов называлось хитами популярной культуры, благодаря чему именно они попадают в воздух или вылетают из него [2].

Простое название песни может приобрести «стихотворную силу»: песня может быть далека от чистой ностальгии или пластичного отголоска ушедшего прошлого, в ней есть что-то неуловимое, что отвлекает ее от уходящего времени, возмож-

но, потому, что что она сама становится звуковым образом другого времени, которое не является ни временем воспоминаний, ни временем хронологии, и которое хотелось бы увидеть и почувствовать, как оно закручивается, чтобы пережить его снова, как время цветущей вишни...

Песня напоминает о времени, когда она поет; ее мелодия поет (очаровывает) то место, где она исполняется вокалистом. Каждый из нас, безусловно, испытал это на себе: мелодии проносятся у нас в голове, заставляют губы повторять слова, но мы не знаем, как и почему они преследуют нас и продолжают преследовать, равно как и не можем объяснить их внезапное и сбивающее с толку появление, иногда из глубины детства или века, иногда от мембран громкоговорителя, теперь от вибраций наушников плеера. Поэтому уместно задаться вопросом, что содержится в мелодии. Это, как принято говорить, и не так наивно, «мелодия времени»? Но из какой погоды сделана эта мелодия? Не будет ли это лишь «фоновым шумом истории»? Или же он будет транслировать только бурные события в обществе или, что более интимно, будет варить только отбросы чувствительности эпохи? Это явление воплощается до такой степени, что оно становится чувствительным для всех, двойная полярность или двойная привязанность языка: общая вещь или, если хотите социализированное начало, паутиная ткань наших отношений с другими, но также и предмет наших самых сокровенных размышлений и наших самых свободных фантазий. Как объяснить эту ускользающую сложность, которая затрагивает наши современные представления об обществе и личности? Какие конкретные точки перехода, доступные для этнографии, могут открыть к ним доступ?

Композиция, сценическое исполнение и слушающее и поющее сообщество – это три точки зрения, более или менее присутствующие и связанные в сюжете каждого исследования. Первый, если можно так выразиться, является внутренним для современной песни, процесс сочинения которой она намеревается осветить. Это своего рода простое «генетическое» исследо-

вание, но принимая во внимание тот факт, что песня редко является стихотворением, к которому мы добавляем музыку, или, если это так, мы хорошо знаем, что музыка всегда преобразует словесные данности, приспособляясь к ним. Мы не можем написать песню, не произнеся ее на внутреннюю мелодию, точно так же мы не можем прочитать ее текст, не переложив его на известный или придуманный тембр. Это правильная рекомендация: особенно не читайте песни как стихи, представьте мелодию, которая возвращает объекту, звучащему и понятному одновременно, его двойственность. Текст может быть (и чаще всего будет) плоским и стереотипным, но мелодия преображает его, заставляет резонировать и запечатлевает в памяти, ассоциируя с первым голосом, который заставил нас услышать, как единое целое конкретную трогательную песню. Огромная площадка, для которой лучшими руководителями являются сами композиторы и исполнители: Борис Виан, Марсель Амонт, Ги Беар и многие другие, писавшие о своем «искусстве делания» [3]. Если баланс слов и фраз кажется своего рода абстрактным идеалом, то популярность песен заставляет нас задуматься.

Во-первых, музыка допускает и даже называет языковые отклонения бессмысленными звуками. Затем, и самое главное, что между текстом и музыкой, между голосом и инструментальным сопровождением соотношение очень нестабильное. От безупречной и, следовательно, очень слышимой дикции, до мешанины, которая доминирует в определенном современном роке (который использование английского языка делает еще более непонятным), возможны все композиции. Но эта ненадежная сторона сочетания звука и смысла также была поводом для творческих моментов из-за очевидной конфронтации, если не конкуренции между певцом и музыкантом, или из-за слияния групп, которые, как и The Beatles, вместе прожили свой короткий творческий сезон и приложили руку к успеху. по всей производственной цепочке [4].

Современная протяженность популярной песни восстановила и возвысила мо-

мент исполнения на самых разнообразных сценах. Это вторая ситуация, которую мы решили исследовать. От ярмарки до гингеты, от интимного кабаре до гигантского плато, от театра в итальянском стиле до дружеского клуба или эстакад на общественном балу – одни и те же песни иногда дают о себе знать, чтобы их можно было услышать и увидеть. Но эти столь разнообразные пространства требуют разных видов исполнения и игры, вокальных и театральных, аудитории, движимой разными ожиданиями, и, прежде всего, отношений между слушателями и певцом, которые почти меняют свой характер. 1960-1970-е годы ознаменовались удивительным расцветом новых форм: наряду с сольным концертом, который достиг своего апогея – без вступительных партий новичков, развлекательных номеров и закуской, в которой выступали «артисты», – мы видим появление как неслыханной физической активности первых рокеров, так и «открытых сцен», на которых они выступали. Авторы, исполнители песен встречаются и обмениваются мнениями перед лояльной и активной аудиторией. Как бы то ни было, сами по себе эти постановки здесь являются зеркалами, в которых вырисовываются устойчивые преобразования. Электрический микрофон, изобретенный в 1920-х годах, так же необходим для развратных жестов рокера, как и для шепота певца или для взмахов и изгибов джазовой певицы, создавая впечатление, что не только голос, но и все тело вращается вокруг микрофона. Специальные эффекты – как звуковые, так и визуальные – превращают малейшую

загородную эстраду в зрелище и постепенно отрывают песню от танца, который был с ней так тесно связан [5].

Но эти решающие изменения ничего не лишают того эффекта общности, который песня способна создать, без сомнения, с тех пор как она существует. Напротив, они усиливают его радиус и увеличивают интенсивность. Песни, связанные с государственным устройством или профессией, несомненно, уже не имеют того значения, которое было у них, к примеру, 50 лет назад, и сегодня сохраняется практика их исполнения, в том числе хорового.

Несомненно, различные технические этапы записи глубоко изменили отношение к песне до такой степени, что можно было подумать, что она индивидуализирована. Фактически, общение в песнях и с песнями никогда не было таким интенсивным, а их способность передавать язык биографических, критических и запутанных моментов – любви, подростковой ярости, меланхолии ... – никогда не была такой мощной. С другой стороны, смена поколений во времена вокалистов сегодня сильнее и очевиднее, чем когда-либо, она кристаллизует страсть фанатов, она является источником зрелищной ностальгии, которая становится доминирующей, почти обязательной призмой коллективной памяти. Далеко не исчерпывая граней многогранного объекта, которым является песня, нашей обновленной «мелодией времени», эти точки зрения, которые современными вокалистами уточняются и обогащаются, требуют дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Вознесенская, А.Р. Аранжировки и переложения популярных песен для вокального коллектива: хрестоматия. – Казань: Казанский государственный институт культуры, 2017. – 164 с.
2. Колесник, А.С. Репрезентации прошлого в британской рок-культуре 1960-1980-х годов: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Москва, 2017. – 348 с
3. Попова, Л.М. Смыслообразующие основания песенного творчества в формировании культуры личности: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Белгород, 2012. – 159 с.
4. Снежинская, М.Г. Музыкальная индустрия как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.06. – Москва, 2019. – 226 с.
5. Ильичева, О.С. Развитие песенной культуры в постсоветский период: региональный аспект: региональный аспект: диссертация ... кандидата исторических наук: 24.00.01. – Волгоград, 2020. – 185 с.

**VOICES OF CULTURE: A STUDY OF EMOTIONAL EXPRESSION
IN MUSICAL ART**

Zhang Jiangfang, *Student*
The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Russia, St. Petersburg)

***Abstract.** This article takes a deep dive into the role songs play in shaping cultural nuances. The authors address the significance of musical expression and its impact on the formation of both individual and collective experience in society. Particular attention is paid to understanding song as a powerful anthropological tool that not only reflects, but also shapes ideas about self-identity, intimacy and sensitivity in a cultural context.*

***Keywords:** vocalist, voice, song, teacher, popular songs.*

ТРАДИЦИОННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Гу Тяньчи, аспирант
Российский университет дружбы народов
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-135-137

Аннотация. В рамках статьи автором рассматриваются вопросы, касающиеся понимания сущности традиционной праздничной культуры, её функций и содержательных сторон. Обсуждаются исторические, религиозные, социокультурные аспекты, роль ритуалов, место символов и их значение. В процессе раскрытия темы делается акцент на социальной сплоченности, передаче культурных ценностей, адаптации традиций в условиях глобализации, что подчёркивает их устойчивость, высокую значимость.

Ключевые слова: адаптация, глобализация, историческая преемственность, культурные ценности, ритуал, символ, социальная сплоченность, традиционная праздничная культура.

В современном понимании концепция традиционной праздничной культуры представлена разного рода проявлениями – речь идёт о ритуалах, обычаях, социальных практиках, которые предусматриваются для празднования знаменательных событий. Это достаточно глубоко укоренено в общественной структуре, отражая исторические, религиозные, социокультурные аспекты, которые развивались на протяжении столетий. Хотя сами рассматриваемые события существенно различаются по форме и содержанию, они повсеместно служат средством укрепления сплоченности, трансляции ценностей, обеспечения чувства преемственности, а также самобытности.

Прежде всего, целесообразно остановиться на характеристике дефиниции. При формулировке определения необходимо отметить, что традиционные праздники – это периодические события, которые прочно вошли в культурную и социальную жизнь общества; они, как правило, имеют исторические корни и сопряжены с сезонными циклами, религиозными событиями, важными вехами. В отличие от светских праздников, которые устанавливаются, главным образом, государственными учреждениями и не обладают ярко выраженными историческими основами, традиционные обычно особенно богаты

символическим наполнением, смыслом и социокультурным значением [5].

Что касается формулировки определения традиционной праздничной культуры, то она представляет собой совокупность обычаев, церемоний, ритуалов, символов, проявлений искусства, которые сопряжены с отмечанием праздников и имеют устоявшееся значение в определённой культурной или национальной общности. Сами традиции передаются (хронологический аспект), формируя уникальную идентичность, а также сплочённость общества; они служат способом сохранения наследия, исторической памяти [3].

В рамках раскрытия сущности рассматриваемой разновидности праздничной культуры уместно обращение к функциональному подходу. Так, функции традиционных праздников выражаются через:

- обеспечение социальной сплоченности;
- передачу культурных устоев и веяний;
- ритуалы, символизм;
- поддержание психосоциального благополучия [1].

Так, говоря о сплочённости, важно подчеркнуть, что праздники объединяют людей, укрепляя общественные связи, коллективную идентичность. Участие в общих ритуалах, обычаях, мероприятиях

содействуют укреплению чувства принадлежности, единства.

Празднование по традиционным форматам предоставляет своего рода платформу для трансляции культурных ценностей от одного поколения к другому (межпоколенческий уровень). Как представляется, данный процесс помогает сохранить наследие общества.

Многие праздники «пропитаны» ритуалами, сопровождаются укоренившимися символическими действиями, которые передают более глубокие значения, связанные с такими категориями, как:

- жизнь;
- смерть;
- плодородие;
- обновление и прочие фундаментальные аспектами человеческого существования.

Наконец, одно из определяющих мест (в функциональном контексте) отводится психосоциальной составляющей. Особый характер праздников включает в себя элементы радости, торжества, общественной поддержки, способствующие эмоциональному и психологическому благополучию людей.

Благодаря охарактеризованному выше функциональному подходу складывается представление не только о самих функциях традиционной праздничной культуры, но и о её содержании. Речь идёт о:

- конкретных ритуалах, обычаях;
- символах, их значении;
- сезонность, циклах [4].

Так, в основе заложены определённые ритуалы, обычаи, которые сильно различаются в тех или иных обществах. Форматы весьма вариабельны – религиозные церемонии, пиршества, танцы, музыка, выполнение действий, что передавались из поколения в поколение. Например, китайский Новый год сопровождается серией ритуалов, направленных на привлечение удачи, процветания (уборка домов, чтобы смести неудачу, и запуск петард – нужно отогнать злых духов).

В свою очередь, символы играют ключевую роль в традиционной праздничной культуре. Они зачастую наполнены специфическими значениями. К примеру, рож-

дественская ёлка в западных традициях символизирует жизнь и обновление посреди зимы. В индийских празднованиях фестиваль Дивали (огней) сопровождается фейерверками как символом победы света над тьмой и добра над злом.

Также целесообразно отметить, что многие традиционные праздники сопряжены с сельскохозяйственным календарём и сменой времён года. Эта связь подчеркивает зависимость человека от природы, жизненных циклов. Фестивали урожая (День Благодарения в США, Праздник середины осени в Китае) прославляют щедрость земли, а также важность успехов в сельском хозяйстве.

С позиций эволюции и адаптации сущность традиционной праздничной культуры раскрывается через следующие аспекты:

- историческая преемственность, перемены;
- глобализация;
- изменения в культурном обмене;
- устойчивость, возрождение [2].

Так, хотя традиционные праздники характеризуются прочными историческими корнями, они не статичны. С течением времени их «приспосабливают» к меняющимся социальным, политическим, экономическим условиям. Например, Рождество превратилось из преимущественно религиозного в широко отмечаемый культурный праздник (с ярко выраженными светскими элементами: дарение подарков, коммерциализация).

В современную эпоху глобализационных трансформаций активизируется и усиливается обмен культурными практиками, интенсивно включаются новые компоненты в традиционные празднования. Это сказывается на возникновении и укоренении гибридных форм, в которых сочетаются элементы разных культур. Хэллоуин, первоначально кельтский праздник, стал популярным во многих странах за пределами региона своего происхождения, «впитав» в себя местные обычаи.

Невзирая на достаточно мощное давление модернизации, глобализации, ряд традиционных праздников продемонстри-

ровал удивительную устойчивость. В некоторых случаях наблюдается даже возрождение интереса к традиционным практикам, поскольку общины стремятся восстановить связь со своим наследием. Это обнаруживается, к примеру, в усилении интереса к фестивалям, ритуалам коренных народов (часто как часть более обширного по масштабам движения за сохранение и прославление культурного разнообразия).

Таким образом, традиционная праздничная культура – многоаспектный, весьма интересный (в исследовательском ракурсе) и динамичный аспект жизни общества. Соответствующие торжества служат укреплению социальных связей, передаче культурных ценностей, обеспечению чув-

ства идентичности, преемственности. Несмотря на то, что характеризуемые нами праздники уходят корнями в далёкое прошлое, они не застрахованы от изменений (при наличии даже самого прочного «фундамента»); развиваются и адаптируются к новым контекстам, влияниям, веяниям времени. Невзирая на разного рода трансформации, основная суть – выражение коллективных ценностей, развитие социума, празднование жизненных циклов – остаётся неизменной. Поскольку глобализация продолжает формировать наш мир, устойчивость и адаптируемость традиционных празднований подчёркивают их непреходящее значение в человеческой культуре.

Библиографический список

1. Бабичева О.Ю. Основные факторы бытования традиционной праздничной культуры / О.Ю. Бабичева // Научная палитра. – 2020. – № 3 (29). – С. 36.
2. Золотова Т.Н. Празднично-обрядовая культура в сохранении традиционных ценностей и укреплении национального единства / Т.Н. Золотова // Историко-культурное наследие как механизм укрепления единства российской нации на приграничных территориях России с Казахстаном. Сборник научных трудов. – Омск, 2021. – С. 127-178.
3. Камина Д.А. Традиционные формы празднично-обрядовой культуры кубанского казачества / Д.А. Камина // Научная палитра. – 2023. – № 2 (40). – С. 55-57.
4. Рогова Е.Ю. Традиционная праздничная культура в современной России / Е.Ю. Рогова, А.В. Мацерук // Традиции и инновации в пространстве современной культуры. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2021. – С. 140-144.
5. Толмачева А.П. Праздничная культура современной России: ее истоки и процесс трансформации / А.П. Толмачева // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72-7. – С. 32-35.

TRADITIONAL HOLIDAY CULTURE: CONCEPT AND ESSENCE

Gu Tianchi, *Postgraduate Student*

Peoples' Friendship University of Russia
(Russia, Moscow)

Abstract. *Within the framework of the article, the author discusses issues related to understanding the essence of traditional festive culture, its functions and content aspects. Historical, religious, sociocultural aspects, the role of rituals, the place of symbols and their meaning are discussed. In the process of revealing the topic, emphasis is placed on social cohesion, the transfer of cultural values, and the adaptation of traditions in the context of globalization, which emphasizes their sustainability and high importance.*

Keywords: *adaptation, globalization, historical continuity, cultural values, ritual, symbol, social cohesion, traditional festive culture.*

МИКРОГРУППЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩУЮ СПЛОЧЕННОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

И.А. Осинкина, студент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-6-138-140

***Аннотация.** В работе были изучены механизмы формирования микрогрупп в образовательном коллективе и их влияние на результативность коллектива. Психологические аспекты формирования малых коллективов внутри более большого коллектива предположительно могут оказывать негативное влияние на общие показатели результативности. По результатам работы было определено, что в образовательном коллективе присутствие микрогрупп дает в большей степени положительных результат, что обусловлено специфичностью постановки цели работы данного коллектива, так как общая результативность в этом случае зависит не от результатов выполнения общего дела, а от суммы результатов выполнения отдельных целей отдельными представителями коллективов.*

***Ключевые слова:** социальные группы, малые социальные группы, микрогруппы, микроклимат в коллективе, коллективная результативность.*

Человек, согласно классическому определению, является био-социо-духовным существом. Его потребность в социальной жизни выражается в общении и взаимодействии с окружающими людьми. Процесс становления человека как члена общества называется социализацией, и имеет в современном мире не меньшее значение, чем благополучное физическое развитие: в истории известны случаи, когда человек с раннего детства оказывался оторван от общества и рос с животными в дикой природе, и, хотя с биологической точки зрения он оставался человеком, зачастую такой ребенок уже не мог полностью адаптироваться в обществе и стать его полноправным членом.

Все общество в целом принято делить на группы, которые формируются в зависимости от качеств и интересов входящих в нее людей. Стоит предполагать, что первыми социальными группами в первобытном обществе были семьи: члены одной семьи совместно охотились, строили укрытия, поддерживали общий очаг и делили пищу. Но по мере развития, такие группы начинали взаимодействовать между собой, образуя племена и общины, что помогало им более эффективно охотиться и защищаться от врагов и хищников [1].

Считается, что потребность в эффективном взаимодействии между членами первичных групп и привела к развитию речи. Человек, оторванный от своей группы или изгнанный из нее, уже не мог эффективно защищаться и добывать пищу и был обречен на гибель. То есть, зарождение общества в виде племен позволило людям выжить и развиваться [2].

В процессе развития численность групп росла и в них стали появляться другие, малые, группы. На пример в Древней Индии все общество делилось на социальные слои: касты. Подобное деление присутствовало практически во всех государствах. Позднее стали создаваться общества по профессиям: гильдии ремесленников, военные, чиновники и т.д. В современном мире групп невероятное множество и каждый человек принадлежит сразу ко многим: например, кто-то может являться студентом, при этом состоять в обществе любителей поэзии Гёте и заниматься паркуром по вечерам – все это отдельные социальные группы.

Все группы принято делить на большие и малые. В больших группах люди не знакомы между собой, как например сотрудники международной корпорации. В малой

же группе, все ее члены между собой знакомы [3].

Примером малой группы можно считать одну академическую группу в институте. Как и любой группе, ей присуще характерные признаки:

- Она представляет собой людей, объединенных определенной целью (получение высшего образования);

- Присутствует официальный лидер (староста);

- Все ее члены осознают свою принадлежность к данной социальной группе;

- Присутствуют определенные межличностные отношения.

Однако и в такой группе можно выделить микро-группы: объединения двух-трех человек, имеющих схожие взгляды и общие интересы. Обычно такие микро-группы начинают складываться с первого курса, зачастую их члены находятся в

дружеских отношениях и проводят вместе довольно много времени. Однако возникает вопрос: способствует ли подобное деление общей сплоченности коллектива и достижению им результатов или же наоборот разобщает людей?

Для выяснения вопроса наличия микро-групп был проведен социологический опрос среди студентов 1-4 курсов разных российских институтов, а также учеников 11 класса (так как за годы совместного обучения в них наиболее вероятно сложились подобные микро-группы)

Всего в опросе приняло участие 470 человек, из них 50 (10,6%) учеников 11 класса, 150 (31,9%) студентов 1 курса, 80 (17%) – 2, 90 (19,1%) – 3 и 100 (21,3%) – 4. На вопрос: присутствуют ли в их коллективе микро-группы, положительно ответило 370 (78,7%) опрошиваемых, отрицательно – 100 (21,3%) (рисунок).

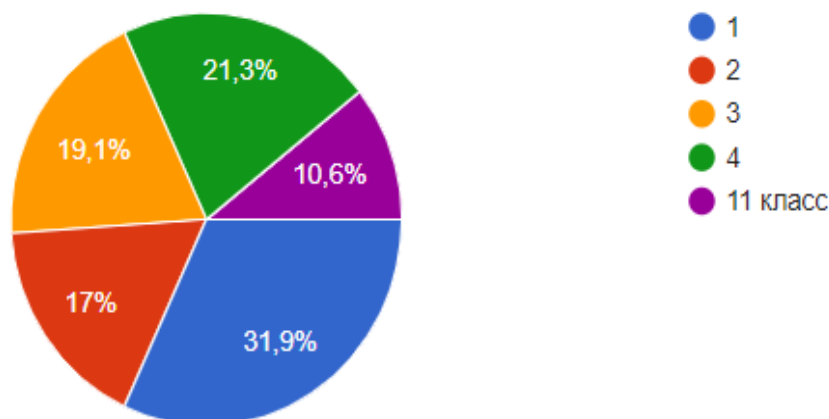

Рис. Деление на малые группы в академических коллективах разного возраста

Наиболее частыми вариантами микро-группы были названы: группы по интересам, люди, активно занимающиеся наукой, активисты, спортсмены. Итак, можно с определенной уверенностью сказать, что деление на микро-группы присутствует в большинстве академических групп. Остался вопрос положительного и отрицательного влияния их на общую сплоченность и результативность коллектива.

На эффективность групповой деятельности напрямую влияет сплоченность коллектива, которая определяет внутренний микроклимат и готовность членов к совместной работе. Именно поэтому резуль-

тативность эффективно действующей группы выше суммы эффективности ее отдельных членов, за счет распределения обязанностей между более квалифицированными в различных областях членами группы. Для получения действенных результатов необходимо правильно организовывать коллектив и обучать его навыкам совместной работы.

С этой позиции, создание микро-группы внутри коллектива способствует разобщению коллектива, ведь деятельность микро-группы будет направлена на их эффективную работу и снижает общую ре-

зультативность и в целом заинтересованность в результате.

Однако, если брать коллектив институтской академической группы, то микрогруппы могут оказывать крайне положительное влияние. Ведь у такого коллектива нет конкретной общей цели работы: получение знаний является целью, как всей группы, так и каждого отдельного студента. В таком случае, сплоченные микрогруппы, в которых развита взаимопомощь, являются эффективной ячейкой реализации цели, так как, во-первых, студенты готовы помогать друг другу в эффективном получении знаний: объяснять непонятный или пропущенный материал, вместе делать трудные задания, во-вторых, наличие такой поддержки положительно

сказывается на психо-эмоциональном состоянии человека, что, разумеется, играет положительную роль.

Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что микрогруппы присутствуют практически в любом коллективе и играют значительную роль: могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на сплоченность и результативность деятельности в зависимости от целей коллектива. В контексте же образовательной группы наличие малых групп оказывает малое негативное и довольно сильное позитивное влияние на общую результативность коллектива, что обусловлено спецификой постановки цели работы такого коллектива.

Библиографический список

1. Сидоренков А.В. Микрогрупповая концепция: психология малой группы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2004. – №3.
2. Мондрус А.Л. Деятельно стная и социально-психологическая сплоченность малой группы и неформальных подгрупп // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2008. – №2.
3. Ульянова Н.Ю. Взаимосвязь социально-психологической и предметно-деятельностной эффективности и сплоченности производственных групп // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – №3.

MICROGROUPS IN THE EDUCATIONAL STAFF AND THEIR INFLUENCE ON OVERALL COMMONITY AND PERFORMANCE

I.A. Osinkina, *Student*
Volgograd State University
 (Russia, Volgograd)

Abstract. *The work examined the mechanisms of formation of microgroups in an educational team and their impact on the team's performance. The psychological aspects of forming small teams within a larger team can presumably have a negative impact on overall performance indicators. Based on the results of the work, it was determined that in an educational team the presence of microgroups gives a more positive result, which is due to the specificity of setting the goal of the work of this team, since the overall effectiveness in this case does not depend on the results of completing a common task, but on the sum of the results of achieving individual goals by individual representatives of the teams.*

Keywords: *social groups, small social groups, microgroups, microclimate in the team, collective performance.*

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Э.Д. Гаврилова, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-141-143

Аннотация. Автор обосновывает необходимость комплексного проведения государственно-правовой политики в сфере развития традиционных семейных ценностей, ее структуру (субъекты, цели, формы, средства). Сформулированы соответствующие социально-экономические, идеологические, организационно-управленческие меры. Автор раскрывает трансляторы семейных ценностей и предлагает ввести в школьные программы предмет «Традиционные семейные ценности России». Проанализирована идея создания министерства, ответственного за вопросы демографического развития.

Ключевые слова: правовая политика, государственная семейная политика, духовно-нравственные ценности, крепкая семья, защита семьи.

Напряженная международная обстановка, рост негативного воздействия либеральной западной идеологии представляют угрозу национальной безопасности России. Вместе с тем, думается, что традиционные российские духовно-нравственные и семейные ценности, являющиеся оплотом многонационального российского народа, выступают ключевым сдерживающим началом для нейтрализации данных угроз.

Вызовы национальной безопасности РФ в 2020 году нашли ответ в конституционных поправках 2020 года о развитии духовного потенциала детей и приоритете их семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Действующей Стратегией национальной безопасности РФ предусмотрено, что приоритетным вопросом государственной демографической политики является крепкая семья как российская традиционная ценность, требующая сохранения и поддержки. В 2024 году Президент РФ в Послании к Федеральному Собранию РФ отметил, что защита и укрепление семьи - основной нравственный выбор России; крепкая многодетная семья должна быть нормой в российском обществе; должен быть реализован национальный проект «Семья» [1].

В юридической литературе высказано мнение, что традиционные семейные ценности могут стать подлинной основой

жизни российского общества при их интеграции в правовую систему [2, с. 3].

На наш взгляд, для становления традиционных семейных ценностей как фундаментальной основы консолидации общества они должны осознаваться и внутренне приниматься человеком в качестве личностных смыслов деятельности. В этой связи следует выделить два этапа формирования традиционных семейных ценностей:

- 1) как духовно-нравственных ценностей;
- 2) как защищаемых и охраняемых законом благ, потребностей и интересов.

В качестве духовно-нравственных ценностей традиционные семейные ценности представляют собой исторически сформированные и передающиеся из поколения в поколение цели, принципы и правила поведения, обеспечивающие рождение детей, их семейное воспитание и готовность к общественно полезному труду на благо семьи, общества, страны. Ряд авторов относит к традиционным семейным ценностям, например, прочную семью, отцовство, материнство, брак, любовь, взаимную помощь и доверие, детей, солидарность и преемственность поколений и др. [3, с. 74].

Как объекты правоотношений традиционные семейные ценности являются нематериальными благами, подлежащими пра-

вовою защите, а также определяющими лично-доверительный и преимущественно неимущественный характер отношений между членами традиционной российской семьи.

Решение проблемы сбережения и развития традиционных семейных ценностей требует комплексного проведения государственно-правовой политики, основными субъектами которой выступают Президент РФ и органы публичной власти, общественные и частные организации, формой – правотворческая (например, принятие Семейного кодекса РФ), и правоприменительная (например, решение об установлении отцовства).

К целям правовой политики в сфере развития традиционных семейных ценностей относятся стимулирование рождаемости, сохранение традиционной семьи как ячейки общества, повышение качества жизни и воспитания творческой личности, труженика на благо страны. К средствам правовой политики в данной сфере относится совокупность мер, принимаемых субъектами правовой политики и направленных на решение стоящих перед ней целей и задач. Их можно подразделить на социально-экономические, идеологические и организационно-управленческие.

Социально-экономические меры представляют собой повышение доходов семьи и стимулирование рождаемости, дополнительные пособия и меры поддержки многодетных и молодых семей (в том числе региональные), расширение сферы действия материнского капитала, существенное удешевление ипотечных жилищных программ и упрощение оформления участия в них, увеличение стандартных и социальных налоговых вычетов. Особенно важными являются меры по улучшению диагностики и лечения современных заболеваний, уходу за пожилыми людьми.

К идеологическим мерам правовой политики в сфере развития традиционных семейных ценностей следует отнести усиление престижа и значимости традиционной семьи, в которой мать и отец, любящие своих детей, передают им традиции бережного отношения к семье, детям, домашнему очагу, стране и Родине. Жизнен-

ные ориентиры закладываются в первую очередь в процессе семейного воспитания, а поэтому родители – это первые воспитатели и трансляторы традиционных семейных ценностей.

Вторым транслятором традиционных семейных ценностей является образовательная среда: школы, училища, техникумы и вузы. В равной мере важны как содержательный компонент учебных программ, так и нравственный облик педагога. В российской системе образования увеличивается количество часов преподавания «Истории России», вводятся обязательные дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики», «Основы российской государственности». Предлагаем ввести в школьные программы предмет «Традиционные семейные ценности России».

Третьим транслятором традиционных семейных ценностей является научное сообщество и учреждения культуры, которые обобщают достижения отечественной культурно-досуговой практики и с учетом лучших мировых достижений показывают величие страны, гордость за её судьбу и людей, укрепляют традиционные духовно-нравственные ценности. Например, госказ на отечественные патриотические фильмы или выставка «Россия».

К организационно-управленческим мерам следует отнести создание, реорганизацию и совершенствование деятельности органов публичной власти и институтов гражданского общества. Так, в частности, 26.04.2024 прошло заседание Совета законодателей по вопросам укрепления семьи. Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин предложил создать в структуре Правительства РФ отдельное министерство, ответственное за вопросы демографического развития, в частности, национального проекта «Семья» [4]. Указом Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» сохранено Министерство труда и социальной защиты РФ, однако в перспективе нельзя исключать возможности создания вышеуказанного отдельного ведомства. Следует отметить необходимость усилить финансирование и полномочия таких органов и учреждений,

как Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минкультуры России, Минстроя России и др. ведомств, работающих на улучшение жизни граждан и традиционной семьи.

Таким образом, сбережение и развитие традиционных семейных ценностей играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Для дальнейшего утверждения в обществе данных ценностей с учетом их комплексной морально-юридической природы необходима системная правовая политика Российской Федерации, включающая в себя перечень социально-экономических, идеологических и организационно-управленческих мер.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Парламентская газета. N 8. 01-06.03.2024.
2. Астапова Т. Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 2-4.
3. Елисеева А.А. Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 5 (105). – С. 68-75.
4. В Санкт-Петербурге прошло заседание Совета законодателей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/59223/> (дата обращения 12.05.2024).

LEGAL POLICY OF RUSSIA IN THE FIELD OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL FAMILY VALUES

E.D. Gavrilova, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** The author believes that a state-legal policy is needed in the field of the development of traditional family values, analyzes the structure (subjects, goals, forms, means). The corresponding socio-economic, ideological, organizational and managerial measures are formulated. The author reveals the translators of family values and suggests introducing the subject "Traditional family values of Russia" into school curricula. The idea of creating a Ministry of demography is analyzed.*

***Keywords:** legal policy, state family policy, spiritual and moral values, strong family, family protection.*

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ РОССИЯН

Е.Г. Корнильцева, канд. филос. наук, доцент

Уральский государственный экономический университет

(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-144-146

Аннотация. Представлены результаты социологических исследований, посвящённых проблемам цифрового общества. Показано отношение респондентов, принадлежащих к разным социально-демографическим группам, к компьютерным играм. В частности, соотнесены между собой такие переменные как время, затраченное на игру, и пол опрашиваемого. Обозначены аспекты анализа игровых практик и тенденции, складывающиеся в данной сфере. Выявлены субъективные причины формирования компьютерной зависимости.

Ключевые слова: интернет, компьютерная зависимость, компьютерные игры, интернет-зависимость.

Феномен компьютерной зависимости начал изучаться в науке более 30 лет назад. Эксперты трактуют его в качестве психологического расстройства, при котором индивид проводит большую часть свободного времени в социальных сетях [1]. Российские ученые начали заниматься данной проблемой сравнительно недавно. Можно выделить работы А.В. Худякова, А.В. Урсу, А.М. Старченковой, В.Л. Малыгина, Н.С. Хомерики, Е.А. Смирновой, М.Э. Елютиной, А.А. Неруш и других.

В социологической науке игровые практики анализируются в самых разных аспектах: воссоздание прошлого опыта, мотивация, содержание сюжета, специфический набор действий, субкультурная среда, ролевые модели поведения, социальный профиль геймеров и пр. [2]. Определённый интерес представляет вопрос о связи гендерных предпочтений и компьютерных игр. Эта тематика стала достаточно популярна: по ней публикуются статьи, проводятся научные исследования и конференции. Разработчики игр не скрывают, что ориентируются исключительно на мужское население. Однако, некоторые

социологические опросы демонстрируют противоположные результаты [3].

Сотрудники кафедры экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета в июне – октябре 2022 г. под руководством проф. Заборовской Е.Н. провели анкетный опрос «Цифровое общество» (n=730). Группу опрошенных составляли жители Свердловской области, относящиеся к разным социально-демографическим слоям.

С целью выявления степени вовлечённости респондентов в компьютерные игры, были соотнесены между собой такие переменные как время, затраченное на игру (зависимая) и пол опрашиваемого (независимая).

На вопрос: «Как часто Вы играете в компьютерные игры?» – были получены следующие ответы. Вариант «вообще не играю» выбрали 31,8% мужчин и 71,5% женщин. Позицию «2 часа в сутки» отметили 30% лиц мужского пола и только 8% лиц женского пола. Более 3-х часов в сутки проводят за компьютерной игрой 18,7% представителей сильного пола и 4,1% – слабого пола (табл. 1).

Таблица 1. Как часто Вы играете в компьютерные игры?

Пол	Как часто Вы играете в компьютерные игры?				ИТОГО
	Вообще не играю	1-2 часа в сутки	До 1 часа в сутки	Более 3 часов в сутки	
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мужской	31,8	30,0	19,5	18,7	100,0
Женский	71,5	8,0	16,4	4,1	100,0
ИТОГО:	57,0	16,0	17,5	9,5	100,0

У ряда представителей мужского пола возникновение игровой зависимости обусловлено комплексом субъективных причин, среди которых можно отметить низкую стрессоустойчивость, слабый самоконтроль, нереализованные замыслы, неразвитые коммуникативные навыки. Уход в виртуальное пространство предоставляет подобным личностям защиту от депрессивного состояния, ощущение временного спокойствия от воздействия окружающей среды, чувство свободы.

На вопрос анкеты: «Если Вы играете в компьютерные игры, то считаете ли Вы себя зависимым (от компьютерных игр) человеком?» – выбраны следующие варианты ответов. 79% респондентов из лиц мужского пола не считают себя зависимыми от компьютерных игр. Среди женщин таковых в полтора раза меньше. Небольшое количество опрошенных затруднились с ответом: соответственно 3,7% и 7,3 % в каждой гендерной группе.

Эксперт по интернет-зависимому поведению – доктор К. Янг в результате измерений высказала мнение о возможной перспективе перехода в группу интернет-зависимых личностей многих интернет-пользователей. Проведенные наблюдения выявили весьма многочисленный тип пользователей, обозначенный как «испытывающие потребность в общении и психологической поддержке» (91%). Остальными оказались «любители новостей» (9%). Привлекательными сторонами интернета опрошиваемые назвали анонимность, доступность, безопасность, что со временем обусловило рост интереса к нему как игровой системе и отход от его восприятия только лишь в качестве средства коммуникации [1].

Рост популярности киберспорта среди молодежи кардинальным образом трансформировал индустрию развлечений. Со-

держание сюжетов виртуальной игры иногда пересекается с событиями реального мира настолько, что некоторые геймеры начали включать их в свою житейскую практику.

Исследователи высказывают прямо противоположные мнения по отношению к компьютерным играм: некоторые видят в этой деятельности только отрицательный аспект, другие – исключительно положительный. В отечественной литературе внимание сфокусировано преимущественно на первом аспекте. Хотя игровые методы способны оказывать существенное влияние на развитие личности: с их помощью выстраивается иерархия жизненных ориентиров, легче воспринимается новый материал, появляется возможность реализовать себя в непривычных социальных ролях, увеличить количество контактов в социальных сетях, возникает мотивация по освоению сложных компьютерных программ, что со временем приводит к формированию новой структуры досуга.

Геймификацию можно рассматривать как очередную стадию в развитии социума, которое все больше переходит в виртуальное пространство, что отражается на разных сферах человеческой деятельности, особенно на коммуникационной и информационной [2].

Поскольку подобное увлечение подразумевает покупку оборудования для игровых компьютеров, то большая часть геймеров среди респондентов – это финансово обеспеченные люди [4]. Социологи высказывают предположение, что склонность к интернет-зависимости может быть связана с некоторыми личностными особенностями, которые зависят от включенности в ту или иную социальную группу. А сегмент участников компьютерных игр постепенно будет приобретать тенденцию к феминизации, опровергая стереотипы о

мужском предназначении игровых практик [3]. Опросы демонстрируют серьезную вовлеченность россиян, принадлежащих к разным социально-демографическим группам, в цифровую среду: большинство

из них имеют гаджеты и могут ежедневно пользоваться интернетом [4; 5].

Таким образом, интернет-зависимость может считаться характерной приметой современного общества, участвующей в определении его перспектив.

Библиографический список

1. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24-29.
2. Клейменов М.В. Фейк как инструмент гибридной атаки в эпоху цифровой трансформации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-2 (85). – С. 23-25.
3. Елютина М.Э., Неруш А.А. Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23, Вып. 1. – С. 4-13.
4. История возникновения «Интернет-зависимости». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net> (дата обращения: 08.05.2024).
5. Мобильные игры в России. Аналитический отчет по данным Mediascope. Май 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mediascope.net/library/presentations/Mobile%20games%20audience%20in%20Russia_Mediascope (дата обращения: 08.05.2024).

INTERNET ADDICTION OF RUSSIANS

E.G. Korniltseva, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
Ural State University of Economics
(Russia, Yekaterinburg)

Abstract. *The results of sociological research on the problems of digital society are presented. The attitude of respondents belonging to different socio-demographic groups to computer games is shown. In particular, variables such as the time spent on the game and the gender of the interviewee are correlated. Aspects of the analysis of gaming practices and trends emerging in this area are outlined. The subjective reasons for the formation of computer addiction are revealed.*

Keywords: *Internet, computer addiction, computer games, Internet addiction.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА

И.А. Осинкина, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-147-149

Аннотация. В работе были рассмотрены социальные последствия школьного буллинга и перспективы их изучения. Целью работы являлось определение важности комплексного изучения социальной адаптации людей, подвергшихся буллингу и травле в школе. На данный момент проблемы взрослой социальной адаптации людей, пострадавших от буллинга либо не рассматриваются вовсе, либо рассматриваются как отдельный элемент, не взаимосвязанный с пережитым ранее травматичным опытом. Однако именно явление школьного буллинга может оказывать влияние на дальнейшее взаимодействие человека в обществе.

Ключевые слова: травля, буллинг, школьный буллинг, социальная адаптация, проблемы социализации.

Школьный буллинг в мире в целом и в российской системе образования в частности в последние десятилетия приобретает все больший масштаб. По данным различных социологических исследований от 3 до 17% всех учеников в течение обучения в школе подвергались травле или насилию со стороны одноклассников или учеников более старших классов [1].

На данный момент существует множество исследований данного явления, психологами и педагогами разрабатываются схемы противодействия буллингу. Однако ничтожно мало внимания уделяется долгосрочным социальным последствиям школьного буллинга и особенностям и сложностям дальнейшей социальной адаптации жертв этого явления.

Буллинг представляет из себя различные формы физического (драки, избиения), морального (издевательства, грубые шутки) и социального (избегание) насилия. Часто школьный буллинг ничем не обоснован, и жертва выбирается случайно из числа слабых или не способных постояять за себя детей. Характерными особенностями, отличающими буллинг от обычных ссор являются его периодичность – часто жертва подвергается травле годами, малообоснованность – отсутствует объективная первопричина агрессивного поведения, социальность – часто в этом явлении объединяются по принципу «все про-

тив одного», при этом все участники процесса являются представителями одной социальной группы [2].

Зачастую основанием прекращения данного явления выступает лишь покидание жертвой коллектива агрессоров. Однако в этом случае дальнейшая адаптация жертвы в обществе уже не рассматривается как один из элементов всего процесса, а считается частью процесса взросления, что усложняет исследование в динамике процесса социальной и психологической адаптации жертвы. Часто процесс полного физического, морального и социального восстановления занимает месяцы и годы жизни уже взрослого человека и сильно влияет на его поведение и способность к выстраиванию корректных отношений с окружающим миром. Последствиями школьного буллинга могут быть сниженная самооценка, социофобия, нарушения социальной адаптации, тревожные расстройства, депрессия, суицидальные мысли, чувство одиночества и изоляции. К физическим последствиям можно отнести трудности с концентрацией внимания, проблемы со сном, физиологические нарушения [3].

Для изучения мнения людей о воздействии школьного буллинга на взрослую жизнь был проведен социологический опрос методом анкетирования, с участием 1250 респондентов из разных городов Рос-

сии возрастом от 20 до 35 лет. Участникам предлагалось ответить на несколько вопросов:

1. Были ли вы свидетелями или участниками школьного буллинга в период обучения?

2. Являлись ли вы когда-либо жертвой школьного буллинга?

3. Если вы являлись жертвой, есть ли и какие негативные последствия, влияющие на вашу жизнь сейчас, вы можете отметить?

4. Если вы никогда не являлись жертвой буллинга или не были свидетелем, считаете ли вы, что данное явление несет длительные негативные последствия?

5. Считаете ли вы важным изучение последствий школьного буллинга во взрослой жизни людей?

По результатам проведенного исследования почти $\frac{3}{4}$ опрошенных (267 из 1250) когда-либо в период обучения сталкивались со школьным буллингом. При этом 14% выступали в роли жертв в данном явлении. Почти 92% опрошенных считают, что буллинг может оказывать долговременные негативные последствия на жизнь человека, но при этом лишь 28% опрошенных считают, что данное явление требует научного анализа и изучения (рисунок).

Касательно же вопроса о негативных последствиях, с которыми жертвы буллинга столкнулись во взрослой жизни, наиболее частыми вариантами ответов выступили: социальная тревожность, проблемы с общением и социальной адаптацией, проблемы с доверием и депрессия.

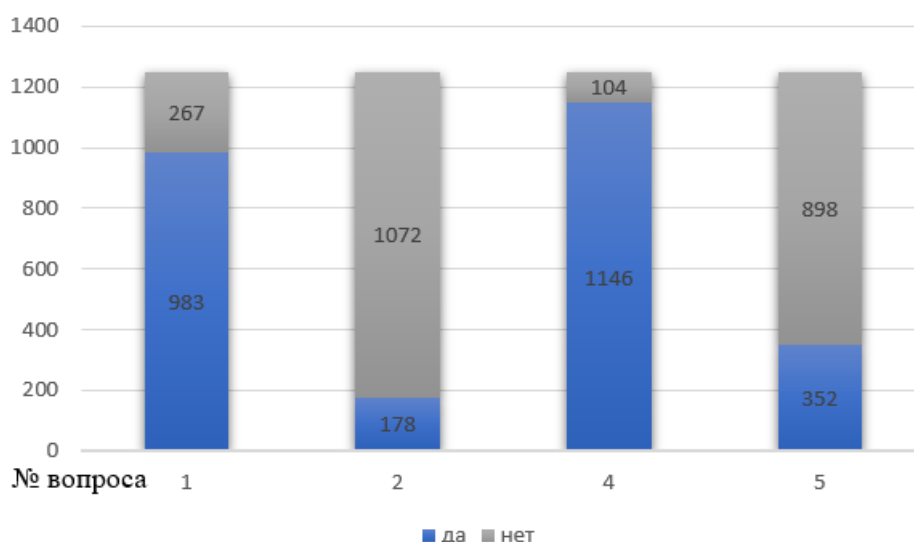

Рис. Анализ осведомленности людей о явлении школьного буллинга

Согласно данным отчета Министерства здравоохранения за 2023 год по вопросам психического здоровья, большая часть людей с впервые диагностированным в возрасте до 22 лет депрессивным расстройством в какой-либо мере были подвержены негативному воздействию буллинга в школьных образовательных учреждениях и имели проблемы в общении со сверстниками.

Таким образом, школьный буллинг – это опасное социальное явление, которое охватывает не только период непосредственного нахождения в агрессивной сре-

де, но и имеет долговременные негативные последствия для морального, психологического и физического состояния человека. В данной работе была показана малая осведомленность и заинтересованность людей в понимании процессов адаптации человека в обществе после эпизодов буллинга. Отмеченная необходимость изучения адаптации людей, подвергавшихся школьному буллингу, в социуме является неотъемлемой частью процесса понимания механизмов самодеструктивного и девиантного поведения взрослых людей.

Библиографический список

1. Данилова М.А., Ковальчук А.С. Социально-психологические аспекты школьного буллинга // Форум молодых ученых. – 2017. – №3 (7).
2. Аверьянов А.И. Буллинг как вызов современной школе / А.И. Аверьянов // Сборник научных трудов Sworld. – 2013. – Т. 18. – № 1. – С. 45-50.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 3.

THE SOCIAL CONSEQUENCES OF SCHOOL BULLYING

I.A. Osinkina, *Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** The paper examined the social consequences of school bullying and the prospects for their study. The aim of the work was to determine the importance of a comprehensive study of the social adaptation of people who were bullied and bullied at school. At the moment, the problems of adult social adaptation of people affected by bullying are either not considered at all, or are considered as a separate element, unrelated to the traumatic experience experienced earlier. However, it is the phenomenon of school bullying that can influence further human interaction in society.*

***Keywords:** bullying, bullying, school bullying, social adaptation, problems of socialization.*

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В СФЕРЕ СЕМЬИ И БЫТА

А.А. Реснянская, студент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-6-150-152

Аннотация. В статье приведены результаты исследования, проведенного методом анкетного опроса среди студенческой молодёжи Волгоградского государственного университета. Было выявлено влияние семьи на представления молодых людей об организации быта и разделение обязанностей между супругами. Кроме того, были определены гендерные стереотипы, которые нашли отклик в современной молодёжи. Был сделан вывод о возможном появлении нового стереотипа об организации семьи и быта.

Ключевые слова: стереотип, семья, гендер, хозяйственно-бытовая сфера, молодёжь.

Для исследования социально-бытовых практик современной молодежи было проведено исследование среди студенческой молодежи ВолГУ. Опрос проходил в апреле-мае 2023 года. Отбор респондентов проходил методом снежного кома. Участие в исследовании приняло 124 человека, обучающихся с 1 по 4 курс различных направлений подготовки. В анкетировании принимали участие люди как состоящие в отношениях, так и не состоящие. Из них две трети женщин, и одна треть мужчин.

Возраст опрошенных представлен в диапазоне от 18 до 26 лет. Преимущественно были участники опроса в возрасте от 18 до 20 лет. Десятая часть студентов, принявших участие в исследовании, в возрасте от 21 до 23 лет.

Две трети студентов не работают, их основной деятельностью является обучение в университете. Треть студентов совмещают обучение с работой. Такие результаты коррелируют с распределением половых характеристик респондентов, так как чаще парни стремятся найти работу, чтобы обеспечивать себя.

Половина студентов отмечают, что имеют 1 брата или сестру, чуть меньше 20% отмечают, что у них есть 2 брата/сестры. Четверть студентов являются единственным ребенком в семье.

Следующий блок вопросов был посвящен изучению взаимоотношений молодежи с противоположным полом. Чуть более 55% отметили, что сейчас не состоят в от-

ношениях или браке. Оставшиеся студенты состоят в отношениях, поэтому в данном блоке принимали участие только они.

Треть студентов состоит в отношениях более 2 лет, такое же число отмечают, что длительность их отношений составляет от 1 года до 2 лет. Это отражает тенденцию, что молодежь стремится к построению стабильных и долгосрочных отношений. Примерно пятая часть респондентов состоит в отношениях от 3 до 6 месяцев.

Свои отношения с партнерами большинство характеризуют положительно (от 8 до 10 баллов), реже от 5 до 7 баллов. Примечательно, что негативно свои отношения не оценил практически ни один респондент.

Так, среди важных характеристик партнера были выделены следующие: честность, верность и ответственность. Наименее важными оказались предприимчивость, любовь к детям и целеустремленность.

В результате анализа социально-демографической информации о респондентах, можно составить примерный портрет участника опроса. Это человек в возрасте 18-20 лет, проживающий вместе с кем-либо (партнер, сосед, родители и т.д.), чаще всего не совмещающий учебы с работой, имеющий одного и более братьев/сестер. Далее будут проанализированы ответы респондентов о их родительских семьях, а также о их представлениях о распределении гендерных ролей в семье.

Влияние родительской семьи и гендерных стереотипов на представления студенческой молодежи о хозяйственно-бытовых функциях в семье.

Один из блоков вопросов анкеты был посвящен изучению родительской семьи студентов, так как именно в родительской семье начинают формироваться представления о гендерном распределении ролей. Так, около 80% студентов отмечают, что воспитывались в полной семье. Пятая часть респондентов воспитывалась только матерью.

При этом преимущественно воспитание, вне зависимости от типа семьи, отводится к материнской роли. Участие отца в воспитательном процессе отмечается студенческой молодежью в два раза меньше. В воспитании старшими родственниками – бабушкой и дедушкой – прослеживается подобная тенденция. Бабушки воспитывают детей чаще, чем дедушки.

Ведение хозяйства, по аналогии с воспитанием детей, также чаще (75%) было в рамках материнских обязанностей. Оставшиеся варианты (отец, старшие родственники, дети) упоминались разрозненно.

В ведении хозяйства детям все-таки отводились некоторые обязанности. Зачастую это была уборка жилья, а также уход и присмотр за братом/сестрой. Около 15% детей не были заняты в ведении домашнего хозяйства

Ответственность за заработок в примерно половине семей лежала на обоих родителях в равной степени. У трети студентов основной доход в семью приносил отец. Около 20% отмечают, что заработок был в обязанностях матери, но это связано с тем, что такое же число студентов отметили, что воспитывались в неполных (материнских) семьях.

По мнению 80% студентов, главным в семье должны являться оба партнера, т.е. должно быть равноправие. Для пятой части опрошенных главным в семье должен быть мужчина. Ни один из представителей студенческой молодежи, как среди мужчин, так и среди женщин, не считает, что женщина должна быть главной в семье.

Тяга к равноправию прослеживается и в том, как по мнению респондентов должны распределяться обязанности по дому. Интересное распределение ответов наблюдается в обязанностях по созданию уюта, работе и ремонте. Примерно поровну распределились ответы о том, кто должен заниматься созданием уюта – женщина или оба партнера в равной степени. Ремонт жилья и техники, по мнению большей части респондентов, должны заниматься мужчины. Большое число выборов «мужа» в качестве ответственного за сферу наблюдается и в категории заработка.

Около 85% считают, что распределение обязанностей все же должно быть равномерным. Около 15% считают, что женщина должна заниматься бытом, а мужчина заработком, что отражает классический стереотип о ролях мужчины и женщины в семье. В представлениях молодежи в большинстве случаев он не находит подтверждения.

Приготовление еды также уходит с позиции чисто женских обязанностей, так как молодежь считает, что это зависит не от пола, а от навыков и характера человека. Пятая часть молодежи считает, что готовить должны уметь как мужчина, так и женщина.

Мнения о том, что заключение брака является обязательным условием для создания семьи, разделились. Чуть более трети из них считает, что это скорее является обязательным. Для четверти брак точно является обязательным. Около 30% считают, что брак, вероятно, не является обязательным условием.

Однако, увеличивается число тех, кто считает брак обязательным для воспитания детей. Уже более трети считают, что брак точно нужен для рождения и воспитания детей. Треть считает, что брак скорее нужен. И только четверть респондентов считает, что брак не нужен и для рождения и воспитания детей.

Заключение

Гендерные стереотипы, существующие в обществе, так или иначе оказывают свое влияние на поведение людей. Представле-

ния о том, как должны складываться отношения с противоположным полом, кто должен выполнять домашние обязанности, заниматься воспитанием детей и приносить основной доход, находясь в сознании людей, определяют их жизнь и ценности.

Современная студенческая молодежь, вероятнее всего, сталкивалась с классическими стереотипами о мужчине или о женщине, знает их, но не стремится их поддерживать и выстраивать свою жизнь в соответствии с ними. Так, по результатам опроса фиксируется тенденция, направленная на выстраивание партнерских, равноправных отношений. При этом отчасти сохраняются представления о том, что доход в семью должен приносить мужчина. Интересно, что большинство считают, что чисто женской обязанностью является создание домашнего уюта.

Можно предположить, что принцип равноправия в свою очередь становится таким же стереотипом и устоявшимся в общественном сознании представлением. Стремление к равноправию и совместному выполнению домашних обязанностей с партнером могло появиться также под влиянием прошлых стереотипов, но так, что молодежь опираясь на них, осознанно не хочет выстраивать свои отношения подобным образом. На это влияют и отношения в родительских семьях, где основные обязанности были за матерью, которая при этом также работала. Дети, видя негативное влияние общественных стереотипов, решают, что будут выстраивать свою жизнь по-другому, не так, как было у их родителей.

Библиографический список

1. Азарова, Е.А. Функционирование моральных гендерных стереотипов в современном коммуникационном пространстве // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя / Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. – С. 9-12.
2. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 302 с.
3. Балина Т.А., Гасумова С.Е., Попкова Т.Д., Балина А.А., Цзян Ц. Исследование особенностей социальных проблем у молодежи на пороге информационного общества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 1. – С. 45-58.
4. Майерс, Д. Социальная психология. Интенсивный курс / Д. Майерс. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 512 с.
5. Накашидзе, Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе / Д.Д. Накашидзе // Science Time. – № 8 (32). – 2016. – С. 102-106.

GENDER STEREOTYPES OF STUDENTS IN THE FIELD OF FAMILY AND EVERYDAY LIFE

**A.A. Resnyanskaya, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)**

***Abstract.** The article presents the results of a study conducted by a questionnaire survey among the students of Volgograd State University. The influence of the family on the ideas of young people about the organization of everyday life and the division of responsibilities between spouses was revealed. In addition, gender stereotypes have been identified, which have found a response in modern youth. A conclusion was made about the possible emergence of a new stereotype about the organization of family and everyday life.*

***Keywords:** stereotype, family, gender, household sphere, youth.*

ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

В.В. Самокаева, студент
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-153-155

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ресоциализации осужденных, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Упомянется не так давно вступивший в силу Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: определяются объекты и субъекты ресоциализации осужденных, также приводится статистика лиц, совершивших преступления, из которых выявлены лица, ранее совершавших преступления. В конце определяются пути устранения названных проблем.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденный, лишение свободы, пенитенциарная система, социальная реабилитация, адаптация, реинтеграция.

Уголовно-исполнительная система играет жизненно важную роль не только в обеспечении изоляции осужденных от общества, но и в оказании им необходимой поддержки для успешной реабилитации и реинтеграции в общество. Такой комплексный подход не только гарантирует безопасность граждан страны, но и способствует общему благополучию.

После освобождения из мест лишения свободы бывшие осужденные сталкиваются с многочисленными трудностями, в том числе с отсутствием поддержки со стороны общества. Несмотря на то, что у них есть определенные ресурсы, этого недостаточно для успешной ресоциализации, поэтому государство должно взять на себя ответственность за предоставление социальной защиты бывшим осужденным. Важной задачей государственной социальной политики является создание условий, которые помогут бывшим осужденным преодолеть негативные последствия тюремного заключения и полноценно участвовать в общественной жизни.

Для начала хочется обратить внимание на статистику: за январь-декабрь 2022 года на территории Российской Федерации было выявлено 818 986 лиц, совершивших преступления, из них выявлено 483 683 лица, ранее совершавших преступления [1].

Стоит обратиться к определению понятия «ресоциализация», данному в п. 5 ч. 1 ст. 5 Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: «ресоциализация – комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера» [2].

Из этого можно увидеть, что объектами ресоциализации осужденных являются три категории лиц:

1. освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ;
2. освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы;
3. которым назначены иные меры уголовно-правового характера.

Также ФЗ «О пробации в Российской Федерации» определяет и субъекты пробации, к ним относятся: «федеральные органы исполнительной власти; органы гос-

ударственной власти субъектов Российской Федерации; учреждения уголовно-исполнительной системы; государственные учреждения службы занятости населения; организации социального обслуживания; органы местного самоуправления; коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане» [2].

Во-первых, одной из проблем является отсутствие комплексного подхода, а именно, ресоциализация осужденных рассматривается в основном как задача пенитенциарной системы, в то время как другие государственные органы и общественные организации недостаточно вовлечены в этот процесс.

Во-вторых, одной из серьезных проблем, с которой сталкиваются осужденные после освобождения, является нехватка жилья или непригодность имеющегося жилья. Нередко осужденные имеют большие долги по коммунальным платежам, которые не могут погасить самостоятельно. Согласно данным УФСИН России по Тверской области, в 2017 году из 1319 освобожденных осужденных 88 человек не имели жилья. К сожалению, эти люди не получили никакой помощи в решении своих жилищных проблем [3].

В-третьих, инструкция, утвержденная Приказом Минюста России от 13.01.2006 N 2, предписывает направлять запросы в органы внутренних дел о возможности

осужденного проживать по указанному им адресу, однако ответы из органов внутренних дел часто задерживаются или не содержат всей необходимой информации, что создает трудности для сотрудников групп социальной защиты осужденных в их работе.

В-четвертых, у лиц, только отбывших наказание, встречаются трудности с поиском работы. Да, Федеральным законом "О пробации в Российской Федерации" определено, что уголовно-исполнительные инспекции оказывают содействие лицам в поиске места работы, однако работодатели неохотно идут на этот шаг, так как они понимают, что бывшим осужденным необходим другой подход, нежели к другим работникам, а также убеждены, что в сущности человек, выйдя из мест лишения свободы, не меняется, а соответственно, будет продолжать вести антисоциальный образ жизни.

Конечно, существует множество других проблем ресоциализации осужденных, однако стоит отметить, что есть и положительные тенденции, например, участие некоммерческих организаций в жизни ранее осужденных лиц. Так, по состоянию на 1 декабря 2023 года казанским Центром социальной реабилитации и адаптации было трудоустроено 120 бывших осужденных, которые живут в общежитии этой НКО [4].

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, стоит определить пути устранения перечисленных проблем. К ним можно отнести: повышение правовой грамотности лиц, отбывающих наказание; комплексное и скоординированное усилие со стороны государства, общественных организаций и гражданского общества; информирование осужденных о существовании благотворительных фондов, способствующих их ресоциализации; расширение перечня профессий и вакантных мест, предлагаемых осужденным для успешного трудоустройства.

Библиографический список

1. Показатели преступности в России // Портал Правовой Статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 27.05.2024).
2. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 N 10-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.2.2023 г., ст. 0001202302060003.

3. Уполномоченный по правам человека в тверской области Специальный доклад на тему: «Проблемы ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы в тверской области». – Тверь: 2018. – 72 с.

4. Почему вчерашним заключенным не всегда легко найти работу // Ведомости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/12/01/1008819-pochemu-vcherashnim-zaklyuchennim-ne-vsegda-legko-naiti-rabotu> (дата обращения: 27.05.2024).

THE PROBLEMS OF THE RE-SOCIALIZATION OF CONVICTS RELEASED FROM INSTITUTIONS EXECUTING SENTENCES IN THE FORM OF IMPRISONMENT, AND WAYS TO ELIMINATE THEM

V.V. Samokaeva, Student
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** The article deals with the problems of the re-socialization of convicts released from institutions executing sentences in the form of imprisonment. Federal Law № 10-FL of February 6, 2023 «On Probation in the Russian Federation», which came into force not so long ago, is mentioned: objects and subjects of re-socialization of convicts are determined, statistics of persons who committed crimes are also provided, of which persons who previously committed crimes have been identified. At the end, the ways to eliminate these problems are determined.*

***Keywords:** resocialization, convict, imprisonment, penitentiary system, social rehabilitation, adaptation, reintegration.*

РОСТ СЕЯНЦЕВ ЕЛИ С ЗАКРЫТОЙ КОРНЕВОЙ СИСТЕМОЙ НА РАЗЛИЧНЫХ СУБСТРАТАХ В ПИТОМНИКЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

С.В. Горбунова, магистрант

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
(Россия, г. Архангельск)

DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-6-156-159

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики торфяных субстратов финского и российского производства для выращивания посадочного материала с закрытой корневой системой (ЗКС). Проведена оценка фракционного состава, а также химический анализ сред. Особое внимание уделено динамике роста сеянцев ели на рассматриваемых субстратах в течение вегетационного сезона. Установлено, что на субстрате отечественного производства сеянцы росли активнее, однако в сентябре параметры их сравнивались с параметрами растений на финском субстрате, поэтому субстрат «Велторф» является достойной заменой субстрата, произведенного в Финляндии.

Ключевые слова: субстрат, торф, лесопитомник, сеянцы ели с закрытой корневой системой, лесовосстановление.

Одним из важнейших составляющих успешного производства сеянцев с ЗКС является выбор качественного субстрата [1]. Многочисленные исследования свидетельствуют, что лучший субстрат для выращивания лесных сеянцев в контейнерах это верховой торф с комплексом минеральных удобрений [2, 3]. Большинство функционирующих в настоящее время тепличных комплексов по выращиванию сеянцев хвойных пород с закрытыми корнями используют скандинавскую технологию, а некоторые даже приобретают финский субстрат. В то же время на Северо-Западе ведется заготовка торфа, и специализированные предприятия на основе научных разработок готовят и реализуют субстраты различных составов и назначений. В связи с чем, нашей целью было сравнить свойства субстратов российского и финского производства, а также проанализировать динамику роста на них сеянцев ели.

Исследования проводились в одном из питомников Архангельской области в 2020 г. Для выращивания сеянцев ели в кассетах шведского производства Плантек 81 Ф использовался финский торфяной субстрат Kekkila и субстрат российского производителя ООО «Велторф».

Подкормки и полив растений в течение сезона на различных субстратах проводи-

ли идентично. Влияние субстратов на рост сеянцев устанавливалось по их биометрическим показателям и выходу стандартного посадочного материала.

До 2021 года, согласно правилам лесовосстановления [4] минимальная высота сеянцев для северо-таежного района Европейской части Российской Федерации должна была быть не менее 10 см, для Двинско-Вычегодского таежного района – не менее 12 см, диаметра – не менее 2 мм. Поэтому оценка выхода велась по этим показателям.

Характеристика субстрата Kekkila FPM 420 F-6 R 8036, заявленная на этикетке: чистый сфагновый торф, фракция 4-20 мм, добавки: известняк (Ca, Mg) – 1,5 кг/м³, KS6, N-P₂O₅-K₂O 16-9-20 – 1,0 кг/м³, кислотность 4,7 (4,2-5,7), электропроводность 20 (10-30) mSm.

Производитель отмечает дополнительный и важный плюс субстратов Kekkila в том, что они раскисляются доломитовой мукой, это является преимуществом при хранении субстратов. У субстратов, в которые добавляют известь, в процессе хранения возрастает кислотность, что связано с поглощением извести углекислого газа из воздуха. Доломитовая мука более стабильна, поэтому, считается, что и кислотность субстратов будет более стабильной даже при длительном хранении. Тем не

менее, кислотность субстрата по результатам анализа в лаборатории оказалась ниже заявленной (табл. 1).

Показатель рН отечественного субстрата по результатам проведенного анализа, находится в рекомендуемом для выращивания семян ели интервале (5,0-5,4)

(табл. 1), но, в то же время, производителем на этикетке заявлена кислотность субстрата в пределах 5,5-6,5, состав: торф низкой степени разложения до 15%, фракция 5-20 мм; добавки: известняковая мука, доломитовая мука, Рg-mix, фибазорб (ТУ 0391-001-95866794-2009), рецепт 4с/2/0,25.

Таблица 1. Характеристика субстратов (по результатам химического анализа)

Субстрат	Образец	рН сол. суспензии	Зольность, %	Азот, мг/кг	Подвижные, мг/кг	
					Фосфор	Калий
Kekkila	1	3,7±0,1	до 10	1008	2167	3500
	2	3,7±0,1	до 10	974	2188	3250
	3	3,8±0,1	до 10	1030	2333	3750
«Велторф»	1	5,0±0,1	до 10	550	1625	2500
	2	5,4±0,1	до 10	470±50	1625	2750
	3	5,3±0,1	до 10	490	1637	2650

В субстрате отечественного производства преобладает фракция с частицами менее 3 мм (54 %), доля фракции с частицами до 10 мм составляет почти 27 %, крупной органики – более 5 % (таблица 2), такие частицы, образуя пустоты, могут мешать качественному наполнению ячейки

торфом. Согласно исследованиям, при более тщательной подготовке торфа с исключением крупных неразложившихся остатков, субстрат из него будет оптимальным для выращивания семян хвойных пород в используемых кассетах.

Таблица 2. Состав субстратов по фракциям, %

Субстрат	Размер фракции			Органика
	менее 3 мм	3-10 мм	более 10 мм	
Kekkila	44,8	31,1	23,8	0,3
«Велторф»	54,3	26,7	13,5	5,6

В образцах субстрата Kekkila доля крупной органики, затрудняющих качественное заполнение ячеек, минимальна (0,3%), частицы размером до 3 мм составляют менее 45% от объема (табл. 2).

Содержание элементов питания в субстрате Kekkila выше, щелочногидролизуемого азота – практически в 2 раза, подвижных фосфора и калия в 1,4 и 1,3 раза,

соответственно. Разница между содержанием элементов питания в индивидуальных образцах одного вида субстрата не превышает 15,4 – 17,0 %, это говорит о качественном распределении удобрений в них.

Результаты анализа динамики роста семян ели на субстратах различных производителей демонстрирует рисунок.

Рис. Рост сеянцев ели на финском и российском субстратах

На начальном этапе и в период активного роста более благоприятным для сеянцев является субстрат российского производителя с достоверным различием по высоте ($t=3,8-4,7$). Однако к завершению сезона средняя высота сеянцев практически выравнивается: различие по высоте в сентяб-

ре составляет всего 0,6% и не доказано, по диаметру различие так же недостоверно.

Выход стандартных сеянцев ели в сентябре на рассматриваемых субстратах различается незначительно: 2,7-3,0% по высоте и 7,0% по диаметру (табл. 3).

Таблица 3. Доля стандартных сеянцев ели к концу первого года выращивания

Субстрат	По высоте, %		По диаметру, %
	≥10см	≥12см	
Kekkila	78,5	37,6	27,5
«Велторф»	75,5	34,9	20,0

В результате исследования установлено, что на субстрате «Велторф» сеянцы ели имели более интенсивный рост в начале и середине сезона, вероятно, за счет более высокого содержания фракции, где частицы более 10 мм (23,8%), которые обусло-

вили лучшую аэрацию и воздухопроницаемость. В то же время, не исключено влияние других факторов. Таким образом, можно утверждать, что субстрат отечественного производителя достойная замена зарубежного субстрата.

Библиографический список

1. Выращивание посадочного материала с закрытой корневой системой в Устьянском тепличном комплексе. Практические рекомендации / сост. А.В. Жигунов, А.И. Соколов, В.А. Харитонов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. – 43 с.
2. Bunt A.C. Media and Mixes for Container-Grown Plants. A manual on the preparation and use of growing media for pot plants. Loam or loamless media? – 1988. – P. 1-5. ISBN 978-94-011-7906-5.
3. Чернобровкина Н. П. Современные технологии выращивания посадочного материала хвойных пород и пути их совершенствования / Н.П. Чернобровкина, О.В. Чернышенко, А.В. Егорова, М.И. Зайцева, Е.В. Робонен // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2016. – № 6. – С. 6-14.

4. Об утверждении Правил лесовосстановления, состава проекта лесовосстановления, порядка разработки проекта лесовосстановления и внесения в него изменений: Приказ Минприроды России от 25.03.2019 № 188 // КонсультантПлюс: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/554151577> / (дата обращения 16.05.2019).

GROWTH OF BALL-ROOTED SPRUCE SEEDLINGS ON DIFFERENT SUBSTRATES IN A NURSERY IN THE ARKHANGELSK REGION

S.V. Gorbunova, *Graduate Student*

**Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Russia, Arkhangelsk)**

***Abstract.** The article discusses the characteristics of Finnish and Russian-made peat substrates for growing containerized seedlings. An assessment of the fractional composition, and a chemical analysis of the media, was carried out. Particular attention is paid to the growth dynamics of spruce seedlings on the substrates under consideration during the growing season. It was found that the seedlings grew more actively on the domestically produced substrate, but in September their parameters were equal to those of the plants on the Finnish substrate, therefore the «Veltorf» substrate is a worthy replacement for the substrate produced in Finland.*

***Keywords:** substrate, peat, tree nursery, ball-rooted spruce seedlings, reforestation.*

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ УРОЖАЯ ЧЕСНОКА ОЗИМОГО В УСЛОВИЯХ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С.В. Жаркова, д-р с.-х. наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет
(Россия, г. Барнаул)

DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-6-160-162

Аннотация. В статье представлены результаты испытания образцов чеснока озимого с целью изучения их отзывчивости на условия возделывания при формировании элементов структуры урожая и урожайности. Исследования показали, что наиболее отзывчив на условия вегетации с большей реализацией своего биологического потенциала образец К 20, что позволяет рекомендовать его к дальнейшему размножению и передаче в Государственное сортоиспытание.

Ключевые слова: чеснок озимый, образец, лист, луковица, зубок, структура, урожайность.

Чеснок, как овощная культура, ценится у потребителя по многим показателям и свойствам. Это одна из самых распространённых культур используемая в пищевой, перерабатывающей, медицинской отраслях. Богатый биохимический состав и лечебные свойства, которыми обладает культура, послужили её широкому распространению [1]. В настоящее время чеснок возделывается во многих странах мира. Ежегодно в мировом сообществе по данным ФАО производится более 17 млн тонн чеснока. Первое место по производству продукции данной культуры занимает Китай, производя около 12 млн тонн. В Российской Федерации производство чеснока сосредоточено в частном секторе, в промышленных масштабах его производят менее 1%. Потребность в чесноке в РФ составляет около 430 тыс.т. В стране производится около 260 тыс.т. Недостающее количество импортируется, более 40% завозного чеснока китайского производства [2].

По своим биологическим особенностям чеснок – это вегетативно размножаемое растение. При размножении зубцами, без должного контроля за семенным материалом, происходит вырождение сорта: уменьшается размер головок, увеличивается количество заболеваний и вредителей, снижается урожайность. В связи с этим, воспроизводство сортов чеснока озимого для поддержания должного уровня урожайности и получения качественной про-

дукции возможно при соблюдении всех указаний методических рекомендаций для данной культуры. В данном случае важны показатели формирующихся, в условиях возделывания сорта, элементов структуры урожая.

Цель нашего исследования – изучить отзывчивость сортообразцов чеснока озимого на условия возделывания при формировании элементов структуры урожая.

Условия, объекты и методы исследований. Исследования провели в условиях Бийско-Чумышской зоны Алтайского края на базе КФХ Мартынова А.В. в 2019-2022 гг. В качестве объектов исследования было взято 8 перспективных образцов селекции научного учреждения филиал ФГБНУ ФНЦО, в качестве стандарта районированный сорт Скиф. Посадка проведена ручная. Площадь учётной делянки 4,5 м². Повторность 4-х кратная. Схема посадки 45x8 см. Масса посадочного зубка 8-10 г. Посадку проводили в конце сентября – первой декаде октября. Уборка 1-2 декада августа.

Наблюдения и учёты в период вегетации проводили согласно рекомендациям методических указаний [3].

Результаты исследований.

Формирование урожайности чеснока озимого зависит от многих показателей: величины ассимиляционного аппарата, массы луковицы и числа зубков в луковице. В нашем исследовании реакция сорто-

образцов на условия вегетации была различной в плане отзывчивости.

Число листьев на растении варьировало от 7,3 шт. (К 26) до 7,8 шт. у образцов К 60

и К 57 (табл.). Что на 4,2-11,4% превысило показатель сорта стандарта – $7,0 \pm 0,5$ шт. Минимальное варьирование по числу листьев отмечено у образца К 3 – 0,3 шт.

Таблица. Элементы структуры урожая чеснока озимого, 2019-2022 гг.

Образец	Число листьев, шт.	Длина листа, см	Ширина листа, см	Число зубков в луковиче, шт.	Масса луковичи, г	Товарная урожайность, т/га
Скиф,ст	$7,0 \pm 0,5$	$53,1 \pm 6,5$	$1,97 \pm 0,17$	$5,9 \pm 0,55$	$46,7 \pm 4,2$	$8,7 \pm 3,3$
К 60	$7,8 \pm 0,4$	$49,7 \pm 8,0$	$2,12 \pm 0,12$	$5,8 \pm 0,55$	$48,4 \pm 4,7$	$8,9 \pm 4,1$
К 5	$7,4 \pm 0,5$	$51,7 \pm 5,8$	$2,12 \pm 0,15$	$6,1 \pm 0,50$	$44,3 \pm 6,6$	$8,9 \pm 3,4$
К 20	$7,6 \pm 0,4$	$52,4 \pm 7,5$	$2,08 \pm 0,03$	$6,5 \pm 0,55$	$51,8 \pm 6,4$	$10,7 \pm 4,5$
К 35	$7,5 \pm 0,6$	$53,2 \pm 10,6$	$2,06 \pm 0,20$	$5,5 \pm 0,35$	$49,2 \pm 6,3$	$9,7 \pm 3,9$
К 3	$7,6 \pm 0,3$	$49,1 \pm 4,8$	$2,06 \pm 0,08$	$6,0 \pm 0,20$	$49,7 \pm 4,7$	$9,7 \pm 3,8$
К 56	$7,4 \pm 0,4$	$50,6 \pm 7,9$	$1,99 \pm 0,25$	$6,1 \pm 0,30$	$43,1 \pm 7,6$	$9,0 \pm 4,0$
К 57	$7,8 \pm 0,5$	$52,5 \pm 10,0$	$2,16 \pm 0,26$	$5,8 \pm 0,40$	$47,5 \pm 6,6$	$9,6 \pm 3,7$
К 26	$7,3 \pm 0,6$	$52,8 \pm 6,4$	$2,13 \pm 0,25$	$5,9 \pm 0,25$	$48,1 \pm 6,8$	$8,7 \pm 4,5$

Длина листа образцов формировалась на уровне 50-53 см. Максимальный показатель получен на сорте стандарте – $53,1 \pm 6,5$ см и К 35 – $53,2 \pm 10,6$ см. Из них менее вариабельный сорт стандарт. Наибольшая ширина листа отмечена у образцов: К 60 ($2,12 \pm 0,12$ см), К 5 ($2,12 \pm 0,15$ см), К 26 ($2,13 \pm 0,25$ см), К 27 ($2,16 \pm 0,26$ см). В целом по опыту наибольший габитус ассимиляционного аппарата сформировал образец К 57 с числом листьев, длиной и шириной листа соответственно $7,8 \pm 0,5$ шт., $52,5 \pm 10,0$ см, $2,16 \pm 0,26$ см. Минимальная вариабельность всех показателей листового аппарата у К 3.

Число зубков в луковиче один из основных признаков влияющих на величину урожайности и, кроме того этот признак показывает и величину коэффициента размножения образца. В нашем исследовании более 6 зубков в луковиче сформировали образцы: К 5 ($6,1 \pm 0,50$ шт.), К 56 ($6,1 \pm 0,30$ шт.) и К 20 ($6,5 \pm 0,55$ шт.). У образца К 20 получена самая крупная луковича в опыте - $51,8 \pm 6,4$ г, стандарт – $46,7 \pm 4,2$ г (рис.). Наиболее стабилен при формировании величины луковичи сорт стандарт Скиф с варьированием в весе лукович 4,2 г.

Рис. Луковицы образца К 20

Товарная урожайность образцов варьировала от 8,7 т/га у сорта стандарта и К 26 до 10,7 т/га у образца К 20.

Таким образом, результаты исследований показали, что наиболее отзывчив на

условия вегетации с большей реализацией своего биологического потенциала образец К 20, что позволяет рекомендовать его к дальнейшему размножению и передаче в Государственное сортоиспытание.

Библиографический список

1. Селекция чеснока озимого на качество продукции: монография / Т.М. Середин [и др.]; под ред. В.Ф. Пивоварова. 2-е изд., доп. – Омск: КАН, 2020. – 115 с.
2. Алексеева Т.В. Усовершенствование способа производства чеснока озимого (*Allium sativum* L.) из воздушных луковичек: дис. ... канд. с.-х. наук: 06.01.05. – М., 2018. – 160 с.
3. Методика Государственного сортоиспытания сельскохозяйственных культур: учебное пособие / под ред. М.А. Федина. – Москва, 1983. – Вып. 3. – 184 с.

FORMATION OF THE CROP STRUCTURE WINTER GARLIC IN THE CONDITIONS OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

S.V. Zharkova, *Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor*
Altai State Agricultural University
(Russia, Barnaul)

Abstract. *The article presents the results of testing samples of winter garlic in order to study their responsiveness to cultivation conditions during the formation of elements of the crop structure and yield. Studies have shown that the K-20 sample is the most responsive to vegetation conditions with greater realization of its biological potential, which makes it possible to recommend it for further reproduction and transfer to State variety testing.*

Keywords: *winter garlic, sample, leaf, bulb, tooth, structure, yield.*

ДАЙКОН КАК ФИТОМЕЛИОРАНТ ПОЧВЫ

Д.А. Пугач, старший преподаватель
Алтайский государственный аграрный университет
(Россия, г Барнаул)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-163-166

Аннотация. В статье приводятся предварительные опытные данные, полученные в 2022-2023 гг. по оценке дайкона сорта Миновасе как фитомелиоранта почвы для посева яровой пшеницы. Дайкон высевался в чистом виде в три срока. Осенью и весной определялось количество продуктивной влаги. Больше продуктивной влаги накапливалось в осенне-зимний период после дайкона, посеянного во II декада июня, где формировались наиболее крупноразмерные корнеплоды. После дайкона двух других сроков посева приход влаги в почву был менее значительным, размеры корнеплодов получались менее объёмными. Улучшение водного режима почв перед посевом яровой пшеницы отмечалось на делянках с поливидовыми кормовыми растительными сообществами и особенно на четырёх и трёхкомпонентных. У дайкона были выявлены ряд преимуществ перед паром чистым по влагонакоплению и другим свойствам.

Ключевые слова: дайкон, продуктивная влага, объём корнеплодов, кормосмеси.

Минеральные удобрения и пестициды, недешёвые средства повышения урожайности яровой пшеницы. Поэтому важно создавать условия для их рационального использования. Наибольшая отдача от вносимых минеральных удобрений и почвенных гербицидов возможна только на полях с хорошей обеспеченностью влагой, аккумулируемой в почве после предшественника.

Как известно, почва пополняется влагой в результате дождей и таяния снега, при подъёме грунтовых вод и за счёт концентрации водяных паров в воздухе, находящемся в почвенном слое. При возделывании сельскохозяйственных растений большое значение имеет регулирование водного режима почвы, который должен быть таким, чтобы во все периоды роста растение не страдало ни от недостатка, ни от избытка влаги [1].

При отсутствии возможности использования удобрений (органических, минеральных) целесообразно применение сидератов.

В последние годы в России использование сельскохозяйственных культур в качестве сидератов стало популярным [2]. Особенность технологии заключается в том, что растения используют в качестве удобрений или для улучшения водного режима почв на полях [3].

Самыми известными сидератами являются бобовые: донник, люпин, эспарцет, чина. В условиях Западной Сибири хорошо изучены донники белый и жёлтый [4]. Дайкон же, как сидерат изучен недостаточно.

Нами проводился опыт по оценке дайкона как фитомелиоранта для яровой пшеницы. Проводился он на землепользовании учебно-опытной сельскохозяйственной станции Алтайского ГАУ. Территория станции относится ко второй агрохимической зоне Алтайского края, куда входят Приобская и Приалейская почвенно-климатические зоны. По климату зона отличается выраженными признаками континентальности. Осадков выпадает 320-470 мм в год. Коэффициент увлажнения равен 0,6-0,8, увеличиваясь во влажные годы до 1,0-1,2. Длина вегетационного периода составляет 123-127 дней. Сумма температур более 10° равна 1990-2090°. Зона имеет отчетливый лесостепной облик. Почвенный покров представлен в основном черноземами обыкновенными и выщелоченными. По гранулометрическому составу все почвы относятся к суглинистым. Содержание гумуса составляет 3-6% [5].

Почва опытного участка была представлена чернозёмом выщелоченным малогумусным среднесуглинистым. Закладку

опыта проводили в соответствии с требованиями проведения полевых и вегетационных опытов. Повторность опыта трёхкратная. Площадь опытной делянки 15 м². Расположение делянок рендомизированное. Сорт дайкона Миновасе. Влажность почвы определяли термостатно-весовым методом [6].

Дайкон в районе проведения опыта высевали в три срока: II декада мая, II декада июня и II декада июля. Осенью определяли, сколько продуктивной влаги осталось на каждом варианте опыта при сложившихся погодных условиях (табл. 1).

Таблица 1. Запас продуктивной влаги после дайкона

Срок посева	Слой почвы, см	Объём корнеплодов дайкона, см ³	Продуктивная влага, мм		+/-
			осень 2022 г.	весна 2023 г.	
II декада мая	0-50	278,5	52,44	55,57	+3,13
	50-100		42,82	59,36	+16,54
	0-100		95,26	114,93	+19,67
II декада июня	0-50	488,1	41,95	52,77	+10,82
	50-100		39,75	64,43	+24,68
	0-100		81,70	117,20	+35,50
II декада июля	0-50	169,3	44,03	50,52	+6,49
	50-100		41,77	47,36	+5,59
	0-100		85,80	97,88	+12,08

Там, где дайкон высевался в июне, показатели продуктивной влаги в метровом слое почвы характеризовались 81,70 мм, а где дайкон высевался в июле и мае – 85,80 и 95,26 мм, соответственно.

Корнеплоды дайкона оставляли в зиму и весной перед посевом яровой пшеницы на этом участке снова определяли продуктивную влагу. Её количественные параметры по сравнению с осенним периодом изменялись и были следующими. Самый большой прирост влаги в метровом слое почвы за осенне-зимний период отмечали на варианте опыта с дайконом июньского срока посева 35,50 мм, где в прошлом году

сформировались самые крупногабаритные корнеплоды объёмом 488,1 см³. На вариантах опыта июльского и майского сроков посева прирост влаги в метровом слое почвы был менее значителен и составил 12,08 и 19,67 мм, соответственно. Корнеплоды дайкона на этих вариантах опыта выросли менее объёмными 169,3 и 278,5 см³, соответственно.

При выращивании дайкона не в чистом виде, а в качестве компонента поливидовых кормовых растительных сообществ, результаты опыта были следующими (табл. 2).

Таблица 2. Запас продуктивной влаги после кормосмесей и пара чистого

Вариант	Слой почвы, см	Объём корнеплодов дайкона, см ³	Продуктивная влага, мм		+/-
			осень 2022 г.	весна 2023 г.	
Кукуруза + дайкон	0-50	109,5	39,67	54,05	+14,38
	50-100		41,03	59,38	+18,35
	0-100		80,70	113,43	+32,73
Кукуруза + дайкон + вика	0-50	120,0	37,71	54,46	+16,75
	50-100		38,96	63,64	+24,68
	0-100		76,67	118,10	+41,43
Кукуруза + дайкон + вика + горох	0-50	109,2	32,03	50,43	+18,40
	50-100		38,22	55,80	+17,58
	0-100		70,25	106,23	+35,98
Пар чистый	0-50	-	54,97	53,84	-1,13
	50-100		54,30	66,57	+12,27
	0-100		109,27	120,41	+11,14

Надземная масса кормосмесей была убрана на кормовые цели. Корнеплоды же дайкона, оставшиеся в почве, шли в зиму. Осенью, в год выращивания кормосмесей, как и в предыдущей части опыта с дайконом, выращиваемым в чистом виде, мы определяли количество продуктивной влаги, оставшейся в почве. Результат следующий: после выращивания четырёхкомпонентной кормосмеси (кукуруза + дайкон + вика + горох) в метровом слое почвы было 70,25 мм влаги, после выращивания трёхкомпонентной кормосмеси (кукуруза + дайкон + вика) – 76,67 мм, а после двухкомпонентной кормосмеси (кукуруза + дайкон) – 80,70 мм.

Весной перед посевом яровой пшеницы на этом участке мы также определяли доступную влагу. В итоге её прибавка за осенне-зимний период составила по вариантам опыта с кормосмесями от 32,73 до 41,43 мм. Эти показатели выше, чем при посеве дайкона в чистом виде и особенно при майском и июльском посеве. Вероят-

Рисунок 1 - Корнеплоды дайкона разрыхляют почву

Кроме того, корнеплоды дайкона хорошо разрыхляют почву (рис. 1), препятствуя её переуплотнению. После их гибели от заморозков в почве остаются относительно крупные отверстия (примерно, такие как приводятся на рис. 2) через которые в почву весной поступает влага, а вместе с ней вносимые удобрения, проникает воздух. К тому же почва пополняется органикой, а из органики, как известно, формируется гумус (правда не так быстро, как нам хотелось бы), в свою очередь способствующий улучшению её структуры и влагообеспеченности.

но, на улучшение водного режима почвы работали не только корнеплоды дайкона, но и корневая система других компонентов кормосмесей и в особенности кукурузы.

Чистый пар тоже вариант улучшения влагообеспеченности яровой пшеницы в особенности на чернозёмах сухой степи. Но этот приём не всегда решает проблему влагонакопления, так как расход воды на испарение может достигать больших величин, кроме того, в пару происходит усиленная минерализация гумуса [4], и почва не защищена от эрозионных процессов.

Дайкон же напротив, как в чистом виде, а уж тем более в составе поливидовых растительных сообществ, хорошо притеняет почву, принимает на себя удар капель дождя, препятствует вымыванию подвижных элементов питания в нижележащие горизонты, ослабляет силу ветра в приземном слое воздуха, уменьшает скорость поверхностного стока воды.

Рисунок 2 - Отверстия в почве, остающиеся после корнеплодов дайкона

Кукуруза в поливидовых растительных сообществах с дайконом, развивая мощную глубокопроникающую корневую систему, усиливает разрыхляющий эффект почвы, а после её отмирания придаёт ей повышенную инфильтрацию. Вика и горох способствуют азотофиксации и привлечению полезных насекомых.

Таким образом, дайкон имеет перспективу быть фитомелиорантом почвы для посева яровой пшеницы. Опыт продолжается.

Библиографический список

1. Лебедик А.И. Основы агрономии. – М.: Высшая школа, 1971. – 288 с.: ил.
2. AgroXXI агропромышленный портал / Медведева А. // Топ лучших сидератов для российских полей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroxxi.ru/gazeta-zaschita-rastenii/zrast/top-luchshih-sideratov-dlja-rossiiskih-polei.html> (дата обращения 08.05.2024).
3. ФГБУ «Центр оценки качества зерна» Центр оценки качества зерна напомнил, какие сидераты подходят для разных территорий России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/274527046> (дата обращения 09.05.2024).
4. Энергоресурсосбережение в земледелии (научные основы, методические рекомендации, опыт / ред. Н.В. Яшутин. – Барнаул: [б. и.], 2000. – 265 с.
5. Мониторинг плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения Алтайского края: Справочник / Н.С. Халин, И.В. Назарова, С.А. Симакова, Л.В. Дымова, Е.А. Мариненко. – Барнаул: Параграф, 2018 – 384 с.: ил.
6. «Всероссийский научно-исследовательский институт овощеводства – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр овощеводства». Определение влажности почвы (термостатно-весовой метод)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vniioh.ru/opredelenie-vlazhnosti-pochvy-termostatno-vesovoj-metod/> (дата обращения 09.05.2024).

DAIKON AS A PHYTOMELIORANT OF THE SOIL

D.A. Pugach, *Senior Lecturer*
Altai State Agrarian University
(Russia, Barnaul)

Abstract. *The article presents preliminary experimental data obtained in 2022-2023 on the assessment of daikon of the Minovase variety as a phytomeliorant of the soil for sowing spring wheat. Daikon was sown in its pure form in three terms. In autumn and spring, the amount of productive moisture was determined. More productive moisture accumulated in the autumn-winter period after the daikon sown in the second decade of June, where the largest-sized root crops were formed. After the daikon of the other two sowing periods, the moisture intake into the soil was less significant, the size of the root crops turned out to be less voluminous. The improvement of the soil water regime before sowing spring wheat was noted in plots with polyvidal forage plant communities and especially on four and three-component plots. Daikon has a number of advantages over pure steam in terms of moisture accumulation and other properties.*

Keywords: *daikon, productive moisture, volume of root crops, feed mixtures.*

ОДНОВИДОВЫЕ И ПОЛИВИДОВЫЕ ПОСЕВЫ ПОЛЕВЫХ КУЛЬТУР

Д.А. Пугач, старший преподаватель
Алтайский государственный аграрный университет
(Россия, г Барнаул)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-167-170

Аннотация. В статье приводятся предварительные опытные данные, полученные в 2022-2023 гг. по изучению возможности использования сельскохозяйственных растений Приобья Алтайского края в качестве компонентов смешанных посевов. Совмещение в один рядок кукурузы, дайкона, вики и гороха в тех сочетаниях и соотношениях, которые были изучены, а также при сложившихся метеорологических условиях 2022 и 2023 гг. не дало возможности превзойти уровень их урожайности одновидовых посевов. Реакция кукурузы на дополнительные компоненты смешанного посева выражалась снижением её высоты и продуктивности. Вместе с тем, смешанные посевы наряду с формированием урожая находят своё выражение в повышении плодородия почвы и улучшении свойств кормовой массы.

Ключевые слова: одновидовой посев, поливидовой посев, смешанный посев, зелёная масса, кукуруза, дайкон, вика, горох.

Устойчивое производство кормов на поле в Приобье Алтайского края возможно при условии широкого спектра выращиваемых сельскохозяйственных растений, который позволит наиболее полно реализовать потенциал территории и погодных условий.

Смешанные и совместные посевы сельскохозяйственных растений считаются прогрессивным агротехническим приёмом, так как их урожай бывает более высокий и лучшего качества, чем чистых посевов [1].

Проверены и показали наиболее высокую эффективность в условиях Алтайского края четырёхкомпонентные смеси ранних сроков сева на сенах и зерносенаж из яровой пшеницы, овса, ячменя и гороха [2].

Литературные сведения по вопросу уплотнения кукурузы разными культурами противоречивы. Во многих хозяйствах, например, Кемеровской области уплотнение проводится только овсом и ячменём [1]. При возделывании кукурузы и кукурузо-зосеяных смесей в Сибири в семи опытах урожайность смесей превышала урожайность кукурузы, а в шести опытах была более низкой [3].

Набор растений, соотношение компонентов смеси, размещение их на полях во времени ... изменяются в различных поч-

венно-климатических зонах, имеют свои особенности и не могут быть рекомендованы к распространению повсеместно [4].

Целью нашего эксперимента было изучить возможности использования сельскохозяйственных растений Приобья Алтайского края в качестве компонентов смешанных посевов.

Эксперимент заложен на территории учебно-опытной сельскохозяйственной станции Алтайского ГАУ. Повторность в опыте трёхкратная. Расположение делянок рендомизированное. Площадь делянки 15 м². В одновидовом посеве кукуруза высевалась с частотой 100 тыс., горох – 1,3 млн., дайкон – 166,5 тыс. всхожих семян на 1 га. В поливидовых посевах в один рядок норма высева растений снижалась.

Предварительные результаты эксперимента приводятся ниже.

Кукуруза – традиционное сельскохозяйственное растение Приобья Алтайского края, зелёная масса которого в подавляющем большинстве случаев задействуется для силосования. Как известно, кукуруза способна наращивать большую, проникающую на глубину в почву корневую систему, обеспечивающую хорошее почвенное питание и тем самым формирование значительной биомассы растения. Так, в нашем эксперименте в 2022 году кукуруза в одновидо-

вом посеве (рис. 1) сформировала 108,1 ц/га зелёной массы. Часто в условиях Приобья Алтайского края кукуруза выступает предшественником яровой пшеницы, создавая приемлемые условия для её роста и развития. В структуре севооборота кукуруза ценится за то, что своей разветвлённой, мощной корневой системой способна дотягиваться до влаги глубоких слоёв почвы. К тому же в результате её разложения корнеобитаемый слой почвы принимает пористую

структуру, способную лучше накапливать влагу. Так, весной 2023 года нами отмечено 126,3 мм доступной влаги в метровом слое почвы перед посевом яровой пшеницы, идущей по кукурузе на силос. Более того, при скашивании кукурузы на силосную массу цикл развития некоторых вредных организмов культуры обрывается, что делает фитосанитарную обстановку поля более благоприятной.

Рисунок 1 - Одновидовый посев кукурузы (14.07.2022 г.)

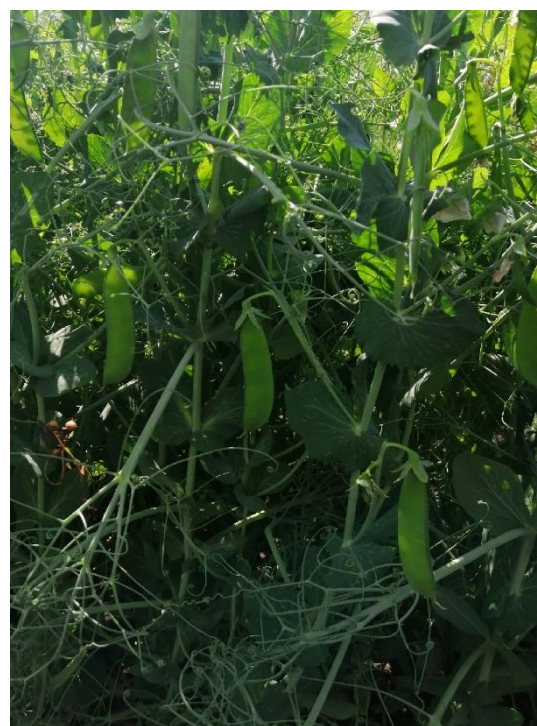

Рисунок 2 - Одновидовый посев гороха (20.07.2022 г.)

Горох – ещё одно традиционное, хорошо акклиматизированное в условиях Приобья Алтайского края сельскохозяйственное растение. В структуре севооборота оно ценится за непродолжительный период вегетации (особенно при выращивании на кормовые цели), насыщение почвы азотом клубеньковым аппаратом её корней. В нашем опыте в 2022 году горох в одновидовом посеве (рис. 2) образовал 24,5 ц/га, а в 2023 году – 28,3 ц/га зелёной массы. После гороха в Приобье Алтайского края также часто высевают яровую пшеницу.

Дайкон, в отличие от двух предыдущих культур, не традиционное для Приобья

Алтайского края сельскохозяйственное растение, но представляющее интерес с точки зрения фитомелиорации почвы и пополнения видового состава сельскохозяйственных растений как компонентов смешанных посевов. В условиях вегетационного периода 2022 года при посеве во второй декаде мая дайкон в одновидовом посеве (рис. 3) сформировал 69,4 ц/га зелёной массы и 16,9 ц/га корнеплодов.

С целью более полной реализации плодородия почвы и повышения эффективности земледелия мы попробовали свести эти культуры в смешанные посевы.

Рисунок 3 - Одновидовой посев дайкона (04.08.2022 г.)

Рисунок 4 - Смешанный посев кукурузы с дайконом (14.07.2022 г.)

Как уже было отмечено, кукуруза в чистом виде в 2022 году обеспечила выход 108,1 ц/га зелёной массы. Кукуруза же в смеси с дайконом (рис. 4) при их соприсутствии по отношению к чистым посевам, соответственно 57 и 60% позволили получить 77,2 ц/га фитомассы надземной части растений, даже с учётом той части корнеплодов, которая при низком срезе может попасть в надземную фитомассу. В 2023 году, в силу сложившихся метеорологических условий, кукуруза в чистом виде сформировала 88,4 ц/га, а в смеси с дайконом – 72,9 ц/га фитомассы надземной части растений.

Смешанный посев кукурузы, дайкона и вики с их долей участия по отношению к чистым посевам 57, 60 и 64%, соответственно в 2022 году сделал возможным получение 76,4 ц/га, а в 2023 году – 69,7 ц/га фитомассы надземной части растений.

Совмещение в одном посевах кукурузы, дайкона, вики и гороха с их процентным участием, соответственно 57, 40, 50 и 50 по отношению к чистым посевам, позволило собрать в 2022 году 80,1 ц/га, а в 2023 году – 78,2 ц/га фитомассы надземной части растений.

Снижение до 57% присутствия кукурузы в поливидовых посевах, по сравнению с одновидовым, было продиктовано необходимостью создать условия для формирования корнеплодов дайкона.

Примечательно, что при одинаковой норме высева кукурузы в смешанных посевах её продуктивность менялась. Так, в трёхкомпонентном посевах (кукуруза, дай-

кон, вика) выход зелёной массы кукурузы в 2022 году был на 16,3%, а в четырёхкомпонентном (кукуруза, дайкон, вика, горох) – на 17,3% ниже, чем в двухкомпонентном (кукуруза, дайкон). В 2023 году различия в показателях продуктивности были менее существенными и составили 4,5 и 8,7%, соответственно.

Наблюдения за растениями кукурузы в одновидовом и поливидовых посевах показали изменение её высоты. Так, в 2022 году в одновидовом посевах средняя высота растений кукурузы равнялась 204,6 см, а в поливидовых посевах изменялась от 177,3 до 188,6 см. В 2023 году кукуруза в одновидовом посевах формировала растения со средней высотой 217,2 см, а в поливидовых посевах – от 202,7 до 206,3 см.

В то же время, несмотря на некоторое снижение урожая по отношению к одновидовым посевам, у поливидовых есть положительные стороны. Так, например, после скашивания смешанного посева кукурузы с дайконом на силос, заглубленная в пахотном слое часть корнеплодов дайкона (примерно три четверти) остаётся на поле, что в какой-то мере содействует преобразованию сложения почвы. Как известно, при улучшении сложения почвы складывается более благоприятный водный, воздушный, пищевой режимы для выращивания последующей культуры, например, яровой пшеницы, что в свою очередь делает её более выносливой к абиотическим и биотическим стрессорам окружающей среды.

Добавление к кукурузе и дайкону компонентов в виде гороха и вики призвано

решить двоякую задачу: с одной стороны улучшить почвенное питание за счёт симбиотической азотфиксации и тем самым сократить потребности в минеральных азотных удобрениях, а с другой стороны обогатить силосную массу белком и тем самым предотвратить её перерасход. Кукуруза же, в свою очередь, выступает поддерживающим растением для вики и гороха, склонных к полеганию.

Таким образом, совмещение кукурузы, дайкона, вики и гороха в смешанные посевы в тех сочетаниях и соотношениях, которые были нами определены, а также при

сложившихся метеорологических условиях лет эксперимента не дало возможности превзойти уровень их урожайности одно-видовых посевов. Вместе с тем, смешанные посевы представляют интерес не только как способ получения урожая, но и одновременно как способ повышения плодородия почвы и улучшения свойств кормовой массы.

Чтобы взвесить все за и против такого способа преобразования посева в условиях Приобья Алтайского края, нужно продолжить экспериментирование.

Библиографический список

1. Самаров В.М. Корма высокого качества. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 111 с.
2. Яшутин Н.В. Организация, технология и техника успешного земледелия (инновационные проекты). – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 51 с.
3. Бенц В.А. Поливидовые посевы в кормопроизводстве: теория и практика. – Новосибирск, 1996. – 228 с.
4. Яшутин Н.В. Инновационные технологии в земледелии Сибири (инновационные проекты). – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. – 24 с.

ON-SPECIES AND POLY-SPECIES CROPS OF FIELD CROPS

D.A. Pugach, Senior Lecturer
Altai State Agrarian University
(Russia, Barnaul)

***Abstract.** The article presents preliminary experimental data obtained in 2022-2023 to study the possibility of using agricultural plants of the Ob region of the Altai Territory as components of mixed crops. Combining corn, daikon, vetch and peas in the same row in those combinations and ratios that were studied, as well as under the prevailing meteorological conditions in 2022 and 2023, did not make it possible to exceed the level of their productivity of single-species crops. The reaction of corn to the additional components of mixed sowing was expressed by a decrease in its height and productivity. At the same time, mixed crops, along with crop formation, find their expression in increasing soil fertility and improving the properties of the feed mass.*

***Keywords:** single-species sowing, poly-species sowing, mixed sowing, green mass, corn, daikon, vetch, peas.*

ХАРАКТЕРИСТИКА СВОЙСТВ ЧЕРНОЗЕМОВ, ВЫЩЕЛОЧЕННЫХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ ФНЦ ВНИИМК ГОРОДА КРАСНОДАРА

С.А. Шабанова, студент

О.Р. Богиева, студент

В.Н. Слюсарев, д-р с.-х. наук, профессор

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-5-6-171-174

Аннотация. В последнее время можно наблюдать тенденцию развития возделывания масличных культур по всему миру, в том числе и России. ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК – на данный момент главное научное учреждение страны по инновационным технологиям выращивания, селекции, семеноводству масличных культур, имеющих большое хозяйственное значение. Для благоприятного роста и развития растений необходимо обеспечение их благоприятными почвенными условиями. Масличные культуры считаются требовательными к свойствам почв, их плодородию, структуре, водно-физическим и физико-химическим показателям. Пренебрежительное отношение к условиям произрастания, требованиям культур негативно влияет на урожайность и его качество, оказывает отрицательное влияние на свойства почв, способствует появлению деграционных процессов и снижению плодородия. В данной работе представлены результаты исследования основных характеристик почв фрагмента территории центральной экспериментальной базы научно-исследовательского института города Краснодар.

Ключевые слова: черноземы выщелоченные, емкость катионного обмена, агрофизические свойства, плотность, степень насыщенности основаниями, масличные культуры.

Возделывание культур, применение препаратов химической и биологической природы, ведение агротехнических мероприятий оказывают влияние на основные свойства почвы: плотность, пористость, гидrolитическую кислотность, емкость катионного обмена, содержание почвенного органического вещества.

В результате сельскохозяйственного использования черноземов возможно два исхода – либо изменение показателей свойств в лучшую сторону, либо в худшую. Так, во избежание негативных последствий необходимо проведение мониторинга состояния земельных ресурсов с целью контроля основных показателей почв и возможности управления состоянием ландшафта для поддержания их стабильно оптимальных характеристик [1, 2].

Это немаловажно для произрастания растений. На территории землепользования ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК выращивают различные масличные и эфиромасличные культуры, активно используют инновационные технологии возделывания и реги-

стрируют новые сорта и гибриды, требовательные к свойствам почв.

Целью исследований являлось изучение основных характеристик черноземов выщелоченных малогумусных легкоглинистых сверхмощных на лессовидных тяжелых суглинках ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК г. Краснодар и определение их способности удовлетворять потребностям возделываемых масличных культур.

Объекты и методы. Почвенный разрез (прикопка) был заложен на территории центральной экспериментальной базы научно-исследовательского института. Образцы отбирались в трехкратной повторности из слоев: 0-20, 20-40 и 40-60 см, соответственно.

В лабораторных условиях кафедры почвоведения КубГАУ определили гидролитическую кислотность по Каппену, сумму обменных оснований методом Каппен-Гильковица, плотность твердой фазы – пикнометрическим методом, плотность почвы – методом режущего кольца, влажность – гравиметрическим способом, пре-

дельно-полевую влагоемкость (ППВ) – ускоренным методом по Кабаеву. Виды пористости, емкость катионного обмена, степень насыщенности основаниями – посредством расчета.

Результаты и обсуждение. Так, под плотностью сложения (d_v) понимается масса единицы объема абсолютно сухой почвы, которая взята в ненарушенном состоянии.

У анализируемых образцов почв данный показатель находится в диапазоне 1,24-1,16 г/см³: наблюдается некоторая уплотненность верхнего слоя по сравнению с нижележащими, что является свидетельством использования агротехники. Так, в целом, это условие благоприятствует для возделывания нетребовательного к почвам рыжика (табл. 1).

Плотностью твердой фазы почвы (d) называется отношением массы твердой фазы почвы в сухом состоянии к массе равного объема воды при температуре 4 °С, то есть при данной температуре воды почва занимает объем, что равен 1 см³. Под пористостью же понимают суммарный объем всех пор между частицами твердой фазы, выраженный в процентах от общего ее объема.

Проведенные исследования показали, что плотность твердой фазы (2,65 г/см³) и общая пористость (56,2-53,2%), в целом, оптимальны и обеспечивают достаточную аэрацию и водопроницаемость почв. Данный результат свидетельствует об отсутствии препятствий для корневой системы такой культуры, как соя, в получении кислорода, воды и питательных веществ для роста, развития и нормального функционирования – биологической фиксации атмосферного азота.

Предельно полевой влагоемкостью называют наибольшее количество влаги, которое удерживается почвой после стекания гравитационной воды при отсутствии слоистости и глубоком залегании грунтовых вод.

По Н.А. Качинскому, предельно полевая влагоемкость, находящаяся в диапазоне 33,7-35,3%, считается хорошей. Это способствует улучшению структуры почв, поддержания почвенных организмов и микроорганизмов активными для сохранения плодородия. К тому же, благодаря своей влагоемкости, черноземы выщелоченные могут способствовать защите растений от резких перепадов влажности и засухи. Однако слишком высокая влажность может привести к заболачиванию почв и вызвать проблемы с ростом растений.

Потребность масличных культур в воде, возделываемых на территории ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК, различны.

Лен и рыжик считаются засухоустойчивыми растениями, однако для последнего недостаток влаги в период цветения переносится плохо. Соя не только довольно устойчива к переувлажнению, но и вынослива к засухе, однако почвенную засуху переносит хуже, чем воздушную. Озимый рапс требователен к влаге, в засушливое время он интенсивно повреждается многочисленными вредителями, а в годы с повышенным увлажнением посевы в большей степени поражаются грибными болезнями. Горчица также требовательна к сохранению и накоплению влаги в верхних слоях почв [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Таблица 1. Водно-физические свойства черноземов выщелоченных ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК г. Краснодара

Слой, см	Плотность, г/см ³		Общая пористость	Полевая влажность	ППВ*
	сложения (d_v)	твердой фазы (d)			
0-20	1,24	2,65	56,2	29,0	35,3
20-40	1,17	2,65	55,8	27,4	32,7
40-60	1,16	2,65	53,2	26,7	33,5
Относительная ошибка средней, %	1,65	-	-	2,22	-
НСР ₀₅	0,07	-	-	2,03	2,14

ППВ* – предельно-полевая влагоемкость

Так, в результате исследований получены данные, демонстрирующие высокую емкость катионного обмена, что является благоприятным показателем для требовательных в элементах питания растений.

Например, у произрастающего на черноземах выщелоченных льна масличного короткий период потребления питательных веществ, невысокая усваивающая способность и чувствительность как к избытку, так и недостатку в почве макро- и микроэлементов, также особенно требовательны к наличию в почве питательных веществ соя и горчица [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Отмечается, что высокая емкость катионного обмена непосредственно подтверждает высокую буферность против под-

кисления черноземов выщелоченных. Снижение данного показателя сопряжено со снижением уровня органического вещества почвы вниз по профилю.

Степень насыщенности почвы основаниями предполагает отношение суммы поглощенных оснований к ёмкости поглощения катионов почвой.

В результате исследования мы определили, что степень насыщенности основаниями уменьшается с глубиной, – такой процесс обусловлен замещением Ca^{2+} в почвенно-поглощающем комплексе на H^+ , что указывает на наличие гидролитической кислотности (2,00 мг-экв./100 г почвы) (табл. 2). Также, установив данный показатель, сделали вывод об отсутствии необходимости в известковании почв.

Таблица 2. Физико-химические свойства черноземов выщелоченных ЦЭБ ФНЦ ВНИИМК г. Краснодара

Слой, см	S	Hг	ЕКО	V
	мг-экв на 100 г почвы			%
0-20	34,5	1,88	36,4	95,0
20-40	34,0	2,00	36,0	94,7
40-60	33,0	2,00	35,0	94,3

Примечание: S – сумма обменных оснований; ЕКО – емкость катионного обмена; Hг – гидролитическая кислотность; V – степень насыщенности основаниями.

Заключение. Таким образом, в результате проведенных исследований установлено, что водно-физические и физико-химические свойств черноземов выщелоченных малогумусных сверхмощных легкоглинистых на тяжелых суглинках являются благоприятными для возделывания масличных культур.

Это подтверждается такими показателями, как оптимальная плотность сложения почвы (1,24-1,16 г/см³), хорошая водо-

проницаемость и достаточная аэрация (56,2-53,2%), высокая емкость катионного обмена (36,4-35 мг.экв./100 г почвы), степень насыщенности основаниями (95,0-94,3%) и низкая гидролитическая кислотность (1,8-2,0 мг.-экв./100 г почвы).

Данные факторы в совокупности способствуют здоровому росту и развитию растений, что в конечном итоге приводит к повышению урожайности и качества продукции.

Библиографический список

1. Кильдюшкин В.М. Влияние минеральных и органических удобрений в зернопашном севообороте на свойства чернозема выщелоченного Западного Предкавказья / В.М. Кильдюшкин, В.Н. Слюсарев, О.А. Подколзин, А.В. Осипов // Масличные культуры. – 2022. – № 2 (190). – С. 51-56.
2. Спичка, М.Н. Характеристика чернозема выщелоченного на территории ООО «Зерновая компания «Новопетровская» ОСП «Кубаньагро-Приазовье» / М.Н. Спичка, О.А. Мельник // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам XI Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 95-летию Кубанского ГАУ и 80-летию со дня образования Краснодарского края, Краснодар, 29-30 ноября 2017 года / Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2017. – С. 1256-1257.

3. Технологии возделывания масличных культур в Краснодарском крае. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2019. – 52 с.

**THE LEACHED CHERNOZEMS PROPERTY CHARACTERISTICS OF CENTRAL
EXPERIMENTAL BAZE'S FEDERAL STATE BUDGETARY RESEARCH CENTER
VNIIMK OF KRASNODAR CITY**

S.A. Shabanova, *Student*

O.R. Bogieva, *Student*

V.N. Slyusarev, *Doctor of Agricultural Sciences, Professor*

Kuban State Agrarian University

(Russia, Krasnodar)

Abstract. *Recently, it has been possible to observe a trend in the development of oilseed cultivation all over the world, including Russia. The Central Research Center of VNIIMK is currently the country's main scientific institution for innovative technologies for growing, breeding, and seed production of oilseeds of great economic importance. For the favorable growth and development of plants, it is important to provide them with the necessary soil conditions. Oilseeds are considered demanding on the properties of the soil, its fertility, structure, water-physical and physico-chemical parameters. Neglect of growing conditions and crop requirements negatively affects yield and quality, has a negative effect on soil properties, contributes to the emergence of degradation processes and a decrease in fertility. This article presents the results of the main soil characteristics' research of Central Experimental Baze's Federal State Budgetary Research Center VNIIMK territory's fragment.*

Keywords: *leached chernozems, cation exchange capacity, agriphysical properties, density, degree of saturation with bases, oilseeds.*

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 5-6 (91), май 2024 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.06.2024 г.

Дата выхода в свет 20.06.2024 г.

Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 490 руб.